Уилбур Смит
Птица не упадет

Уилбур Смит

Птица не упадет

Серия «Кортни», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4559324
Уилбур смит. Птица не упадет: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-42557-8
Оригинал: WilburSmith, “A Sparrow Falls”
Перевод:
Дмитрий Арсеньев

Аннотация

Когда-то Шон Кортни был лихим авантюристом, одержимым жаждой разбогатеть и идущим к своей цели, не выбирая средств.

Теперь он – генерал, прославившийся на полях Второй мировой, и крупный политик, обладающий огромной властью.

Но у него – по-прежнему много врагов.

И самый опасный из всех – его собственный сын Дирк, циничный и жестокий бизнесмен, способный на любое преступление.

Противостояние Шона и Дирка начинается.

И единственный, кто действительно в силах помочь генералу, – это Марк Андерс, ставший для Шона настоящим сыном – не по крови, но по духу…

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 81

Уилбур Смит
Птица не упадет

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо. Прекрасная, любящая, верная и преданная, ты единственная в мире.

Тучи цвета старого кровоподтека, низко нависшие над полем боя, тяжело и величественно двигались в сторону немецких траншей. Бригадный генерал Шон Кортни провел во Франции всего четыре зимы, но уже научился предсказывать погоду почти так же точно, как в родной Африке. Навыки фермера и скотовода никуда не исчезли.

– Вечером пойдет снег, – сказал Шон, и лейтенант Ник ван дер Хеевер, его адъютант, оглянулся через плечо.

– Я бы не удивился, сэр.

Ван дер Хеевер был плотного сложения. Кроме ружья и обязательного снаряжения, он нес на плече брезентовую сумку, потому что генерал Кортни собирался отобедать в офицерской столовой второго батальона. В данный момент полковник и офицеры этого подразделения знать не знали о выпавшей им чести, и Шон злорадно улыбнулся, представив себе, какую реакцию вызовет его неожиданный визит. Это потрясение отчасти могло компенсировать то, что они несли в сумке: полудюжина бутылок вина и гусь.

Шон прекрасно знал, что офицеров смущают его неуставное поведение и привычка внезапно и без сопровождения штаба появляться на переднем крае. Неделю назад он подслушал разговор майора и капитана по полевому телефону.

– Старый ублюдок думает, что он все еще на войне с бурами.

– Неужели вы не можете посадить его в клетку при штабе?

– Как посадить в клетку слона?

– Ну, в следующий раз хоть предупреди нас.

Шагая за своим адъютантом, Шон снова улыбнулся. Полы его шинели хлопали по ногам в крагах; под каской в форме супницы был повязан теплый шелковый шарф. Доски под ногами генерала проседали, и грязь булькала и выступала между ними.

Эта часть передовой Шону была незнакома – бригада переместилась сюда всего неделю назад, – но зловоние было тем же, что и везде. Тяжелый дух сырой земли, смешанный с вонью гниющей плоти и испражнений, застарелый запах сгоревшего бездымного пороха и взрывчатки.

Шон принюхался и с отвращением сплюнул. Он знал, что через час привыкнет и перестанет замечать этот смрад, но сейчас он встал колом в горле, как застывший жир. Генерал снова посмотрел на небо и нахмурился. Либо ветер слегка изменил направление, либо люди в этом лабиринте траншей свернули не туда: облака катились не в том направлении, куда им следовало двигаться согласно карте, которую Шон держал в руке.

– Ник?

– Сэр?

– Вы не заблудились?

Шон увидел, что молодой младший офицер неуверенно оглянулся. По крайней мере с четверть мили траншей были пусты, спутники не встретили среди высоких земляных стен ни одного человека.

– Нам надо осмотреться, Ник.

– Есть, сэр.

Ван дер Хеевер устремил взгляд вдоль траншеи и нашел то, что искал. На следующем перекрестке к стене была приставлена деревянная лестница. Она доходила до самого бруствера из мешков с песком. Лейтенант направился к ней.

– Осторожней, Ник! – крикнул ему вслед Шон.

– Все в порядке, сэр, – ответил молодой человек и прислонил ружье к стене у лестницы.

Шон считал, что они еще в трех-четырех сотнях ярдов от передовой.

Быстро темнело. Из-за густых облаков все вокруг приобрело слегка лиловый оттенок. В такую погоду попасть в цель трудно, к тому же Шон знал, что ван дер Хеевер опытный солдат: он выглянет из-за бруствера быстро, как мангуст из норы.

Шон смотрел, как адъютант на самом верху прижался к стене, на мгновение высунулся и тут же убрал голову.

– Холм слева от нас, но слишком далеко, – сообщил он.

Ник имел в виду низкое круглое возвышение, поднимавшееся всего на сто пятьдесят футов над однообразной равниной, почти лишенной ориентиров.

Когда-то холм был покрыт лесом, но сейчас там торчали лишь обломанные стволы высотой по пояс, а склоны были изрыты воронками от разрывов.

– Далеко ли ферма? – спросил Шон, по-прежнему глядя наверх.

Упомянутый дом в самом центре батальонного сектора представлял собой прямоугольное строение без крыши, с обвалившимися стенами, и обычно служил пристрелочным ориентиром для артиллерии, пехоты и самолетов.

– Посмотрю еще раз. – И ван дер Хеевер высунулся над бруствером.

Из маузера стреляют с очень характерным звуком, высоким и зловещим; этот звук Шон слышал так часто, что мог определить по нему расстояние и направление.

Одиночный выстрел с пятисот ярдов, почти прямо впереди.

Голова ван дер Хеевера дернулась назад, словно от сильного удара, и его металлическая каска уподобилась гонгу. Подбородочный ремень лопнул, каска высоко взлетела в воздух, упала на доски на дне траншеи и откатилась в лужу серой грязи.

Еще мгновение руки ван дер Хеевера оставались на верхней перекладине лестницы, потом пальцы, лишившись команд мозга, разжались, и лейтенант рухнул на дно траншеи; полы его шинели разлетелись при падении.

Шон стоял как вкопанный – ему не верилось, что в Ника попали, но, как военный и охотник, он со страхом и благоговением оценил этот единственный выстрел.

Что за виртуоз? Пятьсот ярдов при тусклом свете; один короткий взгляд на высунувшегося на мгновение Ника; три секунды на то, чтобы установить прицел и выстрелить во вновь показавшуюся голову. Немец, сделавший это, либо превосходный снайпер с рефлексами леопарда, либо самый удачливый солдат на всем Западном фронте.

Эта мысль промелькнула мгновенно. Генерал тяжело шагнул вперед и склонился над своим офицером. Шон просунул руку ему под плечи, перевернул и почувствовал, как что-то холодное сжимает грудь.

Пуля вошла в висок и вышла за противоположным ухом.

Шон положил простреляннную голову к себе на колени, снял свою каску и принялся разматывать шелковый шарф. Он ощутил пустоту утраты.

Шон медленно обернул голову молодого человека шарфом, и сквозь тонкую ткань сразу просочилась кровь.

Бесполезный жест, но он помог занять руки и отогнать ощущение беспомощности.

Хмурый Шон, сгорбившись, сидел на грязных досках, держа на коленях голову мальчишки. Благодаря густым, темным, жестким, с седыми прядками, волосам, блестевшим на морозном воздухе, Шон казался большеголовым. Короткая густая борода тоже с проседью, большой нос с горбинкой свернут на сторону и кажется сломанным.

Только черные дуги бровей гладкие, ровные, а глаза ясные и кобальтово-синие – глаза молодого человека, спокойного и внимательного.

Шон Кортни сидел так долго, потом вздохнул и опустил голову убитого на землю.

Встал, взвалил на плечо сумку и двинулся дальше по траншее.

* * *

За пять минут до полуночи полковник, командир второго батальона, пригнувшись, прошел через завешанный одеялами вход в столовую и, распрямившись, рукой в перчатке принялся стряхивать снег с плеч.

Полугодом ранее столовая была немецким блиндажом, и теперь второму батальону завидовала вся бригада. Блиндаж глубиной в тридцать футов был недоступен даже для самого тяжелого артиллерийского снаряда. Пол был выстлан прочными бревнами, стены обиты панелями для защиты от холода и сырости.

У дальней стены приветливо светилась пузатая печь.

Вокруг нее на принесенных отовсюду стульях сидели с полдюжины офицеров.

Но полковник смотрел только на мощные плечи генерала, занимавшего самый большой и удобный стул у самой печи. Полковник сбросил шинель и торопливо пошел через блиндаж.

– Генерал, прошу прощения. Знай я, что вы придете, я бы отложил обход.

Шон Кортни усмехнулся, тяжело встал и пожал полковнику руку.

– Я так и подумал, Чарлз. Ваши офицеры развлекли меня, и мы оставили вам кусок гуся.

Полковник оглядел кружок и нахмурился, заметив раскрасневшиеся щеки и блестящие глаза некоторых молодых офицеров. Надо предупредить их, что глупо пытаться пить наравне с генералом: старик крепок как скала. Глаза у Шона были как штыки, но Чарлз достаточно хорошо знал его, чтобы понять – в животе у генерала кварта вина и он чем-то встревожен. Потом он вспомнил.

– Жаль молодого ван дер Хеевера, сэр. Старшина рассказал мне.

Шон махнул рукой, и на мгновение его глаза потемнели.

– Если бы сообщили о своем визите, я бы вас предупредил, сэр. С тех пор как мы здесь разместились, нам житья нет от этого снайпера. Это один парень, но невероятно опасный. Никогда ни о чем подобном не слышал. Серьезная проблема во время затишья. Все наши потери за неделю только из-за него.

– Что вы собираетесь против него предпринять? – спросил Шон.

Все увидели краску гнева на лице генерала, и тут вмешался адъютант полковника.

– Я побывал у командира третьего батальона, Кейтнесса, и мы договорились. Он согласился прислать к нам Андерса и Макдональда.

– Вы их заполучили! – Полковник явно обрадовался. – Отлично! Я не думал, что Кейтнесс расстанется со своими лучшими стрелками.

– Они явились сегодня утром и весь день изучали местность. Я предоставил им полную свободу. Как я понял, назавтра они планируют отстрел.

Молодой капитан, командир роты, взглянул на часы.

– Они работают в моем секторе, сэр. Кстати, я хотел сходить проведать их. В половине двенадцатого они собирались занять позицию. Если разрешите, сэр.

– Да, идите, Дики, и пожелайте им от меня удачи.

Все в бригаде слышали об Андерсе и Макдональде.

– Я хотел бы с ними встретиться, – неожиданно сказал Шон Кортни, и полковник покорно согласился.

– Конечно. Я буду вас сопровождать, сэр.

– Нет-нет, Чарлз, вы и так всю ночь провели на холоде. Я пойду с Дики.

* * *

С темного полуночного неба падал густой снег. Он укутал звуки ночи пухлым одеялом, приглушив регулярные очереди из «виккерса» на левом фланге батальона.

Марк Андерс сидел, закутавшись в одолженные одеяла, и читал, приноравливаясь к желтому дрожащему свету свечного огарка.

Из-за снегопада в окопе значительно потеплело. Это разбудило спавшего рядом с Андерсом человека. Тот закашлялся, повернулся и приоткрыл брезентовый полог возле головы.

– Черт возьми! – Человек снова зашелся громким кашлем заядлого курильщика. – Провались оно все к дьяволу! Снег пошел. – Он повернулся к Марку и грубо спросил: – Опять читаешь? Вечно носом в долбаную книгу. Испортишь зрение и не сможешь стрелять.

Марк поднял голову.

– Снег идет уже целый час.

– На что тебе книжки? – Фергюса Макдональда было нелегко сбить с мысли. – Ничего хорошего это тебе не даст.

– Не нравится мне этот снег, – заявил Марк. – Мы его не учитывали.

Снег осложнял решение задачи. Он покроет все вокруг предательским белым покровом. Всякий, кто направится на нейтральную полосу, оставит заметные следы, и рассвет сразу выдаст его врагу.

Загорелась спичка, Фергюс прикурил две сигареты и протянул одну Марку. Они сидели плечом к плечу, закутавшись в одеяла.

– Можешь отказаться от стрельбы. Скажи им. Ты ведь доброволец, парень.

Они молча курили целую минуту, прежде чем Марк ответил:

– Этот немец опасен.

– Может, в снег он не покажется, останется на печке.

Марк медленно покачал головой.

– Если он настолько хорош, то придет.

– Да, – кивнул Фергюс. – Он дока. Его вчерашний выстрел… парень пролежал весь день, да расстояние в пятьсот ярдов, словно один дюйм, да при таком освещении… – Он замолчал, потом быстро продолжил: – Но ты тоже молодец. Ты лучше.

Марк промолчал и старательно погасил окурок.

– Пойдешь? – спросил Фергюс.

– Да.

– Тогда вздремни. День будет долгий.

Марк задул свечу, лег и укрылся одеялом с головой.

– Поспи подольше, – произнес Фергюс. – Я разбужу.

И он сдержал желание по-отцовски похлопать Марка по костлявому плечу.

* * *

Молодой капитан негромко сказал что-то одному из часовых на передовой, тот шепотом ответил и подбородком указал в сторону темной траншеи.

– Сюда, сэр.

Капитан, закутанный так, что походил на медведя, пошел по доскам, Шон следом, возвышаясь над ним на целую голову.

У следующего поворота сквозь полог из падающего снега виднелся тусклый красный свет жаровни в углублении в стене траншеи. Вокруг жаровни, как ведьмы на шабаше, теснились темные фигуры.

– Сержант Макдональд?

Один из сидящих поднялся.

– Я. – Голос прозвучал уверенно.

– Андерс с вами?

– Так точно, – отчеканил Макдональд, и из темноты возник еще один человек. Он был высокого роста, но двигался грациозно, как спортсмен или танцовщик.

– Готовы, Андерс? – Капитан говорил траншейным шепотом.

За Андерса ответил Макдональд:

– Он готов к стрельбе, сэр. – Сержант чувствовал себя хозяином, как импресарио борца-чемпиона. Ясно было, что парня он считал своей собственностью, обладание которой давало ему то, чего он сам никогда не достиг бы.

В этот миг высоко над головой разорвался осветительный снаряд; ослепительно яркую бесшумную вспышку приглушил падающий снег.

Шон умел оценивать людей и лошадей. Он мог выделить из толпы и человека с гнильцой, и человека с большим сердцем. Ему помогали жизненный опыт и какое-то глубокое необъяснимое чутье.

При свете жаровни он посмотрел в лицо старшему, сержанту. У Макдональда была костлявая физиономия вечно недоедающего жителя трущоб, глаза посажены слишком близко, губы тонкие, их уголки опущены.

Ничего интересного в этом лице не было, и Шон обратил свой взор на второго.

Глаза золотистые, светло-карие, широко расставленные; спокойный, безмятежный взгляд поэта или человека, долго жившего в открытой местности с далеким горизонтом. Они широко распахнуты, позволяя видеть чистую белую полоску по краям радужной оболочки, так что зрачок, казалось, плывет, точно полная луна. Шон в прошлом встречал такие глаза всего несколько раз, и их воздействие было почти гипнотическим – искренность и прямота этого взгляда словно проникали в самую глубину души.

К этому первому впечатлению добавились и другие. Главное – стрелок был очень молод. Ему не более двадцати, решил Шон, и сразу заметил, как напряжен этот мальчик. Вопреки спокойствию взгляда он натянут как стальная струна, и от внутреннего напряжения вот-вот лопнет.

Шон часто видел такое за прошлые четыре года. У парнишки обнаружили особый талант и принялись безжалостно его эксплуатировать, все они: Кейтнесс из третьего батальона, этот похожий на хорька Макдональд, Дики и теперь он. Самым жестоким образом, все время посылая в дело.

Мальчишка держал в руке кружку с горячим кофе, из-под рукава виднелось его запястье, худое и покрытое красными следами укусов вшей.

Шея слишком длинная и тонкая, щеки впалые, глаза тоже ввалились.

– Это генерал Кортни, – сказал капитан; Шон обратил внимание, что глаза у паренька загорелись, и у того перехватило дыхание.

– Здравствуйте, Андерс. Много о вас слышал.

– А я о вас, сэр.

Превознесение его заслуг раздражало Шона. Конечно, мальчишка наслушался рассказов о нем. Бригада гордится своим генералом, и каждый новобранец обязательно получает свою порцию баек. А Шон ничего не может сделать, чтобы помешать их распространению.

– Большая честь познакомиться с вами, сэр. – Андерс чуть заикался – еще один признак крайнего напряжения, но сами слова звучали искренне.

Легендарный Шон Кортни, предприниматель, заработавший пять миллионов фунтов на золотых полях Витватерсранда и потерявший все до последнего пенни, когда от него отвернулась удача. Военачальник, который гонялся за бурским генералом Леруа по половине Южной Африки и в конце концов схватил его после ожесточенной рукопашной. Солдат, который остановил в ущелье свирепых зулусских воинов Бомбаты и оттеснил их прямо под огонь поджидающих «максимов». Светлый ум, который вместе со своим бывшим врагом Леруа задумал и создал Союз, объединивший четыре независимых государства Южной Африки в единое могучее целое, а потом сколотил новое огромное состояние: земля, скот, лес. Политик, который отказался от своего поста в кабинете Луиса Боты и от положения главы Законодательного совета Наталя, чтобы возглавить части во Франции; такой человек должен вызывать блеск в глазах мальчика и заставлять его заикаться, но это все равно раздражало Шона.

«В пятьдесят девять лет я слишком стар, чтобы играть в героя», – меланхолично подумал он.

Осветительный снаряд погас. Воцарилась тьма.

– Найдется еще одна чашка кофе? – поинтересовался Шон. – Сегодня чертовски холодно.

Он принял побитую эмалевую кружку, присел к жаровне, зажал чашку ладонями, подул на дымящуюся жидкость и шумно отпил; через мгновение все нерешительно последовали его примеру. Неловко было сидеть вот так рядом с генералом, словно они старые товарищи. Наступила глубокая тишина.

– Вы из Зулуленда? – неожиданно спросил Шон у паренька, расслышав знакомый акцент, и без остановки продолжил по-зулусски: – Velapi wean? Откуда ты?

Зулусский в устах Марка Андерса прозвучал совершенно естественно, хоть он и не говорил на нем уже два года.

– С севера, за Эшове, у реки Умфолози.

– Да. Я хорошо знаю эти места. Я там охотился, – снова перешел на английский Шон. – Андерс? Я знавал другого Андерса. Он привел транспорт от залива Делагоа в 1889 году. Джон? Да, так его звали. Джонни Андерс. Родственник? Может, отец?

– Это мой дед. Отец умер. У деда есть земля на Умфолози. Там я жил.

Мальчишка расслабился. Шону показалось, что в свете жаровни он видит, как разжимаются напряженные губы.

– Не думаю, чтобы вы знали, как живут бедные люди вроде нас, сэр, – фыркнул Макдональд, наклонившись к жаровне и повернув голову, так что Шон разглядел складку злобы у его рта.

Шон медленно кивнул. Макдональд один из этих.

Один из тех, кто хочет установить новый порядок, сторонник марксистских профсоюзов и большевиков, которые бросают бомбы и называют друг друга «товарищами». Неожиданно – и не очень к месту – Шон заметил, что у Макдональда рыжие волосы и большие золотистые веснушки на тыльной стороне ладоней. Он повернулся к Марку Андерсу.

– Стрелять вас учил дед?

– Да, сэр. – Парень впервые улыбнулся, согретый воспоминаниями. – Он дал мне первое ружье, «мартини хендри», оно выбрасывало столб дыма, как пожар в буше, но точно било на сто пятьдесят ярдов. С ним я охотился на слонов.

– Хорошее ружье, – согласился Шон, и неожиданно, несмотря на разницу в сорок лет, они почувствовали себя друзьями.

Возможно, недавняя смерть другого многообещающего юноши, Ника ван дер Хеевера, оставила в жизни Шона зияющую брешь, ведь генерал всегда по-отцовски покровительство-

вал молодым. Фергюс Макдональд как будто тоже почувствовал это, и вмешался в разговор, словно ревнивая женщина.

– Тебе лучше начать готовиться, парень.

Улыбка на губах Марка погасла, глаза стали совершенно спокойными, и он сдержанно кивнул.

Фергюс Макдональд суетился вокруг него, и снова Шон подумал о тренере, который в раздевалке готовит своего бойца к схватке. Марк сбросил тяжелую просторную шинель и военный китель. Поверх теплого белья он надел шерстяную рубашку и два вязаных жилета. Горло повязал шарфом.

Еще – комбинезон механика, который плотно обтянул слои одежды, так что на ветру ничто не привлечет внимание вражеского наблюдателя. На голову – вязаную шапочку и кожаный шлем летчика. Шон понял зачем: английская стальная каска имеет заметную кромку и, кроме того, не защищает от пули из маузера.

– Держи башку низко, Марк, мальчик мой.

На руки – митенки, а на них – толстые пуховые варежки.

– Пусть пальцы работают, парень. Не позволяй им цепенеть.

Небольшая кожаная наплечная сумка удобно ложится под левую руку.

– Сэндвичи с ветчиной и уймой горчицы, шоколад и ячменный сахар, как ты любишь. Не забудь поесть, чтобы не замерзнуть.

Четыре полные обоймы патронов калибра 0.303 – три в наколенных карманах комбинезона, четвертая в особом кармане, нашитом на левый рукав.

– Я сам натер их воском, – провозгласил Фергюс, преимущественно для генерала. – Войдут, как… – сравнение было непристойным и должно было показать, что Фергюс презирает ранги и звания. Но Шон спокойно пропустил грубость мимо ушей – его очень заинтересовали приготовления к охоте.

– Хочу показать Катберта, пока солнце еще не спряталось.

– Что за Катберт? – спросил Шон. Фергюс усмехнулся и показал на фигуру, неподвижно лежавшую в глубине окопа. Шон впервые обратил на нее внимание; Фергюс снова засмеялся, увидев его удивление, и наклонился к фигуре.

Только тут Шон понял, что это манекен, но в свете жаровни его черты были почти живыми, а голова в шлеме располагалась под естественным углом к плечам. В районе бедер манекен неожиданно заканчивался длинной палкой, похожей на ручку метлы.

– Я хотел бы посмотреть, как вы его используете, – обратился Шон к молодому Марку Андерсу, но ответил с важным видом Фергюс:

– Вчера немец работал с северного склона. Мы с Марком прикинули углы двух его выстрелов и определили его положение с точностью до пятидесяти ярдов.

– Он может сменить позицию, – заметил Шон.

– Он не уйдет с северного склона. Там круглый день тень, даже когда выходит солнце. Ему нужно стрелять из тени на свет.

Шон кивнул, оценив логику этих рассуждений.

– Да, – согласился он, – но он может располагаться на площадке в немецких траншеях.

– Не думаю, сэр, – негромко произнес Марк. – Там слишком далеко, окопы проходят по верху холма, а ему нужно меньшее расстояние. Нет, сэр, он будет стрелять с более близкой точки. Он выбирает позицию на нейтральной полосе, возможно, ежедневно меняет ее, подбираясь к нашим траншеям как можно ближе, но не выходя из тени.

Теперь мальчик ни разу не запнулся – его мозг был занят решением проблемы. Голос его звучал низко и напряженно.

– Я выбрал для Марка хорошую позицию, под фермерским домом. Оттуда в зону обстрела попадает весь северный склон, по крайней мере на двести ярдов. Сейчас парень

выйдет и расположится, пока еще темно. Я отправляю его пораньше. Пусть будет на месте раньше немца. Не хватало еще в темноте наткнуться на этого ублюдка, – с властным видом распоряжался действиями Марка Фергюс Макдональд. – Мы подождем, пока совсем не рассветет, а тогда я начну работать здесь с Катбертом. – Он похлопал по манекену и снова рассмеялся. – Чертовски трудно придать ему естественный вид – мол, какой-то болван высовывает голову, чтобы бросить первый взгляд на Францию. Если позволить немцу слишком долго на него смотреть, он поймет, в чем штука, а если убрать его слишком быстро, немец не успеет выстрелить. Нет, это нелегко.

– Могу себе представить, – сухо заметил Шон. – Это самая опасная и трудная часть всего дела.

Он увидел, как лицо Фергюса Макдональда стало страшным, и снова повернулся к Марку Андерсу.

– Еще чашка кофе, юноша, и пора начинать. Вам надо занять место до того, как перестанет идти снег. – Он сунул руку за пазуху и достал фляжку, которую подарила ему Руфь в день отправления части на фронт. – Налейте немного в кофе.

И он протянул фляжку Марку.

Тот застенчиво покачал головой.

– Нет, спасибо, сэр. От этого у меня глаз косит.

– Не возражаете, если я возьму, сэр? – быстро спросил Фергюс Макдональд, протягивая руку к фляжке. Прозрачная коричневая жидкость полилась в его кружку.

Старшина еще до полуночи отправил наряд, чтобы в проволочном заграждении перед расположением роты сделали отверстие.

Марк остановился на дне траншеи у подножия деревянной лестницы и переложил винтовку в левую руку; взорвался новый осветительный снаряд, и в его свете Шон увидел, как сосредоточен парень на своей задаче. Он оттянул затвор, и Шон заметил, что это не стандартная винтовка № 1 Ли-Энфилда, рабочая лошадка британской армии – парень предпочел американскую П-14, которая тоже калибра 0.303, но имеет более длинный ствол и лучше сбалансирована.

Марк вложил в магазин две обоймы и закрыл затвор, оставив в казеннике два тщательно смазанных и отобранных патрона.

В догорающем зареве он посмотрел на Шона и легонько кивнул. Свет погас, и в наступившей тишине Шон услышал легкие шаги по деревянной лестнице. Он хотел пожелать Марку удачи, но сдержался и стал рыться в карманах в поисках портсигара.

– Сэр, пойдемте назад, – негромко предложил капитан.

– Идите, – ответил Шон хриплым от предчувствия надвигающейся трагедии голосом. – Я еще немного побуду здесь.

Хотя он ничем не мог помочь парню, уйти сейчас казалось ему дезертирством.

* * *

Марк неслышно шел вдоль провода, проложенного патрулем, чтобы было легче добраться до бреши в ограждении. Наклоняясь, чтобы не потерять провод, зажатый в левой руке (в правой он нес свою П-14), он осторожно поднимал и опускал ноги, стараясь равномерно распределять вес и не потревожить снежный покров, не проломить корку наста.

Но всякий раз, как вспыхивал осветительный снаряд, парню приходилось падать ничком и лежать неподвижно, съежившись, темным пятном на ослепительном свету, под защитой лишь непрерывно идущего снега. Поднимаясь в темноте и двигаясь дальше, он отдавал себе отчет, что оставил после себя приметное пятно.

При обычных обстоятельствах это не имело бы значения, ведь на голой, простреляннной снарядами нейтральной полосе такие легкие царапины незаметны. Но Марк знал, что, едва забрезжит рассвет, каждый дюйм поверхности примется обыскивать в поисках именно таких следов пара необычных глаз.

Внезапно – холоднее, чем ледяное прикосновение снежного воздуха к щекам – он ощутил одиночество, свою уязвимость, осознал, что ему противостоит искусный и неуязвимый враг, невидимый, ужасающе удачливый противник, который за малейшую ошибку покарает неумолимой смертью.

Последний осветительный снаряд догорел и погас, и Марк поднялся и побрел во мраке к темной неровной стене разрушенного фермерского дома. Он присел у этой стены и постарался выровнять дыхание: неожиданно нахлынувший ужас грозил задушить его. Он впервые почувствовал нечто подобное.

Страх был ему знаком, он стал его постоянным спутником в последние два года, но Марк никогда еще не знавал такого парализующего ужаса.

Парень тронул свою ледяную щеку пальцами правой руки и почувствовал, как они дрожат; словно из сочувствия, часто застучали зубы. «Я не могу так стрелять, – подумал он, стиснув челюсти до боли в зубах и прижав руки к телу, – но и оставаться здесь не могу. Надо уходить отсюда, и побыстрей. Развалины – слишком очевидное место для позиции снайпера». Неожиданно его ужас превратился в панику, и Марк приподнялся, чтобы ползти назад, бросив винтовку у разрушенной стены.

– Bist du da?[1] – донесся до него из темноты, совсем близко, негромкий голос.

Марк мгновенно застыл.

– Ja! – ответили чуть дальше у стены, и Марк обнаружил, что его левая рука естественным образом легла на ствол, а правая обхватила затвор; указательный палец лег на спусковой крючок.

– Komm, wir gehen zuruck[2].

Рядом с собой Марк скорее ощутил, чем увидел движение тяжело нагруженной фигуры. Он повернул винтовку в ее сторону, готовый стрелять. Немец грузно ступал по предательски тонкому снежному покрову. Катушки проводов, которые немец нес, негромко звякнули. Он выругался:

– Scheisse!

– Halt den Mund![3] – выпалил второй, и они направились по холму в сторону своих траншей.

Марк удивился, что наряд немецких связистов вышел в такую погоду. Прежде всего он подумал о вражеском снайпере и только потом о своей неожиданной удаче.

Наряд проведет его к немецким окопам и скроет след от снайпера.

Приняв решение, Марк с удивлением почувствовал, что паника прошла, руки прекратили дрожать и обрели твердость камня, а дыхание стало спокойным и глубоким. Он невесело улыбнулся собственной слабости и скользнул вслед за немецким нарядом.

Они были уже в ста шагах за фермерским домом, когда снег перестал идти. Марк пришел в отчаяние (он рассчитывал, что снег будет скрывать его по крайней мере до рассвета), но продолжал красться за связистами. Немцы, приблизившись к своим окопам, пошли быстрее и увереннее.

---

[1] Ты здесь? (*нем.*) – *Здесь и далее прим. перев.*

[2] Поворачивай, мы идем обратно (*нем.*).

[3] Черт побери! – Заткнись! (*нем.*)

В двухстах ярдах от вершины Марк отстал от них и двинулся наискось по склону, отыскивая проход в проволочном заграждении, пока наконец не узнал точку, которую они с Фергюсом выбрали накануне днем, разглядывая местность в бинокль. Он добрался до цели.

Один из больших дубов, что росли на холме, упал, вывороти из вспаханной разрывами земли путаницу корней.

Марк забрался внутрь, выбрал место, которое под косыми лучами зимнего солнца окажется в самой глубокой тени, и полз на животе, пока корни наполовину не скрыли его, в то же время не лишив возможности поворачивать голову и плечи, изучая весь северный склон холма.

Теперь прежде всего следовало тщательно проверить П-14, обратив особое внимание на уязвимый высоко установленный прицел и убедившись, что его не сбило во время перемещения по нейтральной полосе. Проделав все это, Марк съел два сэндвича, выпил несколько глотков сладкого кофе и закрыл шерстяным шарфом нос и рот – ради тепла и чтобы скрыть пар от дыхания. И лег головой на приклад винтовки. Он выработал привычку мгновенно засыпать. Пока он спал, снова пошел снег.

Когда Марк проснулся в тоскливом свете серого дня, он был укутан мягкими белыми хлопьями. Стараясь не нарушить покров, Марк осторожно поднял голову и помигал, чтобы глаза быстрей привыкли. Пальцы в перчатках оцепенели; он принялся разминать их, усиливая приток крови.

Марку снова повезло: дважды за ночь – это перебор. Вначале наряд провел его сквозь ограждение, а теперь снег обеспечил естественную маскировку, так что фигура парня слилась с корнями дуба. Слишком большая удача, маятник должен качнуться в противоположном направлении.

Тьма медленно отступала, видимое пространство расширялось, и все существо Марка сконцентрировалось в широко раскрытых карих с золотом глазах. Эти глаза быстро обыскивали местность, изучая все неправильности и складки поверхности, каждую особенность, каждый объект, каждый оттенок текстуры и цвета снега, грязи и земли, каждый пень и каждую ветку, края всех углублений; они искали тени там, где их не должно было быть, высматривали, не потревожен ли новый слой снега – искали жизнь.

* * *

Около девяти снег снова прекратился, а к полудню небо прояснилось и в облаках появились разрывы; единственный рассеянный луч солнца, как луч прожектора, прошел по южному склону холма.

– Пора, Катберт, вызвать огонь на себя.

Фергюс отметил все жертвы немецкого снайпера на карте траншей, которую дал ему старшина. В одном месте рядом стояли две черные точки. Здесь бруствер был слишком низким и хорошо просматривался с холма. После того как в этих двух местах были убиты пять человек, бруствер нарастили, и крупная надпись предупреждала неосторожных: НЕ ПОДНИМАЙ ГОЛОВУ: РАБОТАЕТ СНАЙПЕР Эти две точки разделяло всего пятьдесят шагов, и Фергюс догадывался, что снайпер добивался успеха, дождавшись, когда жертва пройдет там по траншее. Немец засекал голову в первом прогале и держал палец на спусковом крючке, карауля ее появление во втором. Делая свои приготовления, Фергюс все это объяснил Шону, которого так заинтересовала охота, что в штаб его могло вернуть только крупное немецкое наступление.

Утром генерал поговорил по телефону со своим адъютантом и предупредил, где его найти в случае надобности.

– Только если это действительно будет необходимо, – сердито прорычал он в микрофон.

– Я поведу его с юга на север, – сообщил Фергюс, – это заставит проклятого немца отвлечься от позиции Марка и даст парню лишнюю секунду, пока снайпер будет поворачиваться назад.

Шону пришлось признать, что Фергюс искусно управляет манекеном. Макдональд поднял его на два фута выше нормального человеческого роста, поскольку бруствер нарастили, и очень реалистично передернул его плечами, словно это был человек, который торопливо проходит первую брешь.

Шон, молодой капитан, старшина с грубым бычьим лицом и еще с полдюжины солдат ждали у второй бреши, глядя на идущего к ним по доскам Фергюса.

Когда тот приблизился, все невольно затаили дыхание и напряглись.

Со склона холма раздался выстрел из маузера, как будто хлыст распорол ледяной воздух, и манекен в руках Макдональда резко наклонился.

Фергюс сдернул его вниз и опустился на колени, рассматривая аккуратную круглую дыру в папье-маше, из которого была сделана голова манекена.

– Черт! – горько прошептал он. – Что за черт!

– В чем дело, Макдональд?

– Проклятый немец, вот сволочь!

– Макдональд!

– Он там же, где и мой парень.

Шон понял не сразу.

– Он в корнях дуба, прямо над Марком. Они выбрали одну и ту же позицию.

* * *

Зловещий звук выстрела прозвучал так близко и так резко, что еще несколько секунд в ушах у Марка словно звенел комар.

На эти несколько секунд он оторопел, замер от неожиданности.

Немецкий снайпер – в двадцати шагах от места, где притаился Марк. По невероятной случайности он выбрал ту же точку на склоне. Нет, это не совпадение. Глазом охотника оба стрелка наметили идеальное место для достижения своей цели – причинить быструю смерть из укрытия. Маятник удачи Марка качнулся к противоположной вершине дуги.

Марк лежал совершенно неподвижно, но все его чувства обострила волна адреналина, хлынувшая в кровь, а сердце колотилось о стенки грудной клетки.

Немец был слева от него, немного выше по склону, чуть сзади, за плечом. Его левый бок не защищен.

Марк, не поворачивая головы, повел глазами и на краю поля зрения, совсем близко, заметил еще один поваленный дуб. Целую минуту юноша не шевелился, краем глаза высматривая малейшее движение. Ничего. Тишина угнетала… но тут примерно в миле от Марка грохнул орудийный выстрел.

Марк начал медленно поворачивать голову влево – как хамелеон, выслеживающий муху. Постепенно искажения периферийного зрения скомпенсировались, и он смог разглядеть весь склон перед собой.

Ствол соседнего дуба сильно пострадал от шрапнели, с него содрало всю кору, торчали щепки. Он упал на впадину в земле, получилось что-то вроде моста; и, хотя все завалило снегом, между стволом и землей оставалась узкая щель. Она была шириной не больше трех дюймов в центре, и в ней были видны отблески снега, лежавшего дальше.

В это мгновение глаз Марка уловил легкое перемещение, не более чем на пару сантиметров. Но именно оно привлекло внимание парня. Через пять долгих секунд он сообразил, что перед ним.

Из-за дуба выглядывало дуло маузера. Ствол был обернут в джутовую ткань, чтобы не выделялась строгая прямота предмета и не блестел металл, но дуло оставили неприкрытым.

За дубом примостился немец; его правый бок прикрыт, как у Марка, деревом; немец смотрит в сторону от Марка, и разделяет их около двадцати футов.

Десять минут Марк, не шелохнувшись, буравил взглядом ствол маузера. Немец попался терпеливый, он тоже лежал совершенно неподвижно. Перезарядив оружие, он застыл в ожидании. «Он так хорош, что я не могу расчистить зону обстрела, – подумал Марк. – Если я сдвинусь хоть на дюйм, он услышит, а он быстрый, очень быстрый». Чтобы вести огонь, отчетливо видя цель, следует отползти футов на двадцать; но тогда прямо перед Марком окажется ствол маузера, а немец может заметить движение. Сопернику же такого уровня нельзя давать ни малейшего преимущества.

Минуты медленно утекали, напряжение не спадало. У Марка возникло ощущение, что каждый его нерв и каждое сухожилие натянулись и зримо дрожат, но на деле он лишь пошевелил пальцами правой руки. Пальцы еле заметно сжимались и разжимались, оставаясь теплыми и гибкими, а глазами парень медленно водил вдоль ствола дуба; Марк часто мигал, чтобы снять напряжение и удалить лед, намерзающий на ресницах в холодном воздухе.

* * *

Что там происходит? Фергюс Макдональд нервничал, глядя в перископ, который позволял наблюдателю оставаться ниже заснеженного бруствера. Мальчишка там застрял. Генерал Шон Кортни не отрывал глаз от другого перископа; он слегка поворачивал его, рассматривая склон.

– Попробуйте еще раз подманить немца Катбертом.

– Не думаю, что он на это купится, – с ходу возразил Фергюс, поднимая голову; вокруг его близко посаженных глаз порозовело от холода и напряжения.

– Это приказ, сержант. – Широкий лоб Шона Кортни пошел морщинами, темные брови грозно сошлись; генерал рыкнул, как старый лев, и сверкнул глазами. Даже на Фергюса Макдональда его властность, само его присутствие подействовали отрезвляюще.

– Хорошо, сэр, – мрачно ответил он и направился к манекену, прислоненному к стене.

* * *

Снова раздался выстрел из маузера, и от неожиданности Марк дважды моргнул и снова широко раскрыл глаза. Карие с золотом, они внимательно изучали на склон, как глаза охотящегося сокола.

Через мгновение после выстрела парень услышал, как затвор маузера отошел, потом снова встал на место; оружие перезарядили, и опять высунулся кончик обернутого в ткань ствола, но взгляд Марка переместился чуть в сторону.

Короткое движение, такое легкое, что менее острый глаз его бы не заметил. Всего лишь вздох, но он был виден в узкую трехдюймовую щель между стволом дуба и покрытой снегом землей. Мгновенное шевеление – и снова все застыло в неподвижности.

Марк долго смотрел в щель и ничего не видел. Просто тень и размытый силуэт, слабо отражающий отблески от снега. Неожиданно Марк заметил еще кое-что.

Это была ткань, узкая полоска в щели; потом Марк разглядел на этой ткани грубый шов, который слегка вздымался над живой плотью.

Небольшой участок тела немца был вполне различим. Снайпер лежал рядом с деревом по другую его сторону, головой туда же, куда был направлен маузер.

Марк постарался точно определить положение тела противника. Используя в качестве единственного ориентира ствол оружия, парень представил себе, где могут находиться голова и плечи, корпус и бедра немца. «Да, бедра, – подумал Марк. – Я вижу бедро, скорее всего его верхнюю часть». Тут освещение изменилось. Солнце нашло узкий просвет в облаках, и стало гораздо светлее.

Это помогло Марку рассмотреть небольшую часть пояса немца с петлей, в которую крепится штык. Увиденное подтвердило его догадку. Теперь он знал, что бугорок на серой ткани соответствует той части бедра, где оно крепится к кости таза. «Пуля через оба бедра, – хладнокровно подумал Марк. – Такой выстрел обездвиживает, к тому же здесь проходит бедренная артерия». И парень начал осторожно снимать варежку с правой руки.

Надо было лечь на бок и повернуть ствол своей винтовки на девяносто градусов, не издав при этом ни малейшего звука. «Боже, помоги», – молча взмолился Марк и начал движение. Ствол поворачивался мучительно медленно, одновременно Марк перемещал тяжесть своего тела на другой бок. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем ствол П-14 стал смотреть точно в узкую щель под дубом, и Марк согнулся вдвое, стараясь в такой необычной позе держать прицел. Надо еще суметь снять перед выстрелом винтовку с предохранителя: даже такой легкий звук насторожит противника.

Марк положил палец на спусковой крючок, выбрав свободный ход, чувствуя, как работает спусковой механизм. Тщательно прицелился, неловко повернув голову, и начал снимать П-14 с предохранителя, просунув большой палец и продолжая удерживать крючок. Все следовало делать очень плавно, чтобы не сместить прицел с полоски мундира в щели.

Выстрел, казалось, отразился от низкого неба, и пуля прошла в узкую щель.

Марк видел, как она попала в цель – металл вошел в плоть, словно в резину.

Парень услышал крик немца, дикий бессмысленный вопль, и мгновенно с привычной ловкостью перезарядил винтовку. Второй выстрел почти слился с эхом первого, и на этот раз появилась кровь, яркое пятно на снегу; алый цвет быстро менялся на розовый: снег таял от теплой крови.

В щели ничего не было видно, немца отбросило от нее выстрелом, или он сам откатился. Оставалось только пятно на снегу.

Марк ждал, вставив новый патрон; теперь парень повернулся лицом к дубу и собрался перед следующим выстрелом.

Если рана не тяжелая, немец в долгу не останется, и Марк был готов к ответным действиям.

Он не испытывал никаких чувств, был хладнокровен, но оживлен; каждый его нерв, каждая связка были предельно напряжены, зрение и слух обострились.

Тишина держалась еще какое-то время, потом возник звук. Сначала Марк не понял, но вот он раздался снова. Это был плач.

Он слышался все отчетливее, громче, истеричнее – душераздирающие всхлипывания.

– Ach, mein Gott… Mein lieber Gott… – мужской голос, жалобный, сломленный. – Das Blut… ach Gott… das Blut[4].

В душе Марка что-то лопнуло, глубокая трещина возникла в самой ее глубине. Руки затряслись, и парень почувствовал, как дрожат губы. Попытался стиснуть зубы, но они застучали.

[4] Ах, Боже мой… Господи… Кровь… о Господи… кровь (*нем*).

– Прекрати, о Боже, прекрати, – прошептал Марк и выронил винтовку. Он зажал руками в митенках уши, пытаясь заглушить ужасные стоны умирающего немца. – Пожалуйста, – взмолился он вслух, – прекрати, пожалуйста.

А немец как будто разобрал его слова.

– Hilf mir, lieber Gott… das Blut![5]

Его голос прерывали отчаянные рыдания.

Марк неожиданно пополз вперед, слепо пополз по снегу, покрывающему склон.

– Я иду, – бормотал он. – Все будет хорошо. Только перестань!

Он чувствовал, что теряет сознание.

– Ach mein lieber Gott, ach, meine Mutti…[6]

– Боже, останови это. Останови.

Марк добрался до дуба.

Немец лежал, привалившись к стволу. Обеими руками он тщетно пытался остановить фонтан яркой артериальной крови, которая выплескивалась сквозь его пальцы. Две пули раздробили ему оба бедра, и снег уже превратился в кровавую кашу.

Немец повернул к Марку лицо, лишенное естественной краски, серое, покрытое испариной. Он был молод, не старше Марка, но быстро приближающаяся смерть сделала его лицо еще более юным. Это было лицо мраморного ангела, гладкое и белое, необыкновенно прекрасное, с голубыми глазами; прядь светло-золотых волос выбилась из-под каски и упала на гладкий бледный лоб.

Немец открыл рот – зубы у него за полными губами были белые и ровные – и что-то сказал, но Марк не понял.

Не сводя глаз с Марка, немец медленно осел у ствола дерева. Руки его бессильно опали, и нескончаемый поток крови из разорванной плоти замедлился. Светло-голубые глаза утратили лихорадочный блеск и потускнели, взгляд больше не фокусировался.

Марк чувствовал, как ткань мозга рвется, словно тонкий шелк. Это было почти физическое ощущение, где-то внутри. В глазах помутилось, черты мертвого лица перед ним потекли, как тающий воск, потом снова медленно обрели очертания.

Марк чувствовал, как внутри его продолжает рваться тонкая ткань рассудка; за ней открывалась темная зияющая пропасть.

Черты лица мертвого немца изменялись, пока окончательно не затвердели, и Марк увидел, как в зеркале, собственное лицо, искаженное ужасом. Собственное осунувшееся лицо, переполненные страхом карие с золотом глаза, собственный открытый рот – и Марк закричал от боли и отчаяния, оказавшись в этом мире искажений.

Этого остатки разума не выдержали, Марк услышал свой вопль, понял, что бежит, но в его голове была только чернота, а тело стало легким и невесомым, как у птицы в полете.

Немецкий пулеметчик резко развернул «максим» на треножнике влево и нацелил помещенный в водоохлаждающий кожух ствол на одинокую фигуру, несущуюся по склону холма к английским траншеям.

Бегущий забирал влево, и пулеметчик прижал деревянный приклад «максима» к плечу и послал короткую очередь чуть ниже, чтобы преодолеть естественную склонность целиться выше в спускающуюся мишень.

Марк Андерс почти не почувствовал удар двух пуль, попавших ему в спину.

---

[5] Господи, помоги мне… кровь! (*нем.*)

[6] Ах, Господи, ах, мамочка… (*нем.*)

* * *

Фергюс Макдональд плакал. Это удивило Шона, он такого не ожидал. Слезы медленно текли из воспаленных глаз, и сержант сердито вытирал их рукой.

– Разрешите послать наряд, сэр? – спросил он, и молодой капитан через плечо сержанта неуверенно посмотрел на Шона.

Шон кивнул, едва наклонив голову.

– Думаете, найдутся добровольцы? – неуверенно осведомился капитан, и сержант хрипло ответил:

– Добровольцы будут, сэр. Парни понимают, что сделал этот малый.

– Хорошо, как только стемнеет.

* * *

В самом начале девятого Марка отыскали. Он висел на ржавом проволочном ограждении у подножия холма, как сломанная кукла. Фергюсу Макдональду пришлось вырезать его стальными ножницами, и потребовался почти час, чтобы добраться до английских окопов; носилки тащили по снегу и грязи.

– Он мертв, – сказал генерал Кортни, глядя при свете лампы на белое осунувшееся лицо на носилках.

– Нет, – возразил Фергюс Макдональд. – Моего парня так легко не убьешь.

* * *

Паровоз резко свистнул, колеса застучали по металлу моста. Высоким столбом поднялся серебряный пар, потом его отнесло назад ветром.

Марк Андерс далеко свесился с балкона единственного пассажирского вагона; ветер развевал его волосы, частицы сажи из трубы летели в лицо, но парень заслонил глаза рукой и посмотрел на реку, над которой они проезжали.

Вода внизу текла между качающимися тростниками, потом наталкивалась на быки моста, завихрялась, и река, зеленая, широкая и сильная, устремлялась дальше, к морю.

– Вода для этого времени года высокая, – вслух произнес Марк. – Дедушка будет доволен. – И он почувствовал, как его губы растягивает непривычная улыбка. В последние несколько месяцев он очень редко улыбался.

Паровоз миновал мост и начал подъем на противоположный склон. Ритм работы машины сразу изменился, скорость упала.

Марк наклонился, надел на плечи старый военный ранец, открыл дверцу балкона, выбрался на стальную лесенку и повис на одной руке над мелькающим внизу гравием откоса.

Скорость еще больше упала: подъем стал круче. Марк снял ранец с плеч, наклонился как можно дальше и бросил его так, чтобы он мягко опустился на гравий. Ранец подскочил, покатился с откоса и застрял в кустах, как животное на бегу.

Марк, точно определив миг, когда поезд окажется на вершине, отпустил перекладину и прыгнул, перемещая свой вес вперед, чтобы смягчить приземление. Он ощутил, как ползет под ногами гравий.

Марк удержался на ногах и остановился, когда вагоны еще проносились мимо; часовой с площадки в конце поезда сердито посмотрел на него и крикнул:

– Это нарушение закона!

– Пошли за мной шерифа, – крикнул в ответ Марк и иронически козырнул, когда паровоз начал набирать скорость. Ритм колес снова резко изменился. Часовой погрозил кулаком, и Марк отвернулся.

Из-за прыжка снова заболела спина. Марк сунул руку под рубашку около подмышки и пошел по шпалам обратно. Потрогал углубление ниже плеча и в который раз удивился тому, как близко от позвоночника прошли пули. Шрам на ощупь казался шелковистым и вызывал почти чувственное ощущение. Раны заживали очень долго. Марк невольно вздрогнул, вспомнив дребезжание колес тележки, на которой перевозили перевязочные материалы, и невыразительное, почти мужское лицо старшей сестры, когда она вкладывала в открытые раны длинные марлевые тампоны; он не забыл, как больно было, когда блестящими стальными щипцами снова снимали повязки, услышал свое собственное отрывистое дыхание и резкий безликий голос сестры:

– Не будь ребенком!

И так ежедневно, день за днем, неделя за неделей, пока горячечное беспамятство, вызванное пневмонией, которая поразила ослабленные ранением легкие, не стало казаться благословенным отдыхом. Сколько времени это заняло – сперва полевой лазарет во Франции, в грязном поле, покрытом колеями, оставленными колесами санитарных машин, где похоронные команды рыли могилы прямо за больничными палатками, после госпиталь под Брайтоном и темный туман пневмонии, потом корабль, идущий домой по Атлантике, когда приходилось жариться в тропиках, и наконец санаторий для выздоравливающих с его приятными лужайками и садами – сколько? Четырнадцать месяцев, за которые война, ошибочно названная Великой, кончилась. Боль и беспамятство стерли ощущение времени, и все равно Марку казалось, что прошла целая жизнь.

Эту жизнь он прожил среди убийств и разлагающихся тел и теперь родился заново. Боль в спине заметно ослабла. «Раны почти затянулись», – довольно думал он, отгоняя темные страшные воспоминания и спускаясь по откосу, чтобы забрать свой ранец.

До Андерсленда почти сорок миль вниз по течению, а поезд опаздывает, уже почти полдень. Марк знал, что засветло не доберется, но, как ни странно, теперь, когда он был почти дома, необходимость спешить исчезла.

Он легко перешел на привычный размашистый шаг охотника, иногда немного перемещая ранец, чтобы облегчить давление на заживающие раны, чувствуя, как здоровый пот проступает на лице и сквозь тонкую ткань рубашки.

Многолетнее отсутствие на родной земле обострило восприятие, и то, что раньше едва привлекало внимание, теперь стало источником новых незнакомых радостей.

Кусты на речных берегах кишели жизнью. Шевеля прозрачными крыльями, проносились жемчужные стрекозы; самцы висели на самках, сложив крылья в полете, изгибая длинное блестящее брюшко; из-под воды с фырканьем показалась голова гиппопотама; гиппопотам смотрел на стоящего на берегу Марка розовыми водянистыми глазами, подергивая крошечными ушами; в быстром течении его темное тело напоминало гигантский дирижабль.

Все походило на рай до прихода человека, и Марк вдруг понял, что именно это нужно его душе и телу для окончательного выздоровления.

Он заночевал на высоком травянистом холме над рекой, куда не залетают москиты, выше темного густого буша.

Около полуночи его разбудил рев леопарда в речной долине, и Марк лежал и слушал, как зверь уходит вверх по течению и в конце концов совершенно исчезает в утесах на возвышенности. Марк уснул не сразу, он лес удовольствием предвкушал предстоящий день.

Все прошедшие четыре года ежедневно, даже в самые тяжелые дни темноты и призраков, он думал о старике. Иногда лишь мельком, но в другие дни он вспоминал деда, как

соскучившийся школьник изводит себя мыслями о доме. Старик был его домом, он был его отцом и матерью, потому что своих родителей Марк не знал. На его памяти дед с его силой и спокойным пониманием всегда был рядом.

Марк чувствовал, что его буквально тянет вперед, когда представлял себе, как старик сидит в жестком кресле-качалке на широкой веранде, в старой измятой куртке хаки, грубо залатанной и нуждающейся в стирке, в открытый воротник видны седые волосы на груди; кожа на шее и щеках обвисла складками, точно у индюка, лицо, темное от загара, заросло пятидневной серебряной щетиной, сверкающей, как осколки стекла; огромные белые усы, их концы с помощью воска заострены, как пики; широкая шляпа низко надвинута на яркие, цвета конфеты ириски, смеющиеся глаза. Эта шляпа, потемневшая от пота, с лоснящейся лентой, всегда на голове, старик не снимает ее ни за едой, ни, как подозревал Марк, в своей медной кровати ночью.

Марк помнил, как дед переставал строгать дерево, перекладывал табак из одного угла рта в другой и выпускал струю слюны в пятигалонную банку из-под сахара, служившую ему плевательницей. Он точно попадал в банку с десяти футов, не пролив по пути ни капли густой коричневой жидкости, и продолжал как ни в чем не бывало рассказ. И какие это были рассказы! От них у мальчика глаза лезли на лоб, он просыпался по ночам и боязливо заглядывал под кровать.

Марк помнил деда в мелочах: как он наклоняется, набирает горсть красной почвы и просеивает сквозь пальцы, а потом с выражением гордости на старом морщинистом лице вытирает пальцы о брюки. «Хорошая земля Андерсленд», – говорил он обычно и умудренно кивал. Помнил Марк его и в значительных делах: вот дед, высокий и худой, стоит рядом с ним в густом кустарнике, и большое старое ружье «мартини хендри» с громом выплевывает дым, отдача сотрясает старое хрупкое тело, а буйвол, как черная гора, несется на них, окровавленный, обезумевший от раны.

Четыре года Марк не видел деда и ничего не слышал о нем. Вначале парень писал длинные, полные тоски по дому письма, но старик не умеет ни читать, ни писать. Марк надеялся, что он отнесет письма к кому-нибудь, может, к почтальонше, и друзья прочтут ему их и напишут ответ.

Но надеялся он зря. Гордость никогда не позволила бы деду признаться чужому человеку, что он не умеет читать.

Тем не менее Марк продолжал писать и посылал раз в месяц письмо все эти долгие четыре года, но только завтра впервые узнает о старике хоть что-то.

Марк уснул и проспал еще несколько часов, потом в предрассветной тьме разжег костер и вскипятил кофе. Как только стало видно тропу, он снова отправился в путь.

С обрыва Марк посмотрел, как из моря поднимается солнце. Над волнами плыли высокие грозовые тучи; когда солнце вышло из-за них, они загорелись красным и розовым, винным и пурпурным, каждая туча была четко очерчена красно-золотой каймой и прострелена столбами света.

Под ногами Марка местность резко уходила вниз, к богатым прибрежным долинам, густо заросшим лесами, и гладким травянистым холмам, которые тянулись до самых бесконечных белых берегов Индийского океана.

Недалеко от Марка река уступами, пенясь, падала с влажных черных скал в глубокие омуты, где вода вращалась, как гигантские колеса; здесь река отдыхала, прежде чем обрушиться со следующего уступа.

Марк впервые заторопился, спускаясь по крутой тропе с той же стремительностью, что и река, но была уже середина утра, когда он добрался до теплых сонных земель у подножия холмов.

Река стала шире и мельче, ее нрав полностью переменился, и она спокойно вилась в песчаных берегах. Здесь были другие птицы, другие животные, чем вверху, на холмах, но сейчас Марку было не до них. Едва бросив взгляд на стаю птиц с тяжелыми, похожими на ятаган, клювами (они выглядели грозно, даже когда с криками, похожими на смех, поднялись в воздух), он поспешил вперед.

У корней большого дикого инжира Марк увидел небольшую полуразвалившуюся груду камней, которая для парня имела особое значение. Эта пирамида обозначала западную границу Андерсленда.

Марк задержался, восстановил пирамиду между серых чешуйчатых корней, которые ползли по земле, словно древние рептилии. Пока он работал, стая жирных зеленых голубей с шумом сорвалась с ветвей над ним, где птицы кормились горькими желтыми плодами.

Миновав инжир, Марк пошел новой, легкой и упругой походкой, широко расправив плечи, с огоньком в глазах, потому что он вернулся в Андерсленд. Восемь тысяч акров плодородной бурой почвы, четыре мили речного берега, изобилие воды, мягко закругленные холмы, поросшие густой душистой травой. Андерсленд, земля Андерса – это название старик дал ей тридцать лет назад.

Через полмили Марк собирался уйти от реки и через следующее возвышение двинуться напрямик к дому, когда уловил в неподвижном теплом воздухе далекий глухой гул, а потом слабые звуки человеческих голосов.

Удивленный Марк остановился, прислушиваясь; снова глухой мощный гул, но теперь ему предшествовал треск веток и подлеска. Ошибиться было нельзя – валили лес.

Отказавшись от первоначального намерения, Марк направился дальше вдоль реки и шел, пока неожиданно не вынырнул из леса на открытое пространство, которое напомнило ему обширные опустошенные поля Франции, изуродованные снарядами и взрывчаткой так, что земля лежала обгорелая, нагая.

Группы смуглых людей в белых льняных дхоти и тюрбанах рубили деревья и расчищали подлесок вдоль реки. Марк не сразу понял, кто эти странные люди, но потом вспомнил статью в газете о том, что из Индии привезли рабочих на новые сахарные плантации. Эти худые люди трудились как муравьи в муравейнике. Их были сотни. Нет, на самом деле тысячи. И еще быки. Большие упряжки тяжелых сильных животных медленно стаскивали бревна в кучи, чтобы сжечь.

Не вполне осознав, что увидел, Марк отвернул от реки и стал подниматься по холму за ней. С вершины ему открылся вид на весь Андерсленд и на его окрестности до самого моря.

Опустошение тянулось насколько хватал глаз, и тут было о чем подумать. Землю распахали – всю землю. Лес и пастбища уничтожены. Упряжки быков одна за другой медленно двигались повсюду, плуги выворачивали толстые пласты светлой почвы. До изумленного Марка доносились крики пахарей и непрерывное щелканье хлыстов.

Почти час просидел парень на камне, глядя на работающих людей и быков, и ему стало страшно. Страшно от того, что это могло значить. Старик никогда бы не позволил так обойтись с его землей. Он ненавидел плуг и топор; он очень любил статные деревья, которые сейчас стонали и падали под ударами топоров. Старик охранял свои пастбища как скупец, словно они были драгоценны так, как намекал их золотой цвет. Будь дед жив, он ни за что не разрешил бы распахать их.

Вот почему Марк испугался. Видит Бог, старик никогда не продал бы Андерсленд. В чем же дело?

Марк не хотел знать ответ. Ему пришлось заставить себя встать и спуститься с холма.

Смуглые рабочие в тюрбанах не понимали его вопросов, но выразительными жестами направили его к жирному бабу[7] в холщовой куртке, с важным видом прохаживающемуся от одной группы к другой, похлопывая по обнаженным спинам легкой тростью или останавливаясь, чтобы записать что-то в огромной черной книге, которую он нес с собой.

Бабу удивленно поднял голову, но, увидев белого, сразу подобострастно заговорил:

– Добрый день, хозяин.

Он говорил, разглядывая Марка блестящими рыщущими глазами. И сразу увидел, как молод его собеседник, как он худ и небрит, как поношен его армейский мундир, измятый оттого, что в нем спали. И что все свое имущество юноша несомненно носит с собой. И бабу мигом преисполнился надменности.

– По правде сказать, нам здесь больше не нужны рабочие. Я здесь начальник.

– Хорошо, – кивнул Марк. – Тогда вы сможете объяснить мне, что эти люди делают в Андерсленде.

Этот человек его раздражал, Марк встречал таких в армии; они издеваются над теми, кто ниже их по положению, и лижут зад тем, кто выше.

– Несомненно, мы будем делать хороший, чистый сахар.

– Эта земля принадлежит моей семье, – заявил Марк, и манера держаться индуса снова изменилась.

– Ах, добрый молодой хозяин, значит, вы из компании в Ледибурге?

– Нет, нет, мы живем здесь. В доме. – Марк показал на холм, за которым находилась ферма. – Это наша земля.

Бабу засмеялся и покачал головой.

– Никто там больше не живет. Увы! Всем владеет компания. – И он широким жестом обвел местность от откоса до самого моря. – Скоро здесь везде будет сахар, понимаете? Сахар, сахар.

И он снова рассмеялся.

* * *

С холма старая ферма выглядела как обычно, над темной листвой сада виднелась только зеленая крыша из рифленого железа. Но когда Марк прошел по заросшей тропе мимо клеток для кур, он увидел, что оконные рамы сняты – зияют темные пустые отверстия. На широкой веранде нет мебели, отсутствует кресло-качалка, а бревна на одном конце просели; водосточная труба отошла от стены.

Сад заброшен, растения наступают на дом. Старик всегда аккуратно подстригал их и ежедневно подметал листву под деревьями и возле аккуратных рядов ульев. Теперь кто-то с бездумной жестокостью разорил ульи, разрубил их топором.

Комнаты пусты, вынесено все, что могло представлять хоть какую-то ценность, нет даже старой дровяной плиты на кухне; нет ничего, кроме старой банки-плевательницы, лежащей на боку; ее содержимое оставило темное пятно на досках пола.

Марк медленно переходил из одной пустой комнаты в другую с ужасным ощущением утраты и опустошения; под ногами шуршали старые листья, большие черные и желтые пауки следили за ним множеством блестящих черных глаз из своей паутины; ею были затянуты все углы и дверные проемы.

Марк вышел из дома на маленькое семейное кладбище и почувствовал глубокое облегчение, не найдя свежих могил. Бабушка Алиса, ее старшая дочь, его двоюродный брат, который умер еще до рождения Марка. По-прежнему три могилы, старика здесь нет.

[7] Уважаемый, знатный индиец.

Марк достал из колодца ведро и напился холодной сладкой воды, потом нарвал в саду гуавы и спелых ананасов.

На заднем дворе бродил молодой петух, спасшийся от мародеров. Марку с полчаса пришлось за ним гоняться, прежде чем камень сбил птицу с крыши в облаке перьев. Ощипанный и выпотрошенный, петух отправился в котелок над костром, который Марк развел не сходя с места. Пока петух варился, у парня явилась неожиданная мысль. Он вернулся в спальню деда и в дальнем углу, где когда-то стояла большая медная кровать, наклонился и поискал нужную половицу. Нажал острием ножа на шляпку единственного гвоздя и поднял доску.

Просунув руку в открывшееся отверстие, он достал толстую пачку конвертов, перевязанных полоской сыромятной кожи. Марк перебрал края пачки и увидел, что ни один не распечатан. На всех адрес надписан его собственным почерком. Все конверты тщательно хранились в этом тайнике. Но здесь были не все письма. Последовательность неожиданно обрывалась, и Марк, проверяя штемпели на последнем конверте, обнаружил, что тот пришел одиннадцать месяцев назад. Парень ощутил удушье и острый привкус слез.

Отложив письма, Марк снова пошарил в тайнике и достал банку из-под чая с изображением пожилой женщины в очках на крышке – казну старика.

Марк отнес находки на задний двор, потому что летний день подходил к концу и в комнатах быстро темнело. Сел на ступеньках кухни и открыл банку.

Здесь в кожаном мешочке лежало сорок золотых соверенов, одни с бородатой головой Крюгера, прежнего президента Южно-Африканской республики, другие с изображениями королей Эдуарда и Георга. Марк сунул мешочек во внутренний карман куртки и в угасающем свете принялся разглядывать другие сокровища старика. Фотографии бабушки Алисы, еще молодой женщины, пожелтевшие и потрепанные от старости, свидетельство о браке, старые газетные вырезки времен Бурской войны, дешевые женские украшения, те же, что на фотографиях Алисы, медаль в коробочке, Королевская медаль Южной Африки с шестью нашивками, в том числе за бои у Тугелы и Ледисмита и Трансваальскую кампанию, табели Марка из Ледибургской школы и диплом университетского колледжа в Порт-Натале – его с присущим неграмотным людям преклонением перед ученостью и печатным словом старик особенно ценил. Деду пришлось продать часть племенного скота, чтобы заплатить за обучение Марка – вот как высоко он ставил образование. Кроме соверенов, в банке не было ничего существенного, но для старика все это было бесценным. Марк старательно уложил все обратно и спрятал в ранец.

С последними лучами солнца Марк съел жесткого петуха и фрукты и, завернувшись на полу в свое одеяло, стал размышлять.

Он теперь знал, что старик, где бы он ни был, намеревался вернуться в Андерсленд. Иначе он не оставил бы свои сокровища.

Марка разбудил пинок в ребра, он заворочался и сел, охнув от боли.

– Вставай. Поднимай задницу и убирайся.

Еще не совсем рассвело, но Марк разглядел черты этого человека. Чисто выбритый, с массивной челюстью, а зубы как будто подпилены, чтобы образовать ровную линию; на фоне загорелой кожи они кажутся очень белыми. Голова круглая, как пушечное ядро, и кажется увесистой, потому что сидит на толстой шее низко, как у боксера-тяжеловеса.

– Вставай! – повторил незнакомец и собрался снова пнуть Марка.

Марк вскочил и приготовился защищаться. Он обнаружил, что человек ниже его ростом, но крепко сложен, с широкими массивными плечами и такой же крепкой, как голова, фигурой.

– Это частное владение, и нам здесь не нужны бродяги.

– Я не бродяга, – начал Марк, но его слова оборвал громкий резкий хохот.

– Ну да, у тебя модный костюм, и твой «роллс» припаркован у дверей.

– Вы только что меня ударили. А я между прочим Марк Андерс. Эта земля принадлежит моему деду Джону Андерсу…

Парню показалось, что он заметил в глазах незнакомца странное выражение – сомнение, тревогу? Тот быстро, нервно облизнул губы, но, когда заговорил, его голос звучал спокойно и ровно:

– Мне об этом ничего не известно. Теперь земля принадлежит Ледибургской компании недвижимости, а я служу там десятником, и ни я, ни компания не желаем, чтобы ты тут болтался. – Он помолчал, расставив ноги, ссутулив плечи и выставив вперед тяжелую челюсть. – И еще мне нравится время от времени пробивать кому-нибудь башку, а я очень давно этого не делал.

Они смотрели друг на друга, и Марк неожиданно почувствовал гнев. Ему хотелось принять вызов этого человека, хотя он понимал, насколько тот силен и опасен. У него была наружность убийцы, он сильный и тяжелый. Марк взял себя в руки и тоже ссутулился.

Его мучитель заметил это с явным облегчением. Он едва заметно улыбнулся, сжимая челюсти, как что взбухли жилы на шее, и принялся покачиваться с носка на пятку. Марк испытывал отвращение к насилию: слишком много его было в прошлом, да и причины драться он не видел. Он отвернулся и подобрал свою обувь.

Человек следил, как он одевается, может быть, разочарованный, но готовый к дальнейшей стычке. Надевая ранец на плечо, Марк спросил:

– Как вас зовут?

Человек, все еще настроенный на драку, сразу ответил:

– Друзья зовут меня Хобди.

– А дальше?

– Просто Хобди!

– Я этого не забуду, – произнес Марк. – Вы молодчина, Хобди.

Марк спустился по ступенькам во двор, а когда пятнадцать минут спустя оглянулся с возвышения, где проходила дорога на Ледибург, Хобди по-прежнему стоял во дворе Андерсленда и внимательно смотрел ему вслед.

* * *

Фред Блэк наблюдал, как Марк поднимается по холму. Фред прислонился к краю чана и жевал табак, сам жесткий, коричневый и сухой, как этот табак.

Хотя он был приятелем Джона Андерса и Марк рос на его глазах, сейчас он его определенно не узнал.

– Здравствуй, дядя Фред, – сказал Марк, но прошло еще несколько мгновений, прежде чем старик завопил и подлетел к Марку с объятиями.

– Боже, парень, а болтали, будто тебя убили во Франции!

Они сидели на ограде загона. Пастухи-зулусы гнали скот в узкий проход; оказавшись на краю чана, животные прыгали в зловонную химическую ванну, выныривали, испуганно фыркая, и плыли, высоко подняв нос, к противоположному краю, где был пологий подъем.

– Он умер почти год назад, нет, наверно, больше… мне жаль, парень. Я и не подумал сообщить тебе. Ведь мы все считали, что ты погиб во Франции.

– Это ничего, дядя Фред.

Марк удивился тому, что не испытал никакого потрясения. Он уже все осознал и принял, но на душе у него было тяжело. Они долго молчали. Старик, сидевший рядом, с уважением отнесся к его горю.

– Как он… – Марк пытался подыскать нужное слово, – как он умер?

– Ну… – Фред Блэк приподнял шляпу и любовно почесал розовую лысину. – Да как-то вдруг. Отправился пострелять дичь к Воротам Чаки вместе с Питом Грейлингом и его сыном.

В сознании Марка возникли яркие воспоминания. Воротами Чаки назывался обширный дикий район на севере, где старик учил мальчика искусству охоты. Много лет назад, в 1869 году, эта местность была объявлена заповедником, но хранителя не назначили, и жители северного Наталя и Зулуленда считали ее своим охотничьим угодьем.

– На пятый день твой дед не вернулся в лагерь. Его искали четыре дня. – Блэк помолчал и взглянул на Марка. – Ты себя хорошо чувствуешь, парень?

– Да, неплохо. – Марк подумал: «Я столько раз видел, как умирают люди, я многих убил сам – и все-таки смерть одного человека так на меня действует». – Пожалуйста, продолжай, дядя Фред.

– Пит рассказал, что, похоже, старик поскользнулся на круче, упал на ружье, и оно выстрелило. Ему в живот.

Собеседники посмотрели, как последний бык окунулся в чан. Потом Фред Блэк неловко слез с изгороди и схватился за спину.

– Старею.

Марк тоже спрыгнул. Они направились к дому.

– Пит и его парень там его и похоронили. Джона нельзя было везти назад: ведь он пролежал на солнце четыре дня. Отметили место и подписали заявление в магистрате, когда вернулись в Ледибург.

Фреда Блэка прервал крик – по аллее между большими эвкалиптами к ним бежала женщина, стройная и молодая, с медово-каштановыми волосами, заплетенными сзади в толстую косу, ноги у нее были длинные и смуглые; под юбкой из выцветшей ткани мелькали грязные босые ступни.

– Марк! – воскликнула она. – О Марк!

Он узнал ее, только когда она приблизилась. За четыре года она совсем не изменилась.

– Мэри!

Сейчас он больше не мог говорить о своей печали – для этого еще будет время. Но и горюя, Марк не мог не заметить, что Мэри стала взрослой, она уже не озорной чертенок, каким была когда-то; тогда он, старшеклассник Ледибургской средней школы, считал ниже своего достоинства замечать ее.

У нее по-прежнему было веснушчатое смешливое лицо и выступающие вперед кривоватые передние зубы, но теперь она крупная, широкобедрая крестьянская девушкой со звучным веселым смехом. Ростом она была Марку по плечо, под тонкой вытертой тканью платья обозначились налитые округлости; она шла рядом с ним, покачивая бедрами и задом, талия была тонкая, фигура как песочные часы, полные тяжелые груди подскакивали при каждом шаге. По дороге Мэри засыпала его вопросами, множеством вопросов, и то и дело притрагивалась к Марку: то придержит за локоть, то схватит за руку, побуждая ответить, глядя на него с озорной улыбкой, звонко смеясь. Марк испытывал непривычное беспокойство.

Жена Фреда Блэка узнала Марка, когда он был во дворе, ее возглас походил на мычание коровы, встретившейся с теленком после долгой разлуки. Родив девять дочерей, она неизменно мечтала о сыне.

– Здравствуй, тетя Хильда, – начал Марк и оказался в ее просторных удушающих объятиях.

– Ты небось умираешь с голоду, – выпалила она, – а от твоей одежды несет! И от тебя самого несет, от волос.

Четыре незамужние дочери Хильды под руководством Мэри поставили посреди кухни оцинкованное корыто, нагрели несколько ведер горячей воды на печи и наполнили его. Марк

сидел на широкой веранде, закутавшись в простыню, а тетя Хильда большими тупыми ножницами срезала его длинные вьющиеся локоны.

Потом она выгнала протестующих дочерей из кухни. Марк отчаянно защищал свое мужское достоинство, но она отбросила его возражения.

– Я женщина старая, и таких-то прелестей навидалась, а то и побольше, и получше.

Она решительно раздела его, бросая грязную одежду в открытую дверь, где ждала Мэри.

– Ступай, девочка, выстирай это.

Марк вспыхнул и окунулся в воду.

* * *

В сумерках Фред Блэк и Марк сидели у колодца во дворе, а между ними стояла бутылка бренди. Крепкий «Капский дымный» кусает, как дикая зебра, и, сделав один глоток, Марк больше не притрагивался к стакану.

– Да, я часто об этом думал, – согласился Фред, уже слегка опьянев. – Старина Джонни любил свою землю.

– Ты когда-нибудь слышал, что он собирается продать ее?

– Нет, никогда. И я всегда считал, что это последнее, что он сделает. Он часто говорил, что его похоронят рядом с Алисой. Он так хотел.

– Когда ты в последний раз видел дедушку, дядя Фред?

– Ну, – он задумчиво потер лысину, – недели за две до того, как он отправился к Воротам Чаки с этими Грейлингами. Да, верно. Он ездил в Ледибург покупать патроны и провизию. Заночевал здесь, в старой своей шотландской коляске, мы тогда хорошо посидели.

– Он не упоминал о продаже земли?

– Ни словечком.

Дверь кухни распахнулась, оттуда вырвался столб желтого света, и тетя Хильда зычно крикнула:

– Еда готова! Пошли, Фред, не держи там мальчика своими скабрезными присказками и не вздумай тащить бутылку в дом. Слышишь?

Фред поморщился, вылил остаток темной жидкости в свой стакан и покачал головой, глядя на пустую бутылку.

– Прощай, подруга.

Он перебросил бутылку через ограду и проглотил бренди как лекарство.

* * *

Марк сидел на скамье у стены, зажатый с одной стороны Мэри, с другой – ее грудастой сестрой. Тетя Хильда расположилась прямо напротив, накладывала еду парню на тарелку и громко бранила, когда он начинал есть медленнее.

– Фреду нужен помощник. Он сдает, хоть самому и невдомек, олуху старому.

Марк кивнул; с полным ртом он не мог отвечать иначе. Мэри рядом с ним потянулась за очередным ломтем домашнего, теплого, только что испеченного хлеба. Ее большая, ничем не стесненная грудь прижалась к Марку, и он едва не вскрикнул.

– У девушек мало возможностей встретить здесь, на ферме, хороших молодых людей.

Мэри заерзала и прижалась бедром к Марку.

– Оставь парня в покое, Хильда, хитрая старуха, – невнятно сказал восседающий во главе стола Фред.

– Мэри, подлей Марку соуса в картошку.

Девушка добавила соуса, перегнувшись через Марка и положив свободную руку ему на колено.

– Ешь! Мэри специально для тебя спекла пирог.

Рука Мэри, оставаясь на колене Марка, начала целенаправленное движение выше. Все внимание Марка мгновенно сосредоточилось на этой руке, и еда во рту превратилась в горячие уголья.

– Еще тыквы, Марки? – заботливо спросила тетя Хильда, и Марк слабо покачал головой. Он не мог поверить в то, что происходило под столом прямо под носом у матери Мэри.

И чувствовал нарастающую панику.

По возможности незаметно в подобных обстоятельствах он опустил свою руку на колени и, не глядя на девушку, крепко прижал ее кисть.

– Наелся, Марки?

– Да, о да, – подтвердил он, пытаясь убрать с ноги руку Мэри, но она была сильной девушкой, и ее нелегко было побороть.

– Вымой тарелку Марка, Мэри, милая, и дай ему твоего пирога.

Мэри, казалось, не слышала. Она скромно уткнулась в тарелку, щеки ее раскраснелись, губы слегка дрожали. Марк рядом с ней ерзал и вертелся.

– Мэри, да что с тобой, девочка? – раздраженно нахмурилась мать. – Ты меня слышишь?

– Да, мама, слышу.

Наконец она вздохнула и встала. Медленно протянула обе руки к тарелке Марка, а он, ослабев от облегчения, обмяк.

* * *

Марк устал от многодневного перехода и последующего возбуждения, но, хоть уснул почти сразу, сны видел тревожные.

По мрачной местности, в колышущемся тумане, в странном неестественном свете он преследует темного призрака, но ноги движутся еле-еле, словно Марк идет сквозь патоку, и каждый шаг требует от него невероятных усилий.

Парень знает, что призрак, удаляющийся от него в тумане, это дед, и пытается крикнуть, позвать его, но, хотя широко раскрывает рот, оттуда не вылетает ни звука. Неожиданно в темной спине призрака появляется маленькая красная дыра, из нее льется яркая кровь, и он оборачивается.

На мгновение Марк видит лицо деда, умные желтые глаза улыбаются ему над большими нафабренными заостренными усами. Но вот лицо начинает оплывать, как воск, и, словно из-под воды, возникают черты прекрасного мраморного изваяния – это лицо молодого немца. Наконец Марк обретает способность кричать, он утыкается в ладони, всхлипывает в темноте, но тут в его измученном воображении возникает другая картина.

Марк чувствует медленные коварные ласки. Перестает всхлипывать и постепенно отдается чувственному наслаждению. Он знает, что произойдет (это часто бывало с ним в одинокие ночи), и сейчас, медленно выплывая из глубин сна, приветствует это. На краю сознания слышится голос, мягкий уговаривающий:

– Вот так, не волнуйся, все хорошо, все будет хорошо. Не шуми.

Марк просыпается и не сразу понимает, что теплая плоть – это реальность. Над ним нависают тяжелые груди, большие и мягкие, они касаются его обнаженного торса, белая кожа сияет в лунном свете, падающем через окно на узкую кровать.

– Мэри тебя ублажит, – настойчиво шепчет хриплый голос.

– Мэри? – Марк поперхнулся этим именем и попробовал сесть, но девушка всем мягко навалилась на него. – Ты с ума сошла!

Он начал вырываться, но к его губам прижался рот Мэри, теплый, поглощающий, и сопротивление прекратилось под напором новых ощущений. Парень чувствовал, что у него начинает кружиться голова.

Но охватившему его сейчас смятению противостояло то ужасное, что он знал о женщинах. Странные и жуткие истины, которые втолковывал ему бригадный капеллан, позволившие Марку стойко отвергать приставания и уговоры бойких маленьких проституток во Франции и особ, которые манили его к себе на темных улицах Лондона.

Капеллан объяснил, что с женщинами связаны два одинаково страшных последствия.

Либо болезнь, которую невозможно вылечить и которая пожирает плоть, оставляет зияющую дыру в промежности мужчины и в конечном итоге сводит его с ума, либо ребенок без отца, выродок, позор любого человека.

Опасность была слишком велика, и Марк с усилием отстранился от жадных, ищущих губ девушки и ее дерзкого языка.

– Боже! – прошептал он. – У тебя будет ребенок.

– Все в порядке, глупышка, – весело ответила она. – Мы просто поженимся.

Она прижалась еще теснее. Марк был ошеломлен ее словами, а она придавила его коленом, всем своим мягким телом, придушила светлыми волосами.

– Нет. – Марк попытался выскользнуть из-под нее. – Нет, это безумие. Я не хочу жениться!

– Да, о да.

Еще мгновение парень лежал, как парализованный, потом с силой вырвался, отшвырнув Мэри. Она упала на бок, попыталась вцепиться руками ему в плечи, но все же свалилась с кровати.

Загрохотал умывальный таз, удар тяжелого тела девушки об пол отозвался во всем спящем доме.

Все стихло, на мгновение вернулась тишина, но тут же из комнаты напротив донеслись громкие голоса младших сестер.

– Что там? – заревел Фред Блэк из большой спальни.

– Кто-то в доме! Найди его, Фред, давай же шевелись!

– Где мой дробовик?

– Папа, помоги! Помоги!

Мэри мигом вскочила, схватила со стула свою ночную рубашку и надела через голову.

– Мэри! – Марк сел, он хотел объяснить, рассказать ей о капеллане. Повернулся к ней, но даже при слабом лунном свете увидел, что ярость исказила ее черты. – Мэри!

Он не сумел увернуться, и она со всего размаха хлестнула его открытой ладонью. У Марка лязгнули зубы и потемнело в глазах. Мэри была девушка большая и сильная. Когда в голове у парня прояснилось, Мэри уже не было, но в ушах у него словно гудела тысяча сердитых пчел.

* * *

Марк шел по обочине дороги, представлявшей собой две глубокие неровные колеи, между которыми на возвышении росла трава. Рядом остановился пыльный грузовик «даймлер».

На переднем сиденье рядом с женой сидел мужчина средних лет. Он спросил у Марка:

– Далеко ли собрался, сынок?

– В Ледибург, сэр.

– Лезь в кузов.

Последние двадцать миль Марк проехал, сидя на мешках с кукурузой возле клетки с курами. Ветер трепал его недавно подстриженные волосы.

Грузовик миновал мост через Бабуинов ручей, и Марк подивился тому, как все изменилось. Ледибург превратился в настоящий город и перекинулся на противоположный берег ручья; здесь, под откосом, разместились большие товарные склады, с полдюжины локомотивов тащили вагоны, груженные бревнами с лесопилок или мешками с сахарной фабрики.

Сама фабрика, большое строение из стальных балок и огромных котлов, была свидетельством городского прогресса.

Из полудюжины труб поднимались столбы дыма и пара; эту серую взвесь разносило легким ветром. Марк поморщился, уловив запах, который принес этот ветер, и с волнением посмотрел на Главную улицу. Здесь появился с десяток новых зданий – нарядные фасады, декорированные металлическими завитками, прекрасные сложные фронтоны, стеклянные двери, а на стенах значились имя владельца и дата возведения; но все эти дома затмевало гигантское четырехэтажное сооружение, изукрашенное, как свадебный торт богатой невесты. На нем гордо разместилась надпись: «Ледибургский фермерский банк». Водитель грузовика остановил машину перед входом, высадил Марка и помахал ему рукой.

Среди колясок и конных экипажей расположилось не меньше дюжины автомобилей, а прохожие были хорошо одеты и казались благополучными жителями процветающей общины.

С некоторыми из них Марк был знаком прежде и, шагая по Главной улице с ранцем за плечами, останавливался поздороваться. Возникало некоторое смятение – его узнавали не сразу, – а потом:

– Но, Марки, мы слышали, что тебя убили во Франции. Это было в газетах.

Бюро земельной регистрации обосновалось в большом правительственном здании за городским судом и полицейским участком. Долгий путь из Андерсленда предоставил Марку достаточно времени для размышлений, и теперь он хорошо представлял, что будет делать и в каком порядке.

В конторе было тесно; всю обстановку составляли неудобная деревянная скамья и простая стойка.

За ней виднелся пожилой подслеповатый клерк в очках в стальной оправе, с зеленым козырьком над глазами. В черном пиджаке и бумажных нарукавниках, носатый, он походил на дряхлую ворону; сидя за столом, клерк совершал геркулесов подвиг – проштамповывал огромную стопку документов.

Несколько минут Марк терпеливо читал правительственные объявления на стенах. Наконец клерк с раздражением, словно тот, кому помешали вершить судьбы человечества, посмотрел на него.

– Я бы хотел взглянуть на определенный земельный акт, сэр. А именно – об изменении статуса участка № 42 района А, фермы, известной как «Андерсленд».

> *Акт о передаче прав на земельный участок «Ледибургской недвижимости, ЛТД», зарегистрированный в Ледибурге 19 июня с. г.*
>
> *Доводим до сведения всех заинтересованных лиц, что ко мне, регистратору актов, обратился ДЕННИС ПЕТЕРСЕН, который сообщил, что 12 мая 1919 года в присутствии нотариуса и свидетелей ДЖОН АРЧИБАЛЬД АНДЕРС… согласно закону… владелец… продал свой участок с соблюдением всех требуемых законом…*

Марк обратился к следующему документу.

Соглашение о продаже недвижимости. ДЖОН АРЧИБАЛЬД АНДЕРС, далее именуемый Продавец, передает ферму, известную как «АНДЕРСЛЕНД», со всеми пристройками, урожаем на корню, инструментами и скотом, компании «Ледибургская недвижимость ЛТД», далее именуемой Покупатель, за сумму три тысячи фунтов стерлингов. Документ подписали

ДЖОН АРЧИБАЛЬД АНДЕРС (его знак +) от своего имени

И ДИРК КОРТНИ (ДИРЕКТОР) от «ЛЕДИБУРГСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ, ЛТД».

В качестве свидетелей документ подписали

ПИТЕР ЭНДРЮС ГРЕЙЛИНГ

КОРНЕЛИУС ЙОХАННЕС ГРЕЙЛИНГ

Марк нахмурился, увидев эти два имени. Почти сразу после подписания этого документа Пит Грейлинг и его сын вместе со стариком отправились к Воротам Чаки, спустя несколько дней нашли его мертвым и похоронили там же, в глуши.

Удостоверяю. Генеральный поверенный ДЕННИС ПЕТЕРСЕН.

Я, нижеподписавшийся ДЖОН АРЧИБАЛЬД АНДЕРС, уполномочиваю упомянутого ДЕННИСА ПЕТЕРСЕНА. Подписано ДЖОН АРЧИБАЛЬД АНДЕРС (знак +).

Свидетели

ПИТЕР ЭНДРЮС ГРЕЙЛИНГ

КОРНЕЛИУС ЙОХАННЕС ГРЕЙЛИНГ

Марк всматривался в стопку бумаг – витиеватый почерк, красные восковые печати на шелковых лентах. Он старательно переписал все упоминаемые в актах имена себе в блокнот, а когда закончил, клерк, ревниво наблюдавший за ним, сразу отобрал документы и потребовал официальной оплаты в размере пяти шиллингов.

Контора регистрации компаний находилась на противоположной стороне улицы, и здесь Марка ожидал совсем другой прием. Обитательницей этого мрачного помещения оказалась молодая женщина, одетая в строгий серый жакет и длинную юбку, которые не вязались с ее веселыми глазами и добродушной говорливостью.

Когда Марк вошел, приятное молодое лицо с веснушчатым курносым носом осветилось улыбкой и через несколько минут девушка уже дружелюбно помогала ему разбираться в документах, относящихся к «Ледибургской недвижимости ЛТД».

– Вы здесь живете? – спросила девушка. – Я вас раньше не видела.

– Нет, не живу, – осторожно ответил Марк, не глядя на нее.

Ему трудно было сосредоточиться на документах, он очень живо помнил свою предыдущую встречу с молодой девушкой.

– Вам повезло, – преувеличенно вздохнула девушка. – Здесь так скучно, совершенно нечем заняться вечером после работы.

Она с надеждой ждала, но Марк промолчал.

Директорами «Ледибургской недвижимости» были господа Дирк Кортни и Рональд Бересфорд Пай, но оба владели только одной акцией каждый, что давало им формальное право быть управляющими компании. Остальные девяносто девять тысяч девятьсот девяносто восемь акций принадлежали «Ледибургскому фермерскому банку».

– Большое спасибо, – сказал Марк, возвращая документы девушке и избегая ее откровенно изучающего взгляда. – Можно посмотреть документы «Ледибургского фермерского банка»?

Она быстро принесла папку.

Миллионом акций банка владели три человека, все трое были его директорами.

Дирк Кортни, Рональд Бересфорд Пай, Деннис Петерсен.

Марк нахмурился: сложно сплетенная паутина, снова и снова повторяются одни и те же имена. Он переписал их в блокнот.

– Меня зовут Марион, а вас?

– Марк. Марк Андерс.

– Марк! Какое романтическое имя. Вы читали Юлия Цезаря? Марк Антоний был ужасно романтическим героем!

– Да, – согласился Марк. – Сколько я вам должен за услуги?

– О, забудьте об этом.

– Нет, пожалуйста, я хочу заплатить.

– Ну хорошо, если угодно.

У выхода он остановился.

– Спасибо, – застенчиво сказал Марк. – Вы были очень добры.

– О, для меня это удовольствие. Если вам еще что-нибудь понадобится, вы знаете, как меня зовут и где меня найти.

Она вдруг багрово покраснела. И чтобы скрыть это, отвернулась с документами в руках. А когда снова повернулась, его уже не было. Девушка вздохнула, прижимая папки к маленькой красивой груди.

* * *

В списке под заголовком «Лица, умершие без завещания», Марк отыскал пренебрежительную судебную оценку имущества старика – сто фунтов.

В перечне имущества значились два ружья и дробовик, четыре быка, шотландская коляска; все это было продано на публичном аукционе за восемьдесят четыре фунта шестнадцать шиллингов. В перечне долгов значилась оплата комиссионных услуг, оказанных Деннисом Петерсоном, и стоимость ликвидации имения.

Общая сумма долга составляла сто двадцать семь фунтов. Получался дефицит. Он распределялся среди новых владельцев имения. Джон Арчибальд Андерс исчез, не оставив никаких следов. Даже три тысячи фунтов за Андерсленд ему не заплатили.

Марк подхватил ранец и вышел на яркое полуденное солнце. По Главной улице медленно двигалась водовозка, ее насосы выбрасывали две толстые струи, прибивавшие дорожную пыль.

Марк остановился, вдохнул запах мокрой земли и посмотрел через улицу на высокое здание «Ледибургского фермерского банка».

На мгновение ему захотелось войти в это здание и спросить там, что заставило старика изменить свое твердое решение после смерти быть погребенным в Андерсленде, как ему заплатили за ферму и что он сделал с этими деньгами.

Но эта мысль тут же исчезла. Люди, работающие в этом здании, совсем иной породы, чем не имеющий ни пенни внук неграмотного старого фермера.

В обществе существуют слои, невидимые барьеры, которые невозможно преодолеть, даже если у тебя есть университетский диплом, боевая награда за храбрость и ты с почетом уволен из армии.

Это здание – храм богатства, власти и влияния, и люди в нем подобны титанам или богам. Такие как Марк Андерс не врываются сюда, требуя ответить на свои мелкие вопросы относительно ничтожного старика.

– И ста фунтов наследства не будет, – вслух прошептал Марк и пошел через город на грохот железнодорожной сортировочной станции.

– Да, – подтвердил начальник станции, – Пит Грейлинг был машинистом маневрового локомотива, а сын работал с ним кочегаром, но они уволились несколько месяцев назад, в 1919 году. – Он задумчиво потер щетинистый подбородок. – Нет, куда они отправились, не знаю, только от души порадовался, что они уходят. Да, сейчас припоминаю, сын что-то говорил о том, что они направляются в Родезию. Купят там ферму или еще что. – Он усмехнулся. – Купят ферму. Вот ведь размечтались! На зарплату машиниста и кочегара ферму не купишь.

* * *

Зал заседаний «Ледибургского фермерского банка» занимал половину верхнего этажа здания; один ряд высоких, от пола до потолка, окон смотрел на восток, чтобы в жаркие летние дни впускать прохладный ветер с моря, другие окна выходили на высокий откос. Этот откос был прекрасным фоном для города и придавал любопытный вид огромному залу с высоким расписным потолком, где застыли в своем веселье танцующие белые херувимы, держа спускающиеся к окнам цветочные гирлянды.

Стены обшиты панелями из темного дерева, на окнах зеленые бархатные занавеси с золотыми шнурами по краям.

Ковер тоже зеленый и такой толстый, что способен приглушить звуки кавалерийской атаки. Стол для заседаний, из мрамора с золоченой бронзой, украшен виноградными листьями и обнаженными женскими фигурами, которые карабкаются по ножкам стола, с арфами в руках или танцуя.

У одного конца стола в почтительной позе стоял человек с короткой шеей и тяжелыми плечами борца. Его брюки лоснились от езды в седле, а ботинки были покрыты пылью после быстрой скачки. Он нервно теребил поля шляпы.

На другом конце стола в кожаном кресле восседал элегантный господин. Даже когда он сидел, было видно, что он высок, а плечи под дорогим английским костюмом широкие и сильные.

Но его голова отлично смотрелась на этих широких плечах – великолепная голова с блестящими, тщательно подстриженными волосами; темные кудри спускались на щеки замечательными бакенбардами. Выступающий подбородок, сильный, гладко выбритый, принадлежал человеку, привыкшему распоряжаться. Широкий решительный рот, великолепные белые зубы. Сейчас он задумчиво пожевывал ими нижнюю губу. На переносице между темными умными глазами легкая морщинка от задумчивости, сжатая в кулак наманикюренная рука подпирает подбородок: человек внимательно слушает.

– Я подумал, что вам это будет интересно, мистер Кортни, – закончил говоривший и переступил с ноги на ногу на толстом ковре.

На мгновение повисла тишина. Рассказчик с тревогой взглянул на двух джентльменов, сидевших по бокам от Дирка Кортни, но потом снова обратил все внимание на центральную фигуру.

Дирк Кортни опустил руку на колени, и лицо его прояснилось.

– Вы правильно поступили, Хобди. – Он бледно улыбнулся, и эта улыбка только подчеркнула его силу и властность. – Посидите в приемной. Клерк вас там угостит чем-нибудь, а я потом хочу еще поговорить с вами.

– Да, сэр, мистер Кортни, сэр…

Человек быстро вышел за дверь, и едва она закрылась за ним, двоих рядом с Дирком Кортни как прорвало:

– Я говорил, что-то подобное случится.

– Вы сказали, что он убит.

– Мне эта идея никогда не нравилась.

– Думаю, на этот раз мы зашли слишком далеко!

Они говорили, перебивая друг друга, а Дирк Кортни сидел с загадочной полуулыбкой, внимательно разглядывая бриллиант на мизинце правой руки и поворачивая крупный камень, чтобы поймать свет из окна и бросить яркий блик на потолок над собой.

Через несколько минут говоруны иссякли, и Дирк Кортни вежливо посмотрел на них.

– Все? Я нахожу ваши замечания конструктивными и глубокомысленными. – Он перевел взгляд с одного на другого, не получил ответа и продолжил: – К сожалению, вам известны не все факты. Вот некоторые новые сведения. Он явился в город сегодня утром и направился прямиком в контору земельной регистрации, оттуда в контору регистрации компаний, потом на сортировочную… – Слушатели снова разразились потоком восклицаний и жалоб, а Дирк Кортни тем временем достал из хьюмидора сигару, тщательно подготовил ее, обрезав кончик карманным ножом с золотой ручкой, смочил языком и взял большим и указательным пальцами, дожидаясь, когда опять наступит тишина. – Спасибо, господа, но, как я уже сказал, указанный джентльмен направился на сортировочную станцию и там расспрашивал о Грейлинге и его сыне.

На этот раз они промолчали, обмениваясь испуганными недоверчивыми взглядами, и молчание длилось, пока Дирк Корни зажигал спичку, ждал, пока прогорит сера, и закуривал.

– Это вы додумались, – сказал Рональд Пай.

Он по крайней мере на тридцать лет старше Дирка Кортни. Некогда горделиво выпяченный живот, говоривший о процветании, опал под дорогим пиджаком, щеки обвисли, как петушиная бородка, и покрылись блеклыми веснушками, словно темными пятнами – признаком нездоровья печени. Волосы поредели и поседели, остались лишь жалкие напоминания о некогда роскошных рыжих кудрях. Но уши по-прежнему торчали, словно он к чему-то внимательно прислушивался, как пустынная лиса, а глаза смотрели на Дирка Кортни с лисьей же хитростью.

– Да, – согласился Дирк Кортни. – Большинство идей принадлежит мне. Поэтому общий капитал Фермерского банка за десять лет с тех пор, как я начал снабжать вас своими идеями, вырос с полутора до пятнадцати миллионов фунтов.

Ронни Пай продолжал смотреть на него, в десятитысячный раз горько сожалея о том, что десять лет назад поддался искушению и доверил управление банком этому молодому авантюристу, этому элегантному пирату.

Видит Бог, у него были причины сомневаться и осторожничать, и он долго не решался принять фантастическое предложение Дирка Кортни. Он достаточно хорошо знал историю этого парня и при каких неприятных обстоятельствах тот ушел от отца и своей семьи.

А потом, годы спустя, свалился как снег на голову – вошел в кабинет Рональда Пая и сделал свое предложение.

Рональд Пай с первого взгляда увидел, что мальчишка превратился во взрослого мужчину из тех, с кем шутки плохи, но предложение было чересчур заманчивым, чтобы отвергнуть его. А потом до него начали доходить мрачные слухи, которые тянулись за этим человеком, как стервятники за львом.

Его должно было насторожить одно то, что Дирк Кортни мог предложить шестьсот тысяч фунтов за шестьдесят процентов акций банка и подкрепить свое предложение гарантией лондонского банка Ллойда. Это уже подтверждало зловещие слухи. «Как может честный человек за короткий срок раздобыть такие деньги?» – спрашивал себя Рональд Пай.

Но в конце концов деньги оказались слишком сильным искушением – деньги и возможность взять верх над старым врагом, генералом Шоном Кортни. Пая радовала мысль о появлении могущественного изгнанного сына в самом сердце владений Кортни. Эта радость плюс шестьсот тысяч фунтов наличными и заставили его согласиться.

Но сделка оказалась неудачной.

– Я предвидел это с самого начала, – сказал теперь Пай.

– Мой дорогой Пай, вы принципиально выступаете против любой новой идеи. Только неделю назад вы, как невеста-девственница, падали в обморок, услышав об итогах годового баланса «Ледибургской недвижимости» и «Сахара Зулуленда».

Дирк встал с кресла. Оказалось, что он внушительного роста. Зажав сигару в крепких белых зубах, он слегка пригладил волосы обеими руками и расправил галстук, коснувшись булавки с жемчугом, прежде чем пройти к дальней стене комнаты.

Он потянул вниз свернутую карту Зулуленда и Северного Наталя, закрывшую половину стены, и отошел.

Здесь в крупном масштабе были показаны границы всех ферм. Фермы, принадлежавшие «Ледибургской недвижимости» (окрашенные зеленым), тянулись от моря до гор – огромный участок земли и богатых недр.

– Вот схема, джентльмены, против которой вы так отчаянно возражали. – Дирк Кортни улыбнулся. – Она казалась слишком богатой для вашей водянистой крови. – Улыбка погасла, Дирк стал мрачен. Когда он хмурился, в уголках рта залегали горькие складки, а глаза делались злыми и утомленными. – Ключ ко всей этой территории – здесь, на Умфолози. Вот необходимая нам вода, без нее весь план теряет смысл. Один упрямый, глупый, дремучий, старый ублюдок… – Он смолк, потом снова улыбнулся, и в его голосе зазвучало возбуждение. – Теперь все это наше, весь южный берег реки, и мы на этом не остановимся!

Дирк расставил руки с хищно скрюченными пальцами, охватывая всю карту.

– Здесь, – говорил он, – и здесь, и здесь.

Его руки жадно двигались на север.

Он со смехом отошел от карты и наклонил большую красивую голову.

– Да взгляните же на себя, – рассмеялся он. – У вас по ногам течет с перепугу, а почему? Только потому, что я помогаю вам разбогатеть!

Заговорил Деннис Петерсен, ровесник Ронни Пая, женатый на его сестре. Если бы не это, он никогда бы не оказался за этим мраморным с бронзой столом. Из троих он наименее значителен. У него неопределенные черты лица, дорогой костюм облегает бесформенное тучное тело, цвет глаз Денниса понять трудно.

– Что же нам делать? – спросил он, и хотя его руки лежали на коленях, казалось, он горестно ломает их.

– Нам? – ласково спросил Дирк и подошел к его стулу. – Нам, мой дорогой Деннис? – Несмотря на разницу в возрасте, он ласково, по-отцовски, потрепал Денниса по плечу. – Вам ничего не нужно делать. Отправляйтесь в свою контору, а я скажу вам, когда дело будет кончено.

– Послушайте, Дирк, – Деннис упрямо поднял подбородок. – Больше никакой грубой работы, слышите? – Он увидел выражение глаз Дирка и опустил подбородок. – Пожалуйста, – пробормотал он.

Дирк усмехнулся.

– Убирайтесь, оба, и продолжайте подсчитывать, насколько разбогатели. – Он провожал их, положив руки им на плечи. – Завтра в девять утра у нас совет, Деннис. Я буду обсуждать строительство новой сахарной фабрики у Стейгера. Мне понадобятся все данные. Потрудитесь обеспечить.

Как только Дирк остался один, его лицо изменилось, глаза сузились. Он погасил сигару в ониксовой пепельнице и подошел к двери в свою приемную.

– Хобди, – негромко позвал он. – Зайдите ненадолго, пожалуйста.

* * *

В жизни охотника бывают минуты, когда свежий след вдруг начинает теряться. Марк помнил такие моменты, с тех пор как они со стариком охотились у Ворот Чаки.

– След старый, он теряется, – сказал он вслух, стоя в задумчивости на главной улице Ледибурга.

Казалось, могилу старика не найти. Он не может привезти тело деда и похоронить рядом с Алисой в Андерсленде.

На втором месте – деньги, которые заплатили старику за Андерсленд. Три тысячи фунтов. Для Марка это целое состояние, и было бы неплохо узнать, что с ним случилось. С такими деньгами он мог бы купить себе где-нибудь землю.

Марк подумал о том, о чем в последнее время старался не думать. Приходилось признать, что небольшой шанс есть, но внутри у него все сжималось от мыслей о том, что предстоит сделать. Он с трудом заставил себя повернуть и двинуться к «Ледибургскому фермерскому банку». К дверям банка он подошел, когда начали бить церковные часы в конце улицы – пять ударов разнеслись по долине, и из банка хлынули десятки его служащих, улыбаясь, весело болтая и радуясь окончанию рабочего дня. Охранники в форме принялись закрывать солидные двери красного дерева.

Марк с облегчением повернул назад.

«Приду завтра», – строго сказал он себе.

Пансион при церкви предлагал ужин и ночлег за шесть шиллингов, но Марк задумался об этом только на мгновение. Соверенов из сокровищницы старика должно было хватить надолго.

Он пересек по мосту Бабуинов ручей, поднялся на противоположный берег и пошел вверх по течению в поисках места для лагеря. В четверти мили от моста нашлось прекрасное место – деревья, хворост для костра, но, спустившись к воде, Марк ощутил зловоние, еще даже не коснувшись ее котелком; он присел на корточки.

Вдоль берега тянулся толстый мыльный слой пены, облепивший стебли тростника там, где они уходили в воду. Марк впервые заметил, что тростник мертв, он потемнел, а из воды поднимались зловещие пузыри газа. Марк наклонился, набрал воды в горсть, принюхался, с отвращением выплеснул и встал, вытирая руку о штаны.

По течению плыла большая желтая рыба, не менее четырех фунтов весом; она плыла брюхом вверх, слегка покачиваясь, выпучив мертвые тусклые глаза. Марк с тревогой и дурным предчувствием следил, как она проплывает, словно это гниющее отравленное тело имело какой-то особый смысл в его жизни. Он чуть вздрогнул и отвернулся, снова поднялся наверх и надел ранец на плечи.

Он шел вверх по течению, время от времени останавливаясь и глядя вниз, на воду, пока не оказался напротив стальной структуры новой сахарной фабрики; здесь вода в ручье бурлила, выбрасывая клубы светлого дыма, который туманом висел над поломанными мертвыми тростниками. У следующего поворота Марк наткнулся на сточную трубу; черная шестидюймовая труба выступала из берега и непрерывно извергала горячий, окутанный паром поток.

Ветер переменился и принес туда, где стоял Марк, острый ядовитый запах. Марк закашлялся и отвернулся.

В ста ярдах выше по течению между зелеными тростниками, которые грациозно раскачивались на ветру, текла чистая вода и Марк увидел в глубине омута неподвижно стоящего угря; под поверхностью по сахарно-белому песку бегали маленькие черные и розовые крабы.

Он нашел место для стоянки у подъема на откос, рядом с водопадом и небольшим омутом у его подножия.

С деревьев над ним свисал зеленый занавес папоротника. Когда Марк разделся и спустился к омуту, вода оказалась прохладной и освежающей.

Он побрился старой бритвой, сидя голышом на замшелом камне у ручья. Вытерся рубашкой, выстирал ее, повесил сохнуть у небольшого костра, и пока голый по пояс ждал, когда закипит в котелке вода, смотрел вниз на долину.

Солнце уже коснулось края откоса, его низкие лучи были теплыми, розовыми. В них заблестели железные крыши городских домов, столбы дыма из труб окрасились в цвет прекрасной золотистой бронзы. Дым поднимался в вечернее небо вертикально, потому что в необычной тишине африканского вечера ветер утих.

Взгляд Марка уловил какое-то движение, и он сморгнул, чтобы лучше видеть.

По открытой местности за городом двигалась группа охотников. То, что это охотники, Марк понял даже отсюда. Четыре всадника медленно двигались тесной группой, один из них упирал в колено ружье или дробовик; он наклонялся, всматриваясь в землю, и держал оружие стволом к небу.

Остальные трое тоже были вооружены: Марк видел ружья в чехлах у их колен и заметил признаки охотничьего азарта. Перед группой виднелась одинокая фигура – зулус в рваной европейской одежде; ведя за собой всадников, он шел характерной походкой следопыта, обманчиво быстрым зулусским шагом, опустив голову, не отрывая взгляда от земли; в руке он держал стебель тростника с оборванными листьями – палочку следопыта, которой раздвигал траву в поисках следа.

Марк лениво подумал: на кого они охотятся так близко к городу, на берегу отравленной, умирающей реки? Они шли той же тропой, по которой пришел к откосу сам Марк.

Быстро стемнело. Едва солнце ушло за горизонт, крыши города поблекли, но в последнем свете Марк увидел, как предводитель всадников натянул поводья и выпрямился в седле. Он был плотным, коренастым. Этот человек посмотрел в сторону откоса, туда, где стоял Марк, но тут стемнело, и в темноте охотники стали неразличимы.

Слегка встревоженный, обеспокоенный событиями дня, тяжелыми мыслями о судьбе деда, печалью из-за умирающей реки и наконец этой фигурой внизу, Марк сидел у костра, ел похлебку, которую сварил в своем жестяном котелке, и пил кофе.

Когда он наконец надел шинель и завернулся в одеяло у огня, то не смог уснуть. Тревога почему-то усиливалась, и он снова задумался, на кого могли охотиться эти четыре всадника на окраине густонаселенного города. Вспомнил, что они шли по его тропе, и тревога усилилась.

Неожиданно он вспомнил, что дед никогда не ложился спать у костра, на котором готовил пищу. «Я научился этому, когда мы гнали буров. Свет в ночи привлекает не только мошек, но и гиен, львов и людей», – прозвучал в ушах у Марка голос деда; он тотчас поднялся, все еще держа одеяло на плечах, и передвинулся по склону на пятьдесят ярдов, пока не нашел углубление, заваленное опавшей листвой.

Наконец он задремал, но тонкая ткань сна мгновенно разорвалась, когда в лесу поблизости крикнула сова-сплюшка. Знакомый ночной звук затронул в Марке какую-то потаенную струну. Отличное подражание, но ему не обмануть ухо, настроенное на звуки дикой природы.

Напряженно прислушиваясь, Марк медленно приподнял голову и посмотрел вниз со склона.

Там у воды снова крикнула сова, и одновременно Марк услышал, как что-то большое и тяжелое вкрадчиво движется недалеко от нее, шурша опавшей листвой. Затем снова наступила тишина.

Марк напрягал зрение и слух, но тьма под деревьями была непроницаема.

Где-то внизу в долине трижды свистнул паровоз, звук далеко разнесся в тишине, потом послышалось пыхтение поезда, выходящего с товарной станции, ритмично стучали по шпалам колеса.

Марк пытался не слышать их перестука, отфильтровать его, оставить только близкие звуки в ночи.

Что-то двинулось вниз по склону, Марк услышал легкий шепот и засек движение на фоне гаснущих углей костра: из темноты показалась нога в обуви, остановилась у костра и застыла.

Еще ближе Марк услышал шум движения, нетерпеливый шорох ног, потом – ошибиться было нельзя – металлический щелчок затвора, который встает в положение для стрельбы. Этот звук огнем опалил нервы Марка, и он затаил дыхание. Звук раздался очень близко, всего в шести футах, и Марку показалось, что в свете звезд он различает силуэт человека. Человек стоял над самым углублением и смотрел в сторону костра.

Тот, что остановился у костра, негромко заговорил, но его слова были хорошо слышны.

– Гаденыш ушел, его здесь нет.

Он наклонился к груде хвороста, нарубленной Марком, и бросил несколько веток в костер. Спиралью поднялись искры, отбрасывая круг желтого света.

Потом человек резко крикнул:

– Его мешок еще здесь. – Он выжидательно поднял дробовик, глядя в ночь. – Помните, за него сто фунтов.

Эти слова и то, как незнакомец держал дробовик, делали его намерения предельно ясными. Марк почувствовал теплый поток адреналина в крови, он был взвинчен и дрожал от сдерживаемой энергии, готовой мгновенно выплеснуться в стремительном движении.

Человек рядом с ним снова пошевелился, и Марк услышал звон металла о металл, дыхание, хриплое от напряжения, и тут внезапно окрестности залил ослепительно яркий свет. Луч лампы развернулся и осветил закутанную в одеяло фигуру Марка.

Марк смутно различил за источником ослепительного света фигуру человека. В правой, вытянутой руке тот держал на уровне головы лампу, а в левой нес за ремень ружье.

Он совершенно не ожидал появления Марка у своих ног и дико заорал:

– Он здесь! Бог мой!

Выстрелить ему помешала лампа в правой руке.

– Стреляй! Стреляй, черт побери! – крикнул другой голос, показавшийся Марку знакомым, и человек рядом с Марком выронил лампу и начал поднимать ружье. Марк бросился на него.

Он использовал инерцию движения противника, поднимавшего ружье; схватив одной рукой ствол, другой приклад, он двинул человека в лицо, вложив в этот удар всю силу своего броска. Звучно хрустнули хрящи и кости, стальной затвор врезался в лицо, и отдача удара передалась рукам, пытаясь выбить их из плеч.

Человек с криком упал на спину, из его носа и рта хлынула кровь.

Марк перескочил через него и побежал по склону.

За ним раздались крики, потом гулко прогремели выстрелы, блеснула двойная вспышка из стволов. Марк слышал, как пули ударили в листву рядом с ним, и что-то обожгло предплечье, словно его ужалила дикая пчела.

– Свет! Дайте свет!

– Вон он, не дайте ему уйти!

Последовали три быстрых выстрела из ружья, судя по звуку это был «Ли-Энфилд» калибра.303. Пуля ударила в камень и с воем отскочила в небо, еще одна вошла в дерево, рядом с которым пробегал Марк.

Он тяжело упал и почувствовал, что подвернул ногу: острая боль от щиколотки распространилась на промежность и нижнюю часть живота. Он встал на колени, и тут луч лампы скользнул по земле и уперся в него.

– Нашли!

Целый залп выстрелов и торжествующие крики.

Пули рвали воздух вокруг, одна пролетела так близко, что от порыва ветра одно ухо оглохло. Марк бросился вперед со склона.

От боли в ноге он закричал. Нестерпимая, жгучая боль в ноге фосфоресцирующим прибоем захлестывала его сознание, но он заставлял себя бежать. Он взмок, бранился, всхлипывал и хромал на поврежденную ногу.

Они цепью бежали за ним, но людей, привыкших ездить верхом, бег по склону как будто утомлял: крики преследователей становились все более отчаянными, в них звучали тревога и страх упустить добычу.

Несмотря на приступы боли, которые вызывал каждый шаг, Марк старался думать. Он хотел было скрыться в зарослях и подождать, пока погоня его минует, но они подобрались слишком близко, к тому же с ними был следопыт, который, даже в темноте, безошибочно привел их к его лагерю. Лечь сейчас означало бы капитуляцию и самоубийство, но идти дальше он не может. Боль начинала поглощать его, в голове словно вертелись большие колеса, а в глазах темнело.

Марк упал на колени, и его вырвало; он задыхался от желчи в горле. Звуки преследования за несколько секунд заметно приблизились. Он заставил себя встать, и тут его поймал луч лампы, ружейная пуля взвихрила воздух над головой, и Марку пришлось, шатаясь, двинуться вперед, укрываясь в зарослях от света. Неожиданно он почувствовал, что земля под ногами встает дыбом.

Он опять споткнулся, упал, но сразу поднялся – и оказался на ровной поверхности, под ногами, точно сахар, скрипел гравий. Еще три шага, и Марк опять тяжело упал, споткнувшись о металл, и ударился вытянутой правой рукой.

Несколько секунд он пролежал, тяжело дыша, ничего не видя, слушая крики преследователей внизу. Эти крики привели его в чувство, и он пошарил руками, чтобы найти опору и встать.

И обнаружил холодную сталь, о которую споткнулся; она дрожала под его руками, как живая. Он вдруг понял, что поднялся на железнодорожную насыпь и упал на рельсы основного пути.

Он поднялся на колени и услышал в ночи глухое пыхтение; весь склон вдруг озарил яркий свет, этот свет поворачивался: паровоз, который он услышал, когда тот покидал товарную станцию, начал с шумом огибать самый крутой участок откоса, чтобы затем пересечь глубокую долину реки.

Длинный белый луч прожектора хлестнул Марка будто прутом; Марк вытянул руки, защищая глаза, скатился с рельсов и присел на корточки с противоположной от преследователей стороны.

В свете паровозного прожектора он увидел, как на насыпь проворно поднимается коренастая фигура. Человек перебежал через рельсы почти перед самым ревущим паровозом.

Ослепленный светом Марк не разглядел его лицо, но в том, как этот человек двигался и держал плечи, было что-то знакомое.

Паровоз пронесся мимо, струя пара из-под клапанов обожгла Марка горячим дыханием. И тут же замелькали товарные вагоны.

Марк с трудом встал, опираясь на здоровую ногу, и, вытирая пот с глаз, посмотрел наверх, выжидая.

Когда нужный момент настал, он едва не пропустил его; ладони стали скользкими от пота, и он чуть не выпустил из рук поручень, хотя на склоне поезд заметно сбавил скорость.

От напряжения рука заболела, Марк повис на вагоне, пытаясь ухватиться второй рукой. Ему наконец это удалось, хотя ноги еще волочились по земле, и в этот миг чьи-то руки, точно стальные клешни, схватили его за поврежденную лодыжку и вес тяжелого тела потащил Марка вниз, ударяя о стену вагона.

Марк закричал от невыносимой боли в ноге, и потребовались все его силы, вся храбрость, чтобы не выпустить поручень.

Его тело раскачивалось, как маятник; человек, державший его, отрывался от земли, потом снова касался ее, скользя по гравию, словно ехал на санях.

Марк повернул голову, нашел белое пятно лица и нацелился пнуть его свободной ногой, но промахнулся. Тут пыхтение паровоза изменилось: поезд въехал на мост через глубокое ущелье, по которому протекала река.

Из движущегося коридора тьмы проступили верхние стойки моста; Марк услышал свист – это мимо замелькали стальные опоры – и в то же мгновение его ногу выпустили. Он из последних сил цеплялся за поручень товарного вагона, а поезд тем временем миновал мост, начал подъем на откос и вскоре, оказавшись на вершине, вышел на ровное плато. Он быстро набирал скорость; Марк дюйм за дюймом с трудом потянулся наверх и наконец упал в открытые двери вагона на мешки с сахаром. Он лежал ничком, дыша со всхлипом, по-прежнему ощущая страшную боль в ноге.

Его привел в чувство холод. Промокшая от пота одежда в потоках ночного воздуха стала ледяной. Марк с трудом подполз к высокой стальной стене вагона. Осторожно проверил и с облегчением убедился, что кошелек и блокнот в кармане.

Неожиданно он понял, что не один, и его снова охватила паника.

– Кто здесь? – прохрипел он, принимая оборонительную позу.

И услышал ответ на зулусском языке:

– Я не причиню вреда, нкози.

Марк сразу почувствовал облегчение. У стены вагона, подальше от ветра, сидел человек, и было ясно, что появление Марка встревожило его не меньше, чем Марка – встреча с ним.

– Я не причиню вреда, господин. Я бедный человек, и у меня нет денег, чтобы заплатить за проезд. Мой отец болен, он умирает в Теквени, в Дурбане.

– Мир, – ответил Марк на том же языке. – Я тоже бедный человек.

Он перебрался поближе к зулусу, где не так дуло, и от движений снова сильно заболела лодыжка.

– Хау! – Чернокожий заметил напряженное лицо Марка и всмотрелся в него. – Ты ранен.

– Нога, – ответил Марк, пытаясь занять более удобное положение. Зулус наклонился, и Марк почувствовал осторожное прикосновение к своей лодыжке.

– Ты босой?

Голые кровоточащие ноги Марка удивили зулуса.

– Меня преследовали плохие люди.

– Ха, – ответил зулус, и в звездном свете Марк увидел, что он молод. – Нога плохая. Не думаю, что кость сломана, но она плохая.

Он развязал свой узелок, достал оттуда что-то из одежды и начал разрывать на полоски.

– Нет, – резко возразил Марк. – Не рви свою одежду ради меня.

Он знал, как ценят зулусы европейскую одежду, даже рваную и заношенную.

– Это старая рубашка, – ответил зулус и начал искусно перевязывать опухшую лодыжку. Когда он закончил, Марку стало легче.

– Wgi ya bone. Благодарю тебя, – сказал он и задрожал от неожиданного ледяного ужаса, с опозданием обрушившегося на него; он почувствовал, как к горлу подступает рвота.

Зулус снял с плеч одеяло и старательно закутал Марка.

– Нет. Я не могу взять твое одеяло. – Одеяло пахло дымом от горелого навоза и самим зулусом: запах африканской земли. – Не могу.

– Тебе оно нужно, – решительно ответил зулус. – Ты болен.

– Ну хорошо, – согласился Марк, и его сотряс новый приступ дрожи. – Но одеяло большое, его хватит на двоих.

– Так не полагается.

– Давай, – сказал решительно Марк. Зулус поколебался, потом пододвинулся и укрылся складкой шерстяного одеяла.

Плечо к плечу сидели они в ночи, и Марк почувствовал, что погружается в туман усталости и боли: в распухшей лодыжке словно били в барабан. Зулус молчал, и Марк подумал, что он спит, но когда два часа спустя поезд начал тормозить, зулус прошептал:

– Это станция Сакабула. Здесь поезд останавливается, пропуская другой поезд.

Марк вспомнил глухую ветку с двойной петлей. Никаких зданий, только надпись указывает на то, что это станция. Он едва снова не задремал, но что-то предупредило его – необычное ощущение опасности, которое так остро проявлялось во Франции.

Он откинул одеяло, на коленях подобрался к открытой двери и выглянул. Поезд поворачивал, подходя к станции, серебряные рельсы блестели в свете паровозного прожектора.

Далеко впереди виднелся снежно-белый в его луче указатель с названием станции, но рядом с ним было еще что-то. Рядом с указателем стоял автомобиль, большой темный грузовик, горели фары. В желтом свете Марк разглядел ждущих людей. Тревога, словно кулаком, ударила его в грудь.

Грузовик из Ледибурга не мог их опередить, а вот телеграмма могла.

– Мне надо уходить, – сказал Марк, оцепеневшими пальцами достал из кармана на поясе соверен и сунул в руку зулусу.

– Здесь нет… – начал зулус, но Марк резко оборвал его:

– Оставайся в мире.

Он подполз к противоположной стене вагона, подальше от ожидающих, спустился по стальной лестнице и повис над полотном.

Дождавшись, пока поезд еще больше замедлит ход, Марк собрался с духом и отпустил руки, стараясь приземлиться на здоровую ногу.

Он ударился о землю, закувыркался, вобрав голову в плечи и поджав колени к груди, и, как резиновый мяч, покатился вниз по насыпи.

Он не стал вставать в сухой светлой траве у самой линии, а ползком добрался до густого колючего кустарника в пятидесяти ярдах от дороги. Осторожно пробрался под низко нависшие ветки и лег лицом вниз, стиснув зубы от тупой боли в лодыжке.

Последний вагон поезда остановился напротив укрытия Марка; охранник спустился, размахивая фонарем; навстречу ему от головы поезда шла группа людей, тоже с фонарями. По пути они осматривали каждый открытый вагон. Марк видел, что все они вооружены, до него отчетливо доносились их голоса. Они объясняли причину своего появления машинисту и кочегару, которые высунулись из окна паровоза.

– Что случилось?

– У вас в поезде беглец от правосудия.

– А вы кто?

– Мы специальные констебли.

– А что сделал этот парень?

– Ограбил банк. И убил четверых в Ледибурге. Он запрыгнул в ваш поезд на откосе.

– Не упустите его. Этот ублюдок – убийца.

Они шли вдоль поезда, громко переговариваясь и окликая друг друга для храбрости, и в последний миг Марк вспомнил про зулуса. Он должен был предостеречь этого человека, но слишком озаботился собственной безопасностью. Он хотел крикнуть, предупредить его, но не мог заставить себя сделать это. Зулусу ничего не грозит, они не станут стрелять, когда увидят, что он черный, разве что побьют немного и выбросят из поезда. Тут в двух вагонах от него с поезда спрыгнул зулус – стремительно метнувшаяся темная фигура. Кто-то предупреждающе крикнул.

Немедленно грянул выстрел.

Марк в свете фонарей увидел поднятую пулей пыль; зулус повернул и побежал прямо к открытой травянистой равнине. Полдюжины выстрелов разорвали ночь в гневном сверкании красных вспышек, но зулус продолжал бежать.

Один из людей с грузовика опустился на колени, и Марк увидел в свете ламп его бледное напряженное лицо. Он старательно прицелился, его ружье резко дернулось.

Зулус беззвучно упал в траву, и возбужденная стая преследователей собралась вокруг его тела.

– Боже, да это всего лишь черный!

Последовал гневный спор, который длился минут пять, потом четверо из них за ноги и за руки потащили тело к грузовику.

Голова чернокожего откинулась, почти задевая землю, рот был открыт, капавшая оттуда кровь в свете ламп казалась черной, как смола; голова качалась в такт шагам несших его людей. Зулуса бросили в кузов грузовика.

Мимо станции с грохотом прошел северный поезд, пронзительно свистнул и исчез в направлении Ледибурга.

Люди забрались в грузовик, заработал мотор, грузовик вырулил на неровную дорогу, осветив фарами небо и землю, и уехал.

Стоящий поезд печально свистнул и медленно покатил вперед. Марк выбрался из убежища под кустом, захромал следом и догнал его раньше, чем поезд набрал скорость.

Он перебрался через мешки с сахаром к стенке и обнаружил, что зулус оставил свое одеяло. Кутаясь в него, Марк чувствовал себя виноватым – виноватым в смерти человека, который отнесся к нему по-дружески. Постепенно вину сменил гнев.

Этот горький, разъедающий гнев позволил ему продержаться ночь, пока поезд шел на юг.

* * *

Фордсбург – убогий пригород Йоханнесбурга в трехстах милях от Зулуленда и прекрасной лесистой долины Ледибурга. Здесь стоят жалкие домишки, жилье бедных рабочих, строения из оцинкованного железа на деревянных каркасах, с крошечным жалким палисадником возле каждого. В некоторых палисадниках дерзко цветут маргаритки, лодочки и пламенно-красные пуансетии, но в основном это голая, необработанная, заросшая кустами и деревьями земля, к которой обитатели домов равнодушны.

Над узкими улочками и теснящимися домами возвышаются терриконы шахт, горы с плоскими вершинами отравленной желтой земли, из которой извлекли золото. Добыча золота с помощью цианида приводит к тому, что почва становится мертвой, бесплодной. Здесь ничего не растет, а в ветреные дни желтая пыль и грязь окутывают льнущие к земле дома.

Эти отвалы – памятники муравьиным усилиям людей, символы вечной, алчной погони за золотом – господствуют на местности. Шахтные надстройки под безоблачным зимним небом над вельдом напоминают стальных пауков.

Бесконечно вращаются их огромные колеса, туда-сюда, опуская полные людей клети глубоко под землю и возвращаясь наверх с грузом богатой золотом руды.

Марк медленно шел по узким пыльным улицам. Он прихрамывал, его скудные пожитки – то, что удалось купить взамен брошенных на откосе – уместились в дешевом картонном чемодане.

Теперь его одежда была определенно лучше мешковатого костюма, который выдали ему при демобилизации. Спортивного покроя синий пиджак был выглажен и плотно облегал плечи, снежно-белая рубашка с открытым воротом выгодно подчеркивала загар на шее и лице.

Он дошел до дома с номером 55 на воротах. Тот оказался точной копией домов рядом и через улицу. Марк открыл калитку и прошел по короткой, вымощенной булыжниками дорожке, зная, что кто-то наблюдает за ним сквозь занавешенное окно.

Однако когда он постучал в незапертую дверь, открыли ему лишь через несколько минут. Марк заморгал, увидев стоящую перед ним женщину.

Ее темные волосы были только что причесаны, она определенно лишь минуту назад сменила домашнюю одежду на более приличествующую случаю, поскольку как раз завязывала пояс на стройной талии. Светло-синее платье в маргаритках – женщина казалась в нем молодой и веселой, хотя Марк сразу понял, что она лет на десять старше его.

– Да? – спросила она, смягчая вопрос улыбкой.

– Здесь живет Фергюс Макдональд?

Теперь он видел, что у нее приятное лицо: не красавица, но хорошенькая, широкоскулая, с темными умными глазами.

– Да, это дом мистера Макдональда. – В ее голосе звучал легкий интригующий акцент. – А я миссис Макдональд.

– О, – сказал он, захваченный врасплох. Он знал, что Фергюс женат. Тот часто говорил об этом, но Марк ни разу раньше не думал о его жене как о женщине из плоти и крови, тем более такой.

– Я старый армейский друг Фергюса.

– Понятно.

Она колебалась.

– Меня зовут Марк, Марк Андерс.

Ее отношение мгновенно изменилось, полуулыбка превратилась в улыбку широкую, во все лицо.

Она даже негромко ахнула от радости.

– Марк, конечно Марк! – Миссис Макдональд порывисто схватила его за руку и втащила внутрь. – Он так часто говорил о тебе, что мне кажется, я тебя хорошо знаю. Словно ты член семьи, вроде брата. – Она говорила со смехом, не отпуская его руки. – Входи, Марк, входи. Меня зовут Хелен.

* * *

Сидя на крошечной кухоньке во главе стола, застеленного не скатертью, а газетой, Фергюс Макдональд, склонившись к тарелке, гневно слушал рассказ Марка о его бегстве из Ледибурга.

– Сволочи. Это враг, Марк. Новый враг. – Он говорил с набитым ртом, полным картошки и домашней колбасы с пряностями. – Мы снова на войне, парень, и наш враг теперь опасней проклятых немцев.

– Еще пива, Марк?

Хелен наклонилась к нему с полным кувшином.

– Спасибо. – Обдумывая слова Фергюса, он смотрел, как поднимается в стакане пена. – Я ни черта не понимаю, Фергюс. Я не знаю, кто это люди и почему они хотели меня убить.

– Они хозяева, парень. Вот с кем мы сейчас воюем. Богачи, владельцы шахт, банкиры… все, кто угнетает рабочих.

Марк сделал большой глоток, и Хелен улыбнулась ему через стол.

– Фергюс прав, Марк. Мы должны их уничтожить.

И она заговорила. Странно было слышать такие слова от женщины. Ее темные глаза фанатично сверкали.

Ясная четкая речь с легким акцентом придавала особую убедительность ее словам. Марк наблюдал, как она жестикулирует, подчеркивая каждую свою мысль. Сильные руки с изящно утончающимися к концам пальцами и коротко остриженными ногтями. Ногти чистые, но указательный и средний пальцы правой руки пожелтели. Сперва это удивляло Марка, но потом Хелен неожиданно потянулась через стол за сигаретой из открытой пачки у локтя Фергюса.

Продолжая говорить, она зажгла спичку, закрывая пламя руками, закурила и глубоко затянулась, а потом выпустила дым из сжатых губ. Марк никогда не видел курящих женщин и удивленно смотрел на нее. А она яростно качала головой.

– История народной революции написана кровью. Посмотри на Францию, посмотри, как набирает силу революция в России.

Короткие блестящие кудри плясали по ее гладким бледным щекам, она крепко сжимала зубами сигарету, и, как ни странно, Марк находил ее мужские манеры шокирующими и возбуждающими.

Он почувствовал напряжение в промежности, его плоть разбухала и твердела – вопреки доводам рассудка, неподвластная ему.

От потрясения и замешательства у него перехватило дыхание, он откинулся назад и сунул руку в карман брюк, убежденный, что оба собеседника заметили его постыдную реакцию, но Хелен, напротив, перегнулась через стол и сжала другую его руку, удивительно сильно и цепко.

– Мы знаем нашего врага, знаем, что и как делать, Марк.

Ее пальцы раскаленным железом впивались в его плоть, он чувствовал, что от их силы у него кружится голова. И когда заставил себя ответить, его голос звучал хрипло.

– За ними сила, Хелен, могущество.

– Нет, нет, Марк, сильны рабочие, а враг слаб и самоуверен. Они ни о чем не подозревают, валяются, как свиньи, в своих золотых соверенах, думая, что в безопасности, но на самом деле их мало и они мягкотелы. Они не знают о своей слабости, но и рабочие не сознают свою силу. Мы их научим.

– Ты права, милая. – Фергюс хлебной коркой вытер соус с тарелки и сунул корку в рот. – Слушай ее, Марк. Мы строим новый мир, прекрасный новый мир. – Он громко рыгнул и отодвинул тарелку, упираясь локтями в стол. – Но сначала надо уничтожить, смести их гнилое, несправедливое, продажное общество. Война предстоит жестокая, и нам нужны сильные, опытные бойцы. – Он хрипло рассмеялся и хлопнул Марка по плечу. – Они еще услышат о Макдональде и Марке Андерсе, парень.

– Нам нечего терять, Марк. – Щеки Хелен раскраснелись. – Нечего, кроме своих цепей, а завоюем мы весь мир. Это сказал Карл Маркс, и это величайшая историческая истина.

– Хелен, ты… – Марк колебался, не решаясь выговорить это. – Я хочу спросить… вы с Фергюсом большевики?

– Так нас называют хозяева и их прислужники, полицейские. – Она презрительно рассмеялась. – Они пытаются выставить нас преступниками, но в то же время боятся нас. Им нужны основания? Мы дадим им основания!

– Нет, парень, не называй нас большевиками, – сказал Фергюс. – Мы члены коммунистической партии, сторонники мирового коммунизма. Я секретарь местной партийной организации и председатель профсоюза работников котельной фабрики.

– Ты читал Карла Маркса? – спросила Хелен.

– Нет.

Марк, ошеломленный и потрясенный, покачал головой, но по-прежнему особенно остро, почти до боли, он ощущал привлекательность Хелен. Фергюс большевик? Чудовище, бросающее бомбы? Но он же знает, что это не так.

Он старый верный товарищ.

– Я тебе дам свой экземпляр.

– Послушай, милая. – Фергюс рассмеялся и покачал головой. – Мы слишком торопим парня. Посмотри, какой у него нелепый вид.

Он наклонился, дружески положил руку на плечо Марку и привлек его к себе.

– У тебя есть где остановиться, парень? Работа? Место, куда пойти?

– Нет. – Марк покраснел. – Ничего нет, Фергюс.

– Ничего подобного, есть, – быстро вмешалась Хелен. – Я уже приготовила постель в другой комнате. Ты останешься здесь, Марк.

– Но я не могу…

– Все решено, – просто ответила она.

– Оставайся, парень. – Фергюс крепко сжал ему руку. – А работу подыщем тебе завтра. Ты ведь грамотный, умеешь читать, писать и считать. Тебе найти работу не трудно. Я знаю, что в расчетном отделе нужен служащий, а начальник этого отдела наш товарищ, партиец.

– Я буду платить за квартиру.

– Конечно, будешь. – Фергюс снова рассмеялся и до краев наполнил стакан Марка пивом. – Рад снова тебя видеть, сынок. – И он поднял свой стакан. – Пусть ублюдки знают, что Макдональд и Андерс опять вместе.

Он сделал большой глоток (острый кадык на его шее запрыгал) и рукой утер губы.

* * *

Бригадный капеллан называл это грехом Онановым, у солдат же было много других, гораздо более непристойных названий, вроде «дрочить» или «навещать миссис Руку с ее пятью дочерьми». Капеллан предупреждал о дурных последствиях: выпадение волос, ослабление зрения, трясущаяся голова и наконец идиотизм и сумасшедший дом. Марк лежал на узкой металлической кровати и невидящими глазами смотрел на выцветший розовый рисунок обоев в крошечной комнате. Пахло пылью, как в давно не открывавшемся шкафу; у дальней стены стоял умывальник на железной подставке и эмалированный кувшин с водой. С потолка на проводе свисала единственная лампочка без абажура, белая штукатурка вокруг нее была засижена мухами, и сейчас на потолке сидели три сонные мухи. Марк перенес внимание на них, стараясь отогнать искушение, терзавшее его тело.

Легкие шаги в коридоре замерли у двери его спальни. Потом в дверь постучали.

– Марк?

Он быстро сел, опустив тонкое одеяло до пояса.

– Можно мне войти?

– Да, – хрипло ответил он, и дверь распахнулась. Хелен подошла к кровати. Теперь на ней было платье из легкой, блестящей розовой материи с застежкой спереди; юбка на каждом шагу вздымалась, мелькало белое тело выше колен.

В руке Хелен несла тонкую книгу.

– Я обещала дать ее тебе, – объяснила она. – Прочти, Марк.

И она протянула ему книгу.

Книга называлась «Манифест Коммунистической партии»; Марк взял ее и наобум раскрыл. Наклонился к странице, чтобы скрыть смущение, вызванное ее присутствием.

– Спасибо, Хелен.

Он впервые назвал ее по имени; ему хотелось, чтобы она ушла, и одновременно он наделся, что она останется.

Она немного наклонилась к нему, заглядывая в открытую книгу; лиф платья на дюйм раскрылся, Марк заглянул в вырез и увидел невероятный шелковистый блеск там, где начиналась одна белая грудь, закрытая кружевами, которыми был оторочен воротник. Он быстро опустил глаза, и оба помолчали. Наконец Марк не вытерпел и посмотрел на нее.

– Хелен… – начал он и умолк.

На ее губах блуждала улыбка, загадочная, женская; губы чуть приоткрылись и в резком электрическом свете казались влажными. Темные глаза полуприкрыты, но в них горит прежний фанатичный огонь, и грудь под платьем быстро поднимается и опускается.

Он багрово покраснел под своим темным загаром и вдруг повернулся набок, подогнув колени.

Хелен, по-прежнему улыбаясь, медленно распрямилась.

– Спокойной ночи, Марк.

Она коснулась его плеча (кончики ее пальцев как будто обожгли кожу), повернулась и не спеша пошла к двери. Материал платья очерчивал крепкие полушария ее ягодиц. Она снова оглянулась, с понимающей улыбкой:

– Тебе понравится то, что ты прочтешь.

*** * ***

Расчетный отдел «Кроун Дип Майнз, ЛТД» представлял собой длинную аскетическую комнату, где за высокими столами вдоль стены работали, кроме Марка, пятеро служащих, преимущественно люди старше среднего возраста, двое – больные туберкулезом, страшным недугом шахтеров, в чьих легких оседает поднятая при бурении каменная пыль, постепенно превращая легкие в камень, а человека – в калеку. Работа в конторе при шахте для таких людей – своего рода пенсия. Трое других – седые, увядшие, сутулые от постоянного корпения над бухгалтерскими книгами. Атмосфера здесь была затхлая и безрадостная, словно в монашеской келье.

Марку поручили рассчитывать выплаты персоналу с фамилиями на буквы от R до Z; работа была скучная, однообразная. Вскоре он уже автоматически считал сверхурочные, делал вычеты за аренду и членские взносы в профсоюз и подводил итог. Утомительная и скучная работа не могла занять его живой молодой ум, а тесная контора казалась ему клеткой; его душа была в родной стихии под широким открытым небом вельда и помнила катастрофическую вселенную ратных полей Франции.

В выходные он брал старый велосипед и уезжал за много миль в открытый вельд, по пыльным тропам у подножия холмов, заросших царственными канделябрами гигантских алоэ; цветы их яркими алыми пятнами вырисовывались на голубом высоком небе. Марк искал одиночества, глуши, безлюдья, но повсюду натыкался на преграды: колючая прово-

лока окружает частные владения, травянистые степи распаханы, по красной земле, с которой снят урожай, среди сухих стеблей кукурузы пляшут песчаные вихри.

Огромные стада диких животных, некогда наводнявшие эти равнины, насколько хватал глаз, давно исчезли, и теперь тут паслись только низкорослые коровы и быки, пестрые и тощие; за стадами присматривали почти голые черные мальчишки, которые останавливались, когда Марк проезжал мимо, и серьезно здоровались с ним; эта серьезность сменялась радостью, когда ответ звучал на их родном языке.

Иногда он спугивал одинокую серую газель-прыгуна, и она убегала, подпрыгивая в сухой траве, над которой торчали только ее рога и уши, или замечал южно-африканскую антилопу, бегущую вдалеке по равнине, – из тех редких счастливиц, которым удалось уберечься от мощных ружей.

Радость от их появления сохранялась долго, согревая Марка на темном, холодном пути домой.

Ему нужны были эти моменты одиночества и тишины, чтобы окончательно залечить раны – не только на спине, но и глубокие душевные раны, нанесенные слишком ранним знакомством с войной и ее ужасами.

Тишина нужна была ему и для того, чтобы обдумать стремительный поток событий, заполнявших его вечера и ночи по контрасту с однообразием и скукой рабочих дней.

Марк заразился фанатичной энергией Фергюса Макдональда и Хелен. Фергюс – его товарищ, который делил с ним то, чего большинство вовсе не знает: участие в страшных кровопролитных боях. Он гораздо старше Марка, и восполнил глубокую потребность Марка в отце. Легко было поэтому отбросить сомнения, отказаться от критического восприятия, легко было не думать – просто следовать туда, куда ведет неутомимый Фергюс.

Встречи с людьми вроде Фергюса, с людьми, знающими цель жизни, необычайно будоражили. Тайные сходки в закрытых помещениях с вооруженными охранниками у дверей, атмосфера, насыщенная предвкушением запретного. Сигаретный дым поднимался к потолку, заполняя комнату густой синей дымкой, словно фимиам, воскуряемый при отправлении неведомого мистического обряда; лица, блестящие от пота, фанатичные, когда люди слушали выступающих.

Говорил Гарри Фишер, председатель партии: высокий, с заметным животом, сильными плечами рабочего, с волосатыми руками, со встрепанными жесткими черными волосами с проседью и темными горящими глазами.

– Мы партия, преторианская гвардия пролетариата, и нас не связывают законы и этические соображения буржуазной эры. Партия сама по себе есть новый закон, естественный закон существования.

После выступления он пожал Марку руку, а Фергюс стоял рядом, точно гордый отец. Рукопожатие Фишера было таким же свирепым, как его взгляд.

– Ты солдат, – кивнул он. – Ты нам понадобишься, товарищ. Нас ждет кровавая работа.

Мысли об этом человеке еще долго тревожили Марка, даже когда они ехали домой в переполненном трамвае, втроем на двухместном сиденье, и бедро Хелен плотно прижималось к его ноге.

Обращаясь к нему, она наклонялась, ее губы почти касались его щеки, дыхание пахло сигаретами и лакрицей, к этому примешивался запах дешевых духов и мускусная теплота женского тела.

Были и другие встречи по вечерам в пятницу – большие шумные собрания. Сотни белых шахтеров набиваются в зал Фордсбургского дома профсоюзов, большинство уже хлебнули дешевого алкоголя, все говорят громко, нечленораздельно и ищут столкновений. Выступающие раззадоривают толпу, и она ревет; иногда кое-кто из слушателей поднимается

на стул и стоит, покачиваясь, выкрикивая бессмысленные лозунги, пока смеющиеся товарищи не стянут его.

Одним из самых популярных ораторов на таких собраниях был Фергюс Макдональд. Он умел десятками приемов взбудоражить аудиторию, он добирался до самых глубинных, тайных страхов слушателей и вытаскивал их наружу, так что слушатели вопили в страхе и восторге.

– Знаете, что задумали хозяева, что они собираются делать? Первым делом они разделят работу каждого из нас на отдельные операции.

Громовой ужасный рев, от которого дрожат стекла в рамах. Фергюс стоит на сцене, отбросив со лба редкие светлые волосы, и улыбается; дожидается, пока гул затихнет.

– Профессию, которой вы учились много лет, они разделят натрое, и вашу работу станут делать трое необученных, которые всего год изучали свою часть операции. А платить им будут десятую долю того, что платят вам.

Громовой рев:

– Нет!

И Фергюс в ответ бросает:

– Да! – кричит он. – Да! Да! И снова да! Вот что удумали хозяева. Но это еще не все. Они собираются заменить вас черными. Черные отберут у вас работу, черные будут надрываться за гроши, на которые вам не прожить.

Теперь все кричат, обезумев от гнева, страшного гнева, которому не на чем сосредоточиться.

– А ваши дети? Вы согласны кормить их отбросами? Ваши жены будут ходить в рванье! Вот что произойдет, когда черные займут ваши места.

– Нет! – ревут слушатели. – Нет!

– Рабочие мира, – кричит Фергюс, – рабочие мира, объединяйтесь и сохраните свою страну белой!

Рев, аплодисменты, ритмичный топот ног по деревянному полу – все это длится десять минут, а Фергюс тем временем расхаживает по сцене, сжимая руки над головой, как боец-чемпион. И когда шум стихает, он отбрасывает со лба волосы и запевает «Красный флаг».

Весь зал вскакивает и поет революционную песню:

Поднимем же наш красный флаг,
Под ним мы победим или умрем!
Пусть трусы дрожат и предатели смеются.
Наш красный флаг будет развеваться.

Марк шел домой с Фергюсом Макдональдом; вечер был морозным, и их дыхание в свете уличных фонарей напоминало страусовые перья. Хелен шла между мужчинами – маленькая изящная фигурка в черном пальто с кроличьим воротником, на голове вязаная шапка.

Она взяла обоих под руки, казалось бы, бесстрастным дружеским жестом, но ее пальцы тревожили, надавливая на твердые мышцы предплечья Марка, и иногда, догоняя широко шагавших мужчин, она касалась Марка бедром.

– Послушай, Фергюс, то, что ты говорил в зале, глупость, – нарушил молчание Марк, когда они повернули на улицу, ведущую к дому. – Нельзя одновременно объединить рабочих и сохранить страну белой.

Фергюс довольно усмехнулся.

– Ты умный парень, товарищ Марк.

– Нет, я серьезно. Гарри Фишер говорит совсем другое.

– Конечно, парень. Сегодня я давал свиньям помои. Нам нужно, чтобы они обезумели, предстоит кровавая работа, нужно все разрушить. – Он остановился и через голову женщины посмотрел на Марка. – Нам нужно пушечное мясо, парень, много такого мяса.

– Значит, на самом деле будет не так? – спросил Марк.

– Конечно нет, парень. Мы создадим прекрасный новый мир. Все равны, все счастливы, ни хозяев, ни угнетенных.

Марк пытался подавить сомнения.

– Ты говоришь о борьбе, Фергюс. Ты имеешь в виду настоящую войну? Со стрельбой и всем прочим?

– Да, войну со стрельбой, товарищ, кровавую войну, такую, как революция в России. Мы пропитаем эту землю кровью правителей и хозяев, зальем ее кровью приспешников буржуазии, полицейских и офицерья.

– А чем мы… – едва не сказал Марк, но не смог заставить себя выговорить это. Он не был готов к такому участию. – А чем вы будете воевать?

Фергюс снова усмехнулся и подмигнул.

– Узнаешь в свое время, – кивнул он. – Да, завтра вечером.

* * *

В субботу в Доме профсоюзов был благотворительный базар. Профсоюз женщин собирал деньги на строительство новой церкви. Там, где накануне обезумевшие толпы требовали крови, были расставлены длинные столы на козлах, и женщины раскладывали на них свои пирожные, торты, подносы с пирогами, расставляли горшки и банки с вареньями и джемом.

Марк купил за пенни пирог, и они с Фергюсом жевали его, неторопливо гуляя по залу, останавливаясь у груд поношенной одежды; Фергюс примерил темно-бордовую вязанную кофту и после некоторых раздумий заплатил за нее полкроны. Они дошли до конца зала и остановились у подъема на сцену.

Фергюс еще раз осмотрел зал, взял Марка за руку и повел по ступенькам на сцену. Они неторопливо пересекли ее и через дверь на петлях прошли в лабиринт крошечных кабинетов и профсоюзных кладовых. В субботний день все эти помещения пустовали.

Ключом со своей часовой цепочки Фергюс открыл низкую металлическую дверь, и они, наклонившись, прошли в нее. Закрыв за собой дверь, Фергюс повел Марка вниз по узкой, крутой металлической лестнице. Пахло сыростью и землей, и Марк понял, что они спускаются в подвал.

Фергюс постучал в дверь у подножия лестницы, и через мгновение чей-то глаз принялся разглядывать их через глазок.

– Все в порядке, товарищ. Фергюс Макдональд, член комитета.

Загремела цепочка, и дверь открылась. Перед ними стоял недовольный, плохо одетый мужчина. Он был небрит и мрачен; в крошечной комнате стояли стол и стул, а на столе – остатки обеда и смятая ежедневная газета.

Мужчина хмыкнул, и Фергюс и Марк через другую дверь, в конце комнаты, прошли в подвал.

Земляной пол и сводчатый потолок на неоштукатуренных кирпичных колоннах. Пахло пылью, крысами, затхлостью. В центре тускло горела единственная лампочка, она оставляла ниши за арками в тени.

– Здесь, парень, наш арсенал.

В углублениях штабелями в рост человека стояли деревянные ящики, накрытые тяжелым брезентом, очевидно, украденным на сортировочной станции, потому что на брезенте было написано SAR[8].

Фергюс приподнял край брезента и улыбнулся невеселой бледной улыбкой.

– Еще в смазке, парень.

На деревянных ящиках стояло клеймо «W.D.»[9] и надпись «6 штук «Ли-Энфилд Марк 1».

Марк был ошеломлен.

– Боже, Фергюс, да здесь их сотни!

– Так и есть, парень, и это только один арсенал. По всему Рэнду есть и другие.

Он прошелся по подвалу и приподнял другой брезент. Ящики с патронами: быстро открывающиеся крышки, пачки по тысяче штук патронов калибра.303.

– Достаточно для работы.

Фергюс стиснул руку Марка и повел его дальше, мимо стоек с ружьями, готовыми к использованию в любой момент; в электрическом свете блестела смазанная сталь.

Фергюс взял ружье и протянул Марку.

– На нем твое имя. – Марк взял ружье в руки, тяжесть оружия в руках был ужасающе привычной. – Такое у нас единственное, но я, как только его увидел, сразу подумал о тебе. Когда придет время, попользуешься.

Снайперская винтовка П-14 обладает особой балансировкой в опытных руках, но Марк почувствовал, как у него внутри все сжимается.

Он молча вернул оружие Фергюсу. Тот подмигнул, прежде чем поставить оружие в стойку.

Как опытный экскурсовод, Фергюс самое интересное приберег напоследок. Он драматическим жестом откинул брезент с более тяжелого оружия, с толстым стволом и водяным охладителем, на стальном треножнике. Пулемет «максим» в его разнообразных вариантах обладает сомнительным достоинством: он убил больше людей, чем любое оружие, созданное гением человеческой изобретательности до него.

Этот пулемет относился к смертоносному семейству «Виккерс-Максимов.303 Марк 4», рядом стояли ящики с патронами, по 250 обойм в каждом. Пулемет способен посылать пули на 2440 футов со скоростью 750 патронов в минуту.

– Что скажешь, товарищ? Ты спросил, чем мы будем сражаться. Как тебе для начала?

В тишине Марк отчетливо расслышал слабый детский смех в зале над ними.

* * *

Марк одиноко сидел на самом высоком холме небольшого хребта, протянувшегося на запад; черные каменные склоны высовывались из плоской сухой земли, как спина крокодила из стоячей воды.

Всю ночь его не оставляли воспоминания о тайном арсенале, не давали спать, так что сейчас ему в глаза словно песку насыпали, а кожа на щеках туго натянулась.

Недостаток сна привел к тому, что мысли немного путались, отрывались от реальности; Марк моргал на ярком солнце, точно сова, и заглядывал в собственное сознание, словно посторонний.

[8] Южно-африканские железные дороги.

[9] Министерство обороны Великобритании.

Он с отчаянием думал о том, как безвольно брел по тропе, которая привела его на самый край пропасти. Потребовалось ощутить тяжесть П-14 в руках и услышать детский смех, чтобы он решил окончить этот путь.

Все его воспитание, все его глубочайшие верования зиждились на святости законов, порядка и ответственности перед обществом. Он сражался за это, всю свою взрослую жизнь он воевал за эту веру. И вот равнодушно прибился к лагерю врага; он уже зачислен в легионы не признающих закон, его уже вооружили, чтобы он начал работу разрушения. Больше нельзя думать, что на рабочих собраниях он слышал лишь пустую болтовню – теперь он видел оружие. Оно будет использовано жестоко и безжалостно. Он знает Гарри Фишера и понимает, какие силы в нем заключены. Он знает Фергюса Макдональда, человека, который часто убивал в прошлом; он снова будет убивать, не моргнув глазом.

Марк громко застонал, от ужаса и отвращения, сознавая, во что впутался. Он, знакомый с истинным лицом войны, он, носивший мундир королевской армии и получивший медаль за храбрость.

Он чувствовал в горле маслянистое тепло стыда и, чтобы в будущем вооружиться против подобной слабости, попытался разобраться, почему так вышло.

Теперь он понимал, что одинок, без семьи, без дома, и Фергюс Макдональд стал его единственным убежищем от одиночества. Фергюс, старый товарищ, деливший с ним опасности, которому он безоговорочно доверял. Фергюс, заменивший ему отца… и он пошел за ним, благодарный за руководство, не спрашивая куда.

И еще, конечно, Хелен и ее власть над ним, самая прочная, какая дается одному человеку над другим. Он до сих пор одержим ею. Хелен разбудила его давно сдерживаемую и строго контролируемую похоть. И теперь довольно легкого ветерка, чтобы разрушить возведенную им стену; когда эта стена рухнет, но волю вырвутся силы, которые он не сможет обуздать. Эта мысль приводила его в неменьший ужас.

Он пытался отделить женщину от ее женственности, увидеть личность за той опустошительной сетью, которой она оплела его чувства; и это ему удалось. Он увидел, что Хелен не та личность, которой можно восхищаться, и не ее он выбрал бы матерью своих детей. К тому же она жена его старого товарища, который полностью ему доверяет.

Теперь он готов уйти и твердо исполнить свое решение.

Он немедленно покинет Фордсбург, оставит Фергюса Макдональда с его мрачными, катастрофическими планами. От этой перспективы Марк мгновенно воспрянул духом. Он не будет скучать ни по Фергюсу, ни по скучному, монастырскому унылому расчетному отделу с его ежедневным однообразием. Марк чувствовал, как в нем загорается новое молодое пламя предвкушений.

Он на следующем же поезде уедет из Фордсбурга и от Хелен. И сразу пламя погасло, настроение упало. Такая возможность породила физическую боль в промежности, и Марк почувствовал, как стена рушится под напором страсти.

* * *

Было уже темно, когда он оставил велосипед во дворе и услышал доносящиеся из дома веселые голоса и взрывы смеха. За занавешенными кухонными окнами горел свет, и, когда Марк вошел, он увидел за столом четырех человек. Хелен быстро подошла к нему и порывисто обняла, ее щеки горели; смеясь, она взяла его за руку и повела к столу.

– Добро пожаловать, товарищ. – Гарри Фишер посмотрел на Марка своим беспокоящим взглядом, и прядь темных жестких волос упала ему на лоб. – Ты вовремя. Присоединяйся к нашему празднику.

– Принеси парню стакан, Хелен, – рассмеялся Фергюс, и Хелен выпустила руку Марка, прошла к буфету и налила полный стакан крепкого темного портера из бутылки.

Гарри Фишер поднял свой стакан.

– Товарищи, представляю вам нового члена нашего Центрального Комитета Фергюса Макдональда!

– Ну разве это не замечательно, Марк?

Хелен стиснула руку Марка.

– Он хороший человек, – говорил Гарри Фишер. – И назначение очень своевременное. Нам нужны люди с характером товарища Макдональда.

Остальные закивали с поднятыми стаканами. Двое из них были членами местной партийной организации; Марк знал их по собраниям.

– Садись, парень.

Фергюс подвинулся за столом, и Марк втиснулся рядом с ним. Теперь все смотрели на него.

– А ты, молодой Марк, – Гарри Фишер положил ему на плечо сильную волосатую руку, – сегодня получишь партийный билет.

– Как тебе это, парень? – подмигнул Фергюс и толкнул Марка в ребра. – Обычно для этого требуется два года или больше, мы не принимаем в партию всякий сброд, но у тебя теперь есть друзья в Центральном Комитете.

Марк собрался заговорить, отказаться от предложенной чести, сообщить о принятом сегодня решении, но его остановило ощущение опасности. Он видел оружие и сразу превратится из друга во врага, владеющего важной тайной. Теперь он не сомневался в этих людях. Если он станет их врагом, они позаботятся, чтобы он никогда не сообщил их тайну другим. Возможность отказаться была упущена.

– Товарищ Макдональд, у меня есть для тебя поручение. Срочное и очень важное. Ты можешь на две недели оставить работу?

– У меня больная матушка, – усмехнулся Фергюс. – Когда мне нужно уехать и что я должен сделать?

– Ты должен уехать, скажем, в среду. Это позволит мне дать тебе указания, а у тебя будет возможность подготовиться. – Гарри Фишер сделал глоток портера, на его верхней губе осталась пена. – Поедешь по всем местным комитетам: в Кейптаун, Блумфонтейн, Порт-Элизабет, скоординируешь действия.

Марк почувствовал виноватое облегчение, услышав эти слова: немедленного столкновения с Фергюсом не будет. Пока тот выполняет поручение, можно будет незаметно ускользнуть. Но тут он поднял голову и увидел, как смотрит на него Хелен. Так леопард наблюдает из укрытия за добычей в последний миг перед прыжком.

Когда их взгляды встретились, она снова улыбнулась понимающей улыбкой и провела по губам кончиком языка.

Сердце Марка больно забилось, и он торопливо опустил взгляд к стакану. Он останется наедине с Хелен… это наполняло его ужасом и разжигало страсть.

* * *

Марк отнес дешевый обшарпанный саквояж Фергюса на станцию. Они шли кратчайшей дорогой, по открытому вельду, и толстый слой инея хрустел у них под ногами, как сахар, сверкая в первых лучах солнца мириадами искр.

На станции они с четырьмя другими ратийцами дожидались южного почтового поезда; поезд, пуская в морозный воздух столбы пара, пришел с опозданием на тридцать пять минут.

– Тридцать пять минут для железной дороги – это почти раньше времени, – рассмеялся Фергюс и, прежде чем по стальной лесенке подняться в вагон, всем по очереди пожал руки и похлопал по плечам. Марк передал ему в открытое окно саквояж.

– Позаботься о Хелен, парень, и о себе.

Марк смотрел вслед уходящему на юг поезду; состав постепенно уменьшался в размерах, и скоро стал слышен только легкий стук его колес, потом и он затих. Тогда Марк пошел к шахте: гудки как раз подняли траурный рев, призывая толпы рабочих на места. Марк шел с ними, один из тысяч, неотличимый от остальных ни с виду, ни достижениями. И опять он ощутил тревогу, смутное, но крепнущее сознание того, что эта жизнь не по нему, что он способен приложить свои молодость и энергию к большему; и с любопытством смотрел на людей, которые торопливо шли мимо него к железным воротам под повелительные призывы гудков.

У всех был замкнутый, отчужденный вид, и Марк был убежден, что за этим кроются те же опасения, что у него. Все эти люди наверняка понимают бессмысленность тупого ежедневного повторения одного и того же, и острее всего – молодые.

Старые и седые, возможно, сожалеют – сожалеют в глубине души о долгих солнечных днях, оставшихся в прошлом, о жизни, проведенной в бесконечном однообразном труде ради чужого богатства. Они наверняка жалеют, что, когда умрут, не оставят ни следа, ни ряби на поверхности, никакой памяти по себе, кроме, может быть, сыновей, которые повторят их бессмысленный цикл; все они взаимозаменяемы, все несущественны.

Он остановился у ворот и встал в стороне; людской поток плыл мимо, а в Марке нарастало возбуждение, уверенность в том, что его ждет нечто особенное, какая-то особая достойная задача. Его ждет особое место, и он знает, что должен отыскать его.

Он заторопился, неожиданно благодарный Фергюсу Макдональду за то, что тот оказал на него давление, заставил взглянуть в лицо самому себе, перестать спокойно плыть по течению, как он плывет со времени бегства из Ледибурга.

– Вы опоздали, Андерс. – Начальник сердито оторвался от бухгалтерских книг, и каждый из его подчиненных повторил этот движение. На Марка с осуждением смотрел ряд из лиц. – Что скажете?

– Я пришел только чтобы прибрать на своем столе, – с улыбкой ответил Марк, все еще взбудораженный. – Я увольняюсь.

Осуждение на лицах медленно сменилось удивлением.

* * *

Уже стемнело, когда Марк открыл заднюю дверь дома и прошел на кухню. Весь день он бесцельно бродил, его безжалостно подгоняли новая энергия и будоражащие мысли; он не понимал, до чего проголодался, пока не увидел свет в окне и не уловил слабый запах еды.

Кухня была пуста, но Хелен спросила из комнаты:

– Это ты, Марк?

Прежде чем он успел ответить, она появилась в дверях кухни и прислонилась к косяку.

– Я думала, ты сегодня не придешь.

На ней было синее платье; Марк знал, что оно у нее лучшее, она бережет его для особых случаев; еще Хелен накрасилась, чего Марк раньше никогда не видел. На щеках пятна румян, губы накрашены, отчего ее кожа светилась по-новому. Короткие темные волосы вымыты и блестят в свете лампы; зачесанные назад, они заколоты над ухом черепаховой заколкой.

Марк смотрел на нее. Ноги, стройные и гладкие в шелковых чулках, обуты в аккуратные туфли-лодочки.

– Чего уставился, Марк?

– Ты… – Марк говорил хрипло, с остановками. – Ты сегодня очень красивая.

– Спасибо, сэр. – Она рассмеялась низким грудным смехом и присела в пируэте, взмахнув синим шелком юбки. – Я рада, что тебе нравится. – Она подошла к нему и взяла за руку. Ее прикосновение освежало, словно погружение в горный пруд. – Садись, Марк. – Она провела его к стулу во главе стола. – Давай-ка налью тебе хорошего пива. – Прошла к ящику со льдом и, снимая крышку с бутылки, оживленно продолжала: – Я купила у мясника гуся. Любишь жареного гуся?

Рот Марка наполнился слюной.

– Люблю.

– С жареной картошкой и тыквенным пирогом.

– За это я душу продам.

Она радостно засмеялась: ответ не был похож на обычные сдержанные, застенчивые реплики Марка. Этим вечером его, словно нимб, окружала атмосфера возбуждения, откликаясь эхом в ее возбуждении.

Она принесла два стакана и оперлась бедром о стол.

– За что выпьем?

– За свободу, – без колебаний ответил он, – и за доброе завтра.

– Это мне нравится, – и Хелен чокнулась с ним, наклонившись так, что лиф ее платья оказался у него перед глазами. – Но почему завтра, разве хорошее не может начаться сейчас?

Марк рассмеялся.

– Ну хорошо, за добрую сегодняшнюю ночь и за доброе завтра.

– Марк!

Хелен в насмешливом неодобрении поджала губы, и Марк сразу покраснел и смущенно засмеялся.

– О, я совсем не то имел в виду, звучит ужасно.

– Думаю, ты всем девушкам говоришь то же самое.

Хелен быстро встала. Она не хотела и дальше смущать его и портить настроение, поэтому прошла к печи.

– Все готово, – объявила она. – Если хочешь, можно есть.

Она села напротив него, наслаждаясь его аппетитом, намазывая толстые ломти хлеба желтым деревенским маслом и следя за тем, чтобы его стакан был все время полон.

– А ты не ешь?

– Я не голодна.

– Ты сама не знаешь, что теряешь.

– Лучше, чем тебе готовили другие девушки? – игриво спросила она, и Марк опустил глаза к тарелке и деловито принялся накалывать кусок на вилку.

– Никаких девушек не было.

– Марк, неужели ты думаешь, что я поверю? Такой красивый молодой человек – и эти французские девушки. Бьюсь об заклад, ты сводил их с ума.

– Мы были слишком заняты, и к тому же…

Он замолчал.

– Что к тому же? – настаивала Хелен, и он какое-то время молча смотрел на нее, потом заговорил. Неожиданно ему стало легко говорить с ней, сознание свободы, новое настроение возбуждало его, от сытной еды и выпивки он размяк. И говорил так, как никогда ни с кем не разговаривал, а она отвечала ему с мужской откровенностью.

– Марк, это вздор. Не все женщины больны, только уличные.

– Да, я знаю. Я не верю, что все девушки подряд… но ведь я мог только с ними… – он остановился. – А у других девушек появляются дети, – неловко закончил он.

Она рассмеялась и радостно захлопала в ладоши.

– Марк, золотко! Это не так-то просто, знаешь ли. Мы с Фергюсом женаты уже девять лет, а у меня нет детей.

– Ну, – нерешительно заговорил Марк, – я не имел в виду тебя, когда говорил все это. Ты не такая. Я говорил о других девушках.

– Не уверена, похвала это или оскорбление, – посмеивалась она.

Конечно, она знала, что он девственник. Его окружала Аура прозрачной, сверкающей невинности, непрактичности и неловкости в обращении с женщиной, ореол той своеобразной застенчивости, которая быстро пройдет, но которая извращенным образом обостряла ее возбуждение. Хелен коснулась его обнаженного предплечья, наслаждаясь ощущением молодых сильных мышц, не в силах отнять руку.

– Конечно похвала, – торопливо заверил Марк.

– Я тебе нравлюсь, Марк?

– Ну да. Ты мне нравишься больше чем всякие там девушки.

– Понимаешь, Марк, – Хелен наклонилась к нему и перешла на низкий хриплый шепот, – я не больна, и у меня не будет ребенка. – Она подняла руку и коснулась его щеки. – Ты красивый мужчина, Марк. Ты мне понравился с первой минуты, как подошел к нашему дому, точно заблудившийся щенок.

Она подошла к двери, повернула ключ, погасила свет. В маленькой кухне стало темно, но из коридора падал луч света.

– Пошли, Марк. – Она взяла его за руку и заставила встать. – Пойдем спать.

У двери спальни Марка она поднялась на цыпочки, легко поцеловала его в щеку и, не сказав больше ни слова, выпустила его руку и ушла.

Марк неуверенно смотрел ей вслед. Ему хотелось окликнуть Хелен, побежать за ней, но одновременно он испытывал облегчение оттого, что отчаянное падение в неизвестное внезапно прекратилось. Дойдя до двери своей спальни, она, не оглядываясь, вошла в нее.

Раздираемый противоречивыми чувствами, Марк ушел к себе. Медленно разделся; разочарование взяло верх над облегчением, и, складывая одежду, он прислушивался к негромкой возне Хелен за тонкой стеной.

Улегшись на свою узкую железную кровать, он лежал неподвижно, пока не услышал легкий щелчок замка в соседней двери; тогда он вздохнул и взял с тумбочки книгу. Он еще не брался ее читать, но, может быть, политический текст отвлечет его и поможет уснуть.

Его дверь неслышно раскрылась. Марк не слышал, как Хелен прошла по коридору. Она вошла в его комнату. На ней был атласный халат персикового цвета, она расчесала волосы и заново коснулась губ помадой.

Она старательно закрыла за собой дверь и прошла по комнате, качая бедрами под волнующимся атласом.

Оба молчали. Она остановилась у его кровати.

– Ты прочел книгу, Марк? – негромко спросила она.

– Не всю, – ответил он, откладывая книгу.

– Ну, сейчас не время дочитывать, – сказала она, неторопливо расстегнула халат, сняла его и бросила на спинку стула.

Она стояла, обнаженная, и Марк ахнул. Такая гладкая!

Он почему-то не ожидал этого и все смотрел, как Хелен стоит рядом с ним. Кожа у нее желтоватая, как старинный фарфор, и блестит на свету. Марк почувствовал, как все его тело напрягается от сексуального возбуждения, и попытался подавить его. Он старался думать о Фергюсе, о том, что тот ему верит. «Позаботься о Хелен, парень, и о себе». Груди у нее слишком большие для такого стройного тела, тяжелые, чуть обвисшие, почти переспелые, гладкие и круглые, с поразительно крупными сосками, розовато-коричневыми, размером с

хорошую виноградину. Хелен придвинулась, ее груди качнулись, и Марк увидел, что вокруг сосков вьются редкие черные волоски.

Под мышками тоже небольшие пучки волос, темных и блестящих, а под белым животом их гораздо больше, целый клубок.

Эти волосы особенно возбудили его, такие темные на фоне светлой кожи… он не мог оторваться от них. Все мысли о чести и доверии исчезли, он чувствовал, как внутри него рушится стена.

Хелен коснулась рукой его обнаженного плеча, и тело Марка содрогнулось, словно от удара хлыстом.

– Дотронься до меня, Марк, – прошептала она, и он медленно, неуверенно, словно в трансе, протянул руку и коснулся пальцем гладкой теплоты ее бедра, по-прежнему неотрывно глядя на нее. – Да, Марк. Вот так, хорошо. – Она взяла его руку и медленно повела вверх, так что кончики его пальцев легко прошлись по ее боку и ребрам. – Вот так, Марк, вот сюда.

Темные соски сжались под его пальцами, изменили форму, набухли и затвердели. Марк не мог поверить в то, что происходит, в то, что тело женщины может так стремительно и драматично откликаться на прикосновение.

Он чувствовал, что дамба рухнула и через бреши в ней устремился поток. Слишком долго сдерживаемый, слишком мощный и сильный, чтобы его остановить, он прорывался сквозь тело и сознание, сметая все ограничения и преграды.

С глухим криком Марк обеими руками обхватил Хелен за талию, привлек к себе и прижался лицом к гладкому, мягкому голому животу.

– О Марк! – воскликнула она хрипло, и в ее голосе звучали похоть и торжество; она впилась пальцами в мягкие каштановые волосы Марка и притянула его голову к себе.

* * *

Дни мелькали, сливаясь, вселенная съежилась до маленького дома на грязной улице. Только их тела отмечали ход времени, пору сна и любви; когда любовь доводила их до истощения, они засыпали и просыпались снова, голодные, охочие и до еды, и до любви.

Вначале он, как бык, пронзал ее с дикой энергией и силой. Это пугало Хелен – она не ожидала такой мощи от стройного грациозного тела.

Она мчалась на волне этой силы, постепенно обуздывая ее, управляя ею, меняя курс, и начала осторожно учить его.

Много времени спустя, вспоминая эти пять невероятных дней, Марк мало-помалу понял, как ему повезло. Ведь столько молодых людей вынуждены искать собственный путь в неизведанном мире физической любви без проводника, обычно с партнершей, которая тоже делает первые шаги в неизвестность.

– А знаешь, Марк, в Южной Америке есть племя, у которого существует закон: каждая замужняя женщина должна взять одного молодого воина племени и научить его тому, что мы с тобой делаем, – сказала Хелен, наклоняясь к Марку в одно из затиший между бурями.

– Вот жалость, – лениво ответил он. – Я считал, мы первые до этого додумались.

Он потянулся к пачке сигарет и прикурил две.

Хелен с ласковым и гордым выражением затянулась. Он разительно изменился за последние несколько дней, изменился из-за нее. В нем появилась новая уверенность в себе, сознание своей силы и целеустремленности. Застенчивость и скромность уходят. Теперь он говорит так, как никогда не говорил раньше, – спокойно и властно.

Он становится мужчиной, и она приложила к этому руку.

Марк считал, что каждое новое наслаждение – вершина, но Хелен десятки раз доказывала ему, что он ошибается.

Если бы ему рассказали о некоторых вещах, он исполнился бы отвращения, но то, как этим занималась Хелен, вызывало у него только удивление и восторг. Она учила Марка пользоваться собственным телом, и оно ожило; одновременно он проник в новые глубины своего сознания.

Пять дней они не выходили из дома; на шестой одетый в форму почтальон на мотоцикле привез письмо, и Марк сразу узнал неразборчивый мелкий почерк Фергюса Макдональда. Чувство вины, словно кулаком, ударило его в живот; сон разлетелся, как хрупкий кристалл.

Сидя за накрытым газетой кухонным столом, Хелен в персиковом халате, спущенном до талии, вслух читала письмо, интонациями насмехаясь над автором, который описывал свои достижения, рукоплескания, которыми награждали его товарищи на десятках собраний, сообщал вести о преданности и верности, которые он привезет в Центральный Комитет; то, какую пользу он принес их делу.

Хелен высмеивала мужа, закатывая глаза и усмехаясь, когда читала его вопросы о Марке: здоров ли он и всем ли доволен, хорошо ли она о нем заботится.

Она затянулась сигаретой, бросила окурок в чашку с остатками кофе, и он с шипением погас там. Это простое действие вызвало у Марка необычайно сильное отвращение.

Он вдруг ясно увидел ее: молодость осыпается, как треснувшая краска, на желтоватой коже в уголках глаз – мелкие морщинки; темные круги под глазами, капризная складка губ, резкий язвительный голос.

Вдруг он осознал, что сидит в убогой комнатенке, пропахшей жиром, объедками и немытой посудой; увидел грязный помятый халат и большие, обвислые желтоватые груди.

Марк встал и вышел.

– Ты куда, Марк? – крикнула она ему вслед.

– Пройдусь.

Он вымылся в грязной эмалированной ванне, нагрев воду так, что едва мог терпеть, и потом растерся до красноты.

У кассы на вокзале он простоял почти полчаса, тщательно изучая вывешенное на стене расписание.

Родезия. Он слышал, что там на медных шахтах нужны люди. Там еще остались дикие земли, далекие горизонты, много дичи, озера и горы – пространство, свобода передвижений.

Он подошел к окошку кассы, и кассир вопросительно посмотрел на него.

– Один билет второго класса до Дурбана, – сказал он и сам удивился.

Он возвращается в Наталь, в Ледибург. У него есть там незаконченное дело, есть вопросы, на которые нужно получить ответы.

И неизвестный враг, которого нужно отыскать и победить.

Он расплатился за билет соверенами старика и сразу мысленно увидел деда на веранде Андерсленда: большие заостренные усы, старая шляпа надвинута на спокойные светлые глаза. Марк понял, что передышка, промежуток, в который он залечивал раны и набирался мужества для предстоящей задачи, кончилась.

Он пошел за вещами. Собирать было особенно нечего, вдобавок он спешил.

Складывая в картонный чемодан несколько свежих рубашек и носки, он неожиданно почувствовал присутствие Хелен и обернулся. Она вымылась, оделась и стояла в дверях, глядя на него. Ее спокойное лицо противоречило звучащему в голосе одиночеству.

– Уходишь.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Да, – просто ответил он, защелкивая чемодан.

– Я с тобой.

– Нет. Я уеду один.

– Но, Марк, как же я?

– Прости, Хелен, мне очень жаль.

– Да разве ты не видишь: я люблю тебя! – Ее голос перешел в низкий вопль. – Я люблю тебя, Марк, дорогой, ты не можешь уйти!

Она расставила руки и загородила ему дорогу.

– Пожалуйста, Хелен. Мы оба знаем, что это было безумие. Знаем, что у нас нет будущего. Не порть все, пожалуйста, дай мне уйти.

– Нет. – Она зажала уши. – Нет, не говори так. Я люблю тебя. Люблю.

Он мягко попытался отодвинуть ее.

– Мне нужно идти. Поезд уходит.

Неожиданно она набросилась на него, свирепая, как леопард.

Он не был готов к этому, и ее ногти оставили кровавые царапины на его лице, едва не задев глаза.

– Сволочь, эгоист, ублюдок! – кричала Хелен. – Ты такой же, как все! – Она попыталась снова ударить его, но Марк перехватил ее запястья. – Ты такой же, как все, берешь, только берешь!

Он развернул ее, дико сопротивляющуюся, и уложил на кровать. Неожиданно силы ее оставили, и она уткнулась лицом в подушку. Пробегая по коридору и выскакивая за дверь, Марк слышал ее рыдания.

* * *

До порта Дурбан больше трехсот миль. Поезд медленно преодолевал преграду в виде горы Дракенсберг, проползая по ущельям, и наконец радостно вырвался на откос и резво начал спускаться в глубокую травянистую чашу восточного побережья; спуск становился все более пологим, и в конце концов поезд оказался в роскошной субтропической местности, с белоснежными пляжами и теплыми синими водами Мозамбикского течения.

У Марка в пути было много времени для размышлений, и большую его часть он потратил на напрасные сожаления. Его память то и дело воскрешала крики и обвинения Хелен, а когда он думал о Фергюсе Макдональде, его охватывало тяжкое чувство вины.

Когда поезд наконец миновал город Питермарицбург и начал последнюю часть пути, Марк отбросил вину и сожаления и задумался о будущем.

Первым его намерением было вернуться прямиком в Ледибург, но теперь он понял, что это было бы глупо. Там враг, смертельно опасный враг, он где-то таится, богатый и могущественный; ведь он сумел нанять группу вооруженных людей, готовых убить его.

Марк вспомнил, как они с Фергюсом готовили свои нападения во Франции. Первым шагом всегда было найти врага и точно определить, в какой он точке: найди врага, определи, где он залег, определи его состояние и оцени его. Насколько он хорош, насколько хороша его техника, проворен ли он, умеет ли менять тактику? Может, он неосторожен и охотнику позволительно рискнуть, или риск в этом случае смертельно опасен? «Прежде всего надо попытаться угадать, как мыслит этот ублюдок, парень, а уж потом планировать выстрел», – учил его Фергюс.

– Я должен узнать, кто он, – вслух прошептал Марк, – и понять, как мыслит этот ублюдок.

Одно по крайней мере ясно: сто фунтов – слишком высокая плата за убийство столь ничтожной личности, как Марк Андерс; единственное, что может делать его значительным, это его связь с дедом и Андерслендом. В Андерсленде его видели индийский бабу и белый

десятник. Потом он явился в город и стал задавать вопросы, копаться в документах. И только тогда за ним пришли. В центре загадки – земля, и он знает имена людей, заинтересованных в ее покупке.

Марк снял чемодан с багажной полки и, держа его на коленях, поискал свой блокнот.

Прочел имена: ДИРК КОРТНИ, РОНАЛЬД ПАЙ, ДЕННИС ПЕТЕРСЕН, ПИТ ГРЕЙЛИНГ и его сын КОРНЕЛИУС.

Прежде всего нужно как можно больше узнать об этих людях, узнать, где они, каково их положение, оценить его и решить, кто из них снайпер.

А пока он этим занимается, нельзя высовывать голову за бруствер. Надо держаться подальше от вражеской территории, то есть от Ледибурга.

Лучше сделать своей базой Дурбан. Город достаточно велик, чтобы в нем затеряться; это столица Наталя, где полно источников сведений: библиотеки, правительственные архивы, редакции газет.

Марк начал составлять в блокноте список возможных источников и немедленно пожалел, что сам Ледибург для него закрыт. Документы бюро земельной регистрации и регистрации компаний Ледибургского округа в Дурбане не дублировались.

Неожиданно его осенило. Черт возьми, как же ее звали? Марк закрыл глаза и неожиданно снова отчетливо увидел дружелюбное, веселое лицо девушки из конторы по регистрации компаний в Ледибурге. «Марк… какое романтическое имя». Он слышал ее голос, но поезд уже остановился на вокзале, а он все еще не мог вспомнить ее имени.

И вдруг вспомнил.

– Марион! – воскликнул он и записал его в блокнот.

Он взял чемодан, вышел на платформу и смешался с толпой пассажиров и встречающих.

Прежде всего нужно найти в городе жилье.

«Натальский Меркурий» за пенни ознакомил его со множеством объявлений, и Марк в конце концов оказался в меблированных комнатах на Пойнт-роуд, около пристани. Комната была маленькая, темная и пахла гигантскими тараканами, населяющими город; каждый вечер эти тараканы блестящими черными ордами выползали из всех щелей, но комната стоила всего гинею в неделю, и можно было пользоваться туалетом и душем в небольшом закрытом дворике.

В тот же вечер он написал письмо: «Дорогая Марион, надеюсь, вы меня помните, меня зовут Марк Андерс, как Марка Антония! Мне пришлось неожиданно покинуть Ледибург, прежде чем я смог снова с вами встретиться, но я часто о вас думал». Марк тактично не упомянул о цели своего обращения. Это могло подождать до следующего письма.

В последнее время он много узнал о женщинах и письмо адресовал просто: мисс Марион, Контора регистрации компаний, Ледибург.

На следующее утро Марк по Смит-стрит подошел к четырехэтажному муниципальному зданию, где помещалась городская библиотека. Здание походило на дворец и располагалось между «Ройял-отелем» и собором; перед ним был разбит аккуратный садик с яркими цветами.

Подходя к столу библиотекаря, Марк испытал прилив вдохновения.

– Я хочу собрать материал для книги, которую намерен написать.

Суровое лицо пожилой леди, распоряжавшейся в этих тусклых залах и ведавшей полками с книгами, мгновенно смягчилось. Она была книжницей, а такие любят других книжников. Марк получил ключ от читального зала и подшивки всех натальских газет со времен британской оккупации.

И сразу испытал искушение прочесть все интересное, что здесь напечатано. Марк был заядлым читателем, а история была его любимым предметом и в Ледибургской средней школе, и в университетском колледже.

Но он подавил искушение и взялся за подшивку местной газеты «Ледибургский прожектор». Самые первые экземпляры пожелтели от старости и легко рвались, поэтому он переворачивал страницы осторожно.

Первое упоминание имени Кортни он встретил в заголовке газеты за 1879 год.

Ледибургский кавалерийский отряд перебит при Исандлване.
Полковник Уэйт Кортни и все его люди убиты.
Бойня, устроенная зулусами.

Марк догадывался, что это упоминание относится к основателю семьи из Ледибурга; после этого имя Кортни упоминалось почти в каждом номере; членов семьи Кортни было много, и все они жили в Ледибургском округе, но первое упоминание имени Дирка Кортни появилось в 1900 году.

Ледибург приветствует своего любимого сына.
Герой англо-бурской войны возвращается.
Полковник Шон Кортни покупает ранчо Лайон-Коп.
Ледибург приветствует возвращение после многолетнего отсутствия одного из своих любимых сыновей. Мало кто незнаком с подвигами и достижениями полковника Кортни, кавалера Креста Виктории и ордена «За выдающиеся заслуги»; все помнят, какую решающую роль он сыграл в становлении золотодобычи в Витватерсранде.

Далее следовал длинный перечень деяний и отзывов; заканчивалась статья так: «Полковник Кортни выкупил у Ледибургского фермерского банка ранчо Лайон-Коп. Он намерен поселиться здесь и засадить свои земли лесом. Кортни вдовец и живет с десятилетним сыном Дирком».

Эта старая статья потрясла Марка. Он не сознавал, что Дирк Кортни – сын его генерала. Рослого, бородатого, носатого человека, которого он встретил зимней ночью во Франции и который ему сразу понравился. Он уважал генерала Кортни, более того, любил. Жизненная сила, властность этого человека вместе с его репутацией вызывали почти религиозное преклонение.

Прежде всего Марк задумался, не связан ли генерал с попыткой убить его на откосе; эта мысль так его встревожила, что он вышел из библиотеки, прошел по засаженной пальмами широкой улице и отыскал скамью с видом на защищенные от ветра воды залива и большую китообразную гору на горизонте.

Он смотрел на корабли, раздумывая над хитро сплетенной паутиной с центром в Ледибурге, где сидит затаившийся паук. Марк понял, что расследование займет немало времени. Чтение – дело медленное, а ответа на письмо Марион можно ждать нескоро.

Позже в своей грязной комнате он пересчитал оставшиеся в поясе соверены и понял, что надолго на жизнь в городе их не хватит.

Ему нужна работа.

* * *

У старшего по этажу был пивной живот и кричащий костюм из тех, в которые как будто всегда одеваются продавцы автомобилей; Марк говорил очень вежливо и с деланным оживлением, но под этим таилось отчаяние.

Пять дней он бродил по городу, кочуя от одного возможного места работы к другому. Времена тяжелые, говорили ему в начале каждого собеседования, и нам нужен человек с опытом. У Марка не было времени заниматься исследованиями в библиотеке. Сейчас он сидел на краешке стула, дожидаясь возможности поблагодарить и попрощаться, как только ему скажут, что в нем не нуждаются, но служащий продолжал говорить, хотя давно должен был бы закончить расспросы. Он говорил о комиссионных продавца и о том, что они такие щедрые, что их хватит на двоих.

– Если вы понимаете, о чем я.

Он подмигнул, открыл портсигар из слоновой кости и взял оттуда сигарету.

– Да, конечно, – энергично кивнул Марк, решительно не понимая, что бы это значило.

– Я лично присмотрю за вами. Конечно, если мы договорились.

И только тут Марк понял, что у него вымогают взятку. Он получит работу.

– Конечно, сэр. – Ему хотелось вскочить и пуститься в пляс. – Я был бы рад считать нас равными партнерами.

– Очень хорошо. – Пятьдесят процентов комиссионных Марка – служащий на такое и не рассчитывал. – Начнете в понедельник, ровно в девять утра, – быстро сказал он и улыбнулся.

Марк радостно потирал руки, выходя из кабинета, но служащий его окликнул:

– У вас ведь есть приличный костюм, Андерс?

– Конечно, – немедленно солгал Марк.

– Наденьте его.

* * *

На индийском рынке Марк отыскал индуса-портного, который за ночь сшил ему костюм за тридцать два шиллинга.

– Прекрасный костюм, сэр, – говорил он Марку, подводя его к зеркалу в примерочной и искусно придерживая за спиной лишний материал, чтобы перед сел хорошо. – Вы будете отличной рекламой моему скромному мастерству.

– Ты, конечно, умеешь водить машину? – небрежно спросил продавец по имени Дики Лэнком, когда они подошли в демонстрационном зале к сверкающему «кадиллаку».

– Конечно, – ответил Марк.

– Ну еще бы, – сказал Дики. – Иначе ты бы не устраивался продавцом автомобилей.

– Конечно, нет.

– Садись за руль, – пригласил его Дики. – Обвезешь нас вокруг квартала.

Марк мысленно покачнулся, но его выручил быстрый язык.

– Я бы хотел, чтобы вы сначала показали мне особенности этой машины. Я никогда раньше не ездил в «кадиллаке».

На самом деле он никогда не водил ни «кадиллак», ни другие машины.

– Очень хорошо, – согласился Дики.

Они поехали по набережной, Дики насвистывал и приподнимал шляпу перед хорошенькими девушками на тротуаре, а Марк внимательно следил за всеми его действиями.

Вернувшись в магазин, Дики протянул Марку стопку бланков.

– Когда продашь машину, заполни такой бланк и обязательно получи деньги. – Он взглянул на часы. – Боже, я опаздываю. У меня чрезвычайно важное свидание за ланчем, в начале двенадцатого, очень важный клиент. – Он заговорщицки понизил голос. – На самом деле это блондинка. Хорошенькая. – И он снова подмигнул. – Пока.

– А как же цены и все прочее? – отчаянно крикнул ему вслед Марк.

– У меня на столе брошюра. Там все найдешь.

И Дики исчез через черный ход.

Марк, погруженный в чтение брошюры, неуверенно обходил «кадиллак» и бормотал вслух, пытаясь запомнить инструкции и распознать различные части машины, когда кто-то коснулся его руки.

– Простите, молодой человек, вы продавец?

Перед ним стояла пожилая пара; мужчина в отлично сшитом темном костюме, с гвоздикой в петличке, с тростью в руке.

– Мы хотели бы проехаться в машине, прежде чем примем решение, – сказала стоявшая за ним элегантная дама, по-матерински улыбаясь Марку сквозь вуаль, спускавшуюся ей на лицо с широкополой шляпы. Шляпа была украшена искусственными цветами, волосы под ней были седые и вьющиеся.

Марк почувствовал, что вот-вот поддастся панике. Он отчаянно поискал спасения, но джентльмен уже усаживал жену на переднее сиденье «кадиллака».

Марк закрыл за ними дверцу и, пригнувшись, в последний раз перелистал инструкцию по вождению.

– Выжать сцепление, переключить скорость, сильно нажать на педаль газа, отпустить сцепление, – бормотал он, пряча инструкцию в карман и усаживаясь на место шофера.

Джентльмен сел посередине заднего сиденья и положил руки на трость, серьезный и внимательный, как судья.

Его жена ласково улыбалась Марку.

– Сколько вам лет, молодой человек?

– Двадцать, мэм, почти двадцать один.

Марк нажал стартер, мотор взревел, и ей пришлось повысить голос.

– Мой сын ваш ровесник, – кивнула она.

Марк криво улыбнулся, про себя повторяя последовательность действий согласно инструкции.

Рев мотора усилился, и Марк обеими руками вцепился в руль, так что побелели костяшки пальцев.

– Вы живете с родителями? – спросила пассажирка.

– Нет, мэм, – ответил Марк и отпустил сцепление. Задние колеса завизжали, как раненый жеребец, сзади вылетело облако синего дыма, машина словно встала на дыбы и бросилась вперед, разворачиваясь в сторону выезда и оставляя на полированном полу демонстрационного зала две черные полосы от резины.

Марк сражался с рулем, «кадиллак» раскачивался и подскакивал; в последнее мгновение он прошел в ворота и выскочил на улицу боком, как краб. Мимо ревущей машины пронеслась почтовая карета, запряженная лошадьми, и джентльмен за спиной у Марка умудрился снова сесть и найти свою трость.

– Хороший движок! – перекрикивал Марк гул мотора.

– Отличный, – согласился пассажир, чьи глаза были видны в зеркале заднего вида.

Его жена поправила съехавшую на глаза шляпу и печально покачала головой.

– Ах, молодежь! – сказала она. – Как только уйдете из дома, так голодать. Я сразу могу сказать, что вы живете самостоятельно. Кожа да…

Марк лихо выехал к перекрестку улиц Смит и Эливал, но тут перед ним загромыхал тяжелый грузовик, и Марк повернул руль.

«Кадиллак» развернулся на девяносто градусов и на двух колесах въехал на улицу Эливал.

– …кости, – закончила дама, одной рукой держась за ручку дверцы, а другой придерживая шляпу. – Вам следует по воскресеньям возвращаться домой и прилично обедать.

– Спасибо, мэм, вы очень добры.

Когда Марк наконец остановил «кадиллак» перед магазином, его так трясло, что двигатель пришлось выключать обеими руками. Он чувствовал, что нервный пот промочил его новый костюм, и у него не было сил выйти из машины.

– Невероятно, – сказал пожилой джентльмен на заднем сиденье. – Какой контроль, какое мастерство! Я снова чувствую себя молодым.

– Мы великолепно прокатились, дорогой, – согласилась его жена.

– Берем, – внезапно решил муж. Марк не поверил своим ушам. Он продал свою первую машину!

– Хорошо бы этот молодой человек поработал у нас шофером. Он такой чудесный водитель!

– Нет, мэм. – Марк едва снова не впал в панику. – Я сейчас не могу оставить эту работу, но все равно большое спасибо.

* * *

Дики Лэнком аккуратно сложил две пятифунтовых банкноты – свою долю комиссионных Марка от продажи «кадиллака».

– Тебя ждет большое будущее.

– Ну, не знаю, – скромно ответил Марк.

– Большое, – умудренно предрек Дики. – Но вот твой костюм, старина… – Он слегка содрогнулся. – Давай я познакомлю тебя с моим портным, теперь ты можешь себе это позволить. Не в обиду будь сказано, конечно, но ты выглядишь так, словно собрался на маскарад.

* * *

В тот же вечер, сразу после закрытия магазина, Марк впервые за неделю отправился в библиотеку. Библиотекарша поздоровалась с ним строго, как недовольная школьная учительница.

– Я думала, что мы вас больше не увидим, что вы отказались от своего замысла.

– О нет, ни в коем случае, – заверил Марк, и она смягчилась и протянула ему ключ от читального зала.

Марк начертил в блокноте генеалогическое древо Кортни, потому что начал путаться в их отношениях. У Шона был брат, тоже полковник, тоже получивший на англо-бурской войне Крест Виктории за храбрость. Действительно выдающаяся семья. Этот брат, полковник Гаррик Кортни, со временем стал известным писателем, автором книг по военной истории и биографий других выдающихся военных, начиная с «С Робертсом до Претории» и «Буллер, сражающийся солдат» до «Битвы на Сомме» и книги «Китченер. Жизнь». На все эти книги «Прожектор» печатал подробные рецензии. У их автора был единственный сын – Майкл Кортни. До 1914 года постоянно встречались упоминания о нем как об управляющем лесопилками Кортни в Ледибургском округе. Потом, в 1917 году – НАГРАЖДЕНИЕ ЛЕДИБУРГСКОГО ГЕРОЯ.

> *Капитан Майкл Кортни, сын полковника Гаррика Кортни, кавалера Креста Виктории, награжден крестом «За летные боевые заслуги» за участие в боях во Франции в составе 21-й боевой эскадрильи Королевских военно-воздушных сил. Капитан Кортни, сбивший пять немецких аэропланов, по отзывам его командира, храбрый и преданный офицер, летчик-ас. Герой, сын героя.*

Потом, несколько месяцев спустя, на первой полосе – статья в широкой траурной рамке.

С огромным сожалением сообщаем о гибели в ходе боевых действий КАПИТАНА МАЙКЛА КОРТНИ, кавалера креста «За летные боевые заслуги». По нашим сведениям, капитан Кортни был сбит и сгорел в своей машине на вражеской территории, и сбил его не кто иной, как знаменитый барон фон Рихтгофен, прославившийся своими кровавыми деяниями. «Ледибургский прожектор» выражает глубочайшие искренние соболезнования отцу и семье погибшего. Роза, сорванная в самом расцвете.

Деятельность этой ветви семейства Кортни описывалась во всех подробностях, то же относилось и к семье Шона Кортни в период до 1910 года.

Подробно описывалась женитьба Шона Кортни на миссис Руфи Фридман – начиная от подвенечного платья невесты и заканчивая тортами и мороженым. Одной из девочек, держащих во время венчания букеты, была мисс Буря Фридман, четырех лет, в точной копии мамино платья. У мистера Дирка Кортни появилась новая сестричка-красавица. После этого упоминания имени, которое больше всего интересовало Марка, до мая 1910 года оно больше не мелькало.

В последующих номерах страницу за страницей занимали описания достижений полковника Кортни в политике, бизнесе и самых серьезных не-деловых сферах; его избрание в законодательное собрание Наталя, а позже включение в состав кабинета премьер-министра Луиса Боты; став главой Южно-Африканской партии в Натале, в составе делегации он отбыл в Уайтхолл обсуждать условия создания Союза, а с ним – вся его семья.

Деловые интересы Шона Кортни множились, он процветал, появлялись новые лесопилки, новые плантации, он получал все более важные назначения: председатель первого Строительного общества Южной Африки, директор пароходства «Юнион Лайн», глава правительственной комиссии по природным ресурсам Наталя.

Председатель Южно-африканского «терф-клуба»[10], коммодор Королевского яхт-клуба, где построено свыше ста пятидесяти роскошных яхт… и никаких упоминаний о Дирке Кортни до мая 1910 года.

* * *

Первая полоса «Ледибургского прожектора-хроникера» за 12 мая 1910 года.

«Ледибургский прожектор» с огромным удовольствием сообщает, что весь пакет его акций приобретен мистером Дирком Кортни, вернувшимся после нескольких лет отсутствия.

Мистер Кортни рассказал нам, что провел эти годы в путешествиях, накапливая опыт и капитал.

Очевидно, эти годы были потрачены не зря, ибо сразу по прибытии мистер Кортни приобрел контрольный пакет акций Ледибургского фермерского банка за миллион фунтов стерлингов наличными.

Ледибург и все его жители, несомненно, выиграют благодаря огромной энергии, богатству и целеустремленности мистера Дирка Кортни. «Я намерен ежедневно интересоваться всеми аспектами деятельности моих компаний в Ледибурге, – заявил он, когда его спросили о дальнейших планах. – Прогресс, рост, всеобщее процветание – вот мой девиз». Мистер Дирк

[10] Организация, контролирующая ставки на скачках.

Кортни, «Ледибургский прожектор» приветствует вас как замечательное украшение нашей прекрасной общины.

После этого ни один номер «Прожектора» не обходился без похвал в адрес Дирка Кортни, в то время как о его отце и семье говорилось все реже и все упоминания встречались только в небольших заметках в конце номера.

Чтобы узнать о Шоне Кортни, Марку пришлось обратиться к другим натальским газетам. Начал он с «Натальского Меркурия».

Ледибургские конные стрелки отплывают во Францию. Генерал Кортни снова ведет своих людей на войну.

Это сообщение встряхнуло Марка. Он хорошо помнил морской туман в заливе и ряды одетых в хаки фигур, поднимающихся по трапам с ранцами за спиной и ружьями в руках. Пение, плач женщин, бумажные ленты и лепестки цветов, веселыми пестрыми облаками падающие на землю, траурные сигналы ревунов с утеса. Все это по-прежнему дорого его памяти.

Вскоре и он последует за этими частями, прибавив себе год, благо сержант, набиравший рекрутов, не стал допытываться.

Атака Ледибургских конных стрелков под Делвилл-Вудом не удалась. Генерал Кортни: «Я горжусь ими».

Марк читал длинный перечень погибших, останавливаясь, когда встречал знакомое имя, вспоминая, вспоминая, снова погрузившись в страшное море грязи, крови и страданий, и слезы жгли ему глаза.

Кто-то тронул его за плечо. Он опомнился и выпрямился, ошеломленный неожиданным возвращением к реальности.

– Мы закрываем, уже десятый час, – негромко сказала молодая помощница библиотекаря. – Боюсь, вам придется уйти. – Она внимательнее пригляделась к нему. – С вами все в порядке? Вы плакали?

– Нет! – Марк быстро достал носовой платок. – Просто читая, глаза устали.

* * *

Когда он поднимался в свою комнату, хозяйка крикнула:

– Для вас письмо.

Письмо на первый взгляд было объемом с полное собрание сочинений Шекспира, но когда Марк его распечатал, там оказались всего двадцать две страницы, начинавшиеся словами «Мой дорогой Марк, конечно, я прекрасно вас помню и часто думала о вас, гадая, что с вами стало, поэтому добро пожаловать. Ваше письмо оказалось приятным сюрпризом».

От этой искренней радости Марк почувствовал угрызения совести.

«Я понимаю, что мы очень мало знакомы. Вы даже не знаете моей фамилии! Кстати, меня зовут Марион Литтлджон, смешная фамилия, правда? Я хотела ее сменить (это не намек! как глупо!), а родилась я в Ледибурге (а когда, не скажу: женщина никогда не раскрывает свой возраст!). Мой отец был фермером, но пять лет назад продал хозяйство и теперь работает десятником на сахарной фабрике».

Полная история семьи Марион, учеба в школе, имена и места проживания ее многочисленных родственников, надежды Марион, ее мечты, желания… «Мне нравится путешествовать, а вам?» Париж, Лондон, все это в мельчайших подробностях, с примечаниями в скобках и сдобренное многочисленными восклицательными и вопросительными знаками.

«Разве не странно, что наши имена так похожи: Марк и Марион? Звучит красиво, верно?»

Марку стало тревожно: он надеялся на ветерок, а вызвал ураган, но письмо заражало своим теплом и веселостью, и он пожалел, что почти не помнит лица девушки. Он легко мог бы разминуться с ней на улице и не узнать.

В тот же вечер он ответил, стараясь писать как можно разборчивее. Прямо перейти к своей цели он не мог, поэтому туманно намекнул, что собирается написать книгу, но это требует большой работы в архивах Ледибурга, а у него сейчас нет ни времени, ни денег на поездку. Закончил он просьбой прислать фото.

Ответ она, должно быть, написала и отправила сразу, как получила его письмо. «Мой дражайший Марк…» Повышение по сравнению с просто «дорогой».

Двадцать пять страниц плотного рукописного текста сопровождала фотография. Молодая девушка в нарядном платье, напрягшись, с застывшей нервной улыбкой смотрит в объектив, словно это ствол заряженной гаубицы. Фокус слегка смещен, но снимок достаточно хорош, чтобы напомнить, как она выглядит, и Марк облегченно вздохнул.

Немного полновата, но у нее милое лицо сердечком, большой дружелюбный рот и широко расставленные умные глаза; выглядит она живой и энергичной; он теперь знал достаточно, чтобы понять: она образованна, неплохо начитана и очень хочет понравиться.

На обороте снимка он получил дальнейшее повышение: «Дорогому Марку с любовью – Марион».

И под именем три аккуратных креста. Письмо было пронизано невероятным восхищением его успехами в качестве продавца «кадиллаков» и благоговением перед его желанием стать писателем.

Она очень хочет помочь в его исследованиях, пусть только даст ей знать, какие именно сведения ему нужны. У нее есть доступ ко всем правительственным и муниципальным архивам («и на этот раз я не возьму с вас плату»), ее старшая сестра работает в редакции «Ледибургского прожектора», и в ратуше есть прекрасная библиотека, где Марион хорошо знают и где она часто бывает. Пусть он только разрешит помочь!

С другой стороны, если у него есть фотография, она была бы рада получить напоминание о нем.

За полкроны Марк сфотографировался в студии под открытым небом на берегу океана – в новом костюме, в соломенной шляпе, надетой под щегольским углом, с озорной улыбкой на лице.

«Мой дорогой Марк, какой ты красивый! Я показывала фото всем подругам, и они мне завидуют».

У нее была некоторая нужная ему информация и будет еще.

В книжном магазине Адамса на Смит-стрит Марк приобрел толстый блокнот в кожаном переплете, три больших листа картона и подробную крупномасштабную карту Наталя и Зулуленда. Карту он приколол к стене своей комнаты, чтобы изучать ее лежа в постели.

На одном листе картона он изобразил генеалогическое древо Кортни, Паев и Петерсенов: эти три имени в документах, которые он видел в Ледибурге, связаны с покупкой Андерсленда.

На другом листе он начертил пирамиду, структуру компаний и холдингов, подконтрольных Ледибургскому фермерскому банку, на третьем – тем же манером все компании и собственность холдинга генерала Кортни «Лес и недвижимость Наталя, ЛТД».

На карте он старательно закрасил земельные владения обеих групп: красным – принадлежащие генералу Кортни, синим – те, что принадлежат его сыну Дирку Кортни.

Закрашивая синим неправильные очертания Андерсленда, примыкающие к южному берегу реки, он с новой решимостью постановил продолжить расследование. Закончив,

Марк стряхнул с пальцев мел. Горькие морщины пролегли в углах его рта: его вера в то, что старик никогда не допустил бы ничего подобного, окрепла: чтобы получить эту землю, деда пришлось бы убить.

Гнев переполнял его, когда он раскрашивал участки карты или когда по вечерам лежал в постели, курил последнюю за день сигарету и изучал красные и синие владения Кортни. Он мрачно улыбался, думая о том, что сказал бы Фергюс Макдональд о таком богатстве в руках отца и сына, и записывая в толстый блокнот в кожаном переплете новые сведения, полученные за день.

Потом он выключал свет и долго лежал без сна, а когда засыпал, часто видел во сне Ворота Чаки, мощные утесы, охраняющие реку и дикую непроходимую местность за ними, в которой скрывается одинокая могила.

Могила, никак не обозначенная, заросшая буйной африканской растительностью или раскопанная гиенами и другими стервятниками.

* * *

Однажды, когда Марк, как обычно, коротал вечер в читальном зале библиотеки, он начал с относительно свежих номеров «Ледибургского прожектора» – с тех, что выходили сразу после его бегства из города, – и едва не пропустил несколько строк на внутренней полосе.

> *Вчера в методистской церкви на Пайн-стрит состоялась погребальная служба по мистеру Джекобу Генри Россоу.*
>
> *Мистер Россоу, холостяк, работал в «Зулулендской сахарной компании, ЛТД». Погребальную службу посетил глава компании мистер Дирк Кортни, который произнес короткую, но трогательную речь, посвященную достоинствам покойного, вновь продемонстрировав заботу о самых заурядных работниках своих многочисленных предприятий. Величие проявляется и в малом.*

Дата точно соответствовала бегству Марка из долины. Покойный мог быть среди тех, кто на него охотился… может, это тот, кто схватил его за поврежденную ногу, когда Марк висел на товарном вагоне? Если так, связь с Дирком Кортни самая прямая. Марк медленно сплетал веревку, но для петли ему нужна была голова.

Лишь в одном отношении он испытывал облегчение. Казалось, существует глубокая пропасть между отцом и сыном, между генералом Шоном Кортни и Дирком. Деятельность их компаний не пересекалась, ни в одном из советов директоров не было общих людей, каждая пирамида предприятий возвышалась отдельно и обособленно. Эта пропасть, похоже, простиралась за рамки деловых отношений, Марк не находил ни единого свидетельства контактов этих людей в социальном плане; в сущности, отец и сын враждовали, о чем свидетельствовала резкая перемена отношения «Ледибургского прожектора» к отцу сразу после того, как газету купил сын.

Однако Марк еще не был окончательно убежден во всем этом. Фергюс Макдональд не раз предупреждал его о вероломстве и хитрости хозяев, всех богатеев. «Они пойдут на все, лишь бы скрыть свою вину, Марк, нет такой подлости, на которую они не пошли бы, лишь бы скрыть, что на их руках кровь честных рабочих». Вероятно, Марку прежде всего нужно точно убедиться, что он охотится только на одного человека. Конечно, следующим шагом станет возвращение в Ледибург – надо спровоцировать новое нападение. Но на этот раз он будет готов, потому что знает, откуда ждать атаки. Он вспомнил, как они с Фергюсом Макдональдом использовали Катберта, манекен, чтобы заставить врага выдать себя; Марк

невесело улыбнулся при мысли о том, что на этот раз роль Катберта придется исполнить ему самому. Он впервые испытывал страх, какого не знал даже во Франции перед выстрелом: сейчас перед ним был невероятно страшный и безжалостный враг, и время первого столкновения приближалось.

Его отвлекло еще одно большое письмо из Ледибурга, которое дало замечательный повод отложить непосредственные действия.

> «Мой дражайший! У меня для тебя удивительная новость! Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Моя сестра с мужем уезжают в четырехдневный отпуск в Дурбан и пригласили меня поехать с ними. Мы приедем четырнадцатого и остановимся в «Морском отеле» на набережной. Вот будет здорово!»

К удивлению Марка, письмо вызвало у него радость и нетерпеливое ожидание. Он сам не понимал, как привязался к этой расположенной к нему дружелюбной девушке, оставаясь вдали от нее. И снова удивился, когда встретился с ней. Сразу было заметно, что оба тщательно оделись ради такого случая, обращая внимание на ничтожнейшие мелочи; оба стеснялись и сдерживались под бдительным присмотром сестры Марион.

Они сидели на веранде отеля и чопорно пили чай, болтая о пустяках, а сестра незаметно наблюдала за ними поверх края своей чашки.

Марк сразу заметил, что Марион похудела (откуда ему было знать, что девушка едва не уморила себя голодом в предвидении этой встречи?), вдобавок она оказалась хорошенькой, гораздо красивее, чем на снимке и чем он помнил. Но еще важнее было ее теплое, откровенное восхищение. Большую часть жизни Марк был одинок, особенно в последние недели, в маленькой грязной комнате с тараканами.

И теперь он радовался встрече с Марион, как путник в снежную бурю радуется огню таверны.

Сестра поначалу серьезно отнеслась к своим обязанностям дуэньи, но она была всего на пять-шесть лет старше Марка и достаточно проницательна, чтобы заметить, какое влечение молодые люди испытывают друг к другу, и понять, что Марк вполне приличный молодой человек. К тому же она сама была молода, недавно вышла замуж и сочувствовала им.

– Я хотел бы покатать Марион. Мы отлучимся ненадолго?

Марион посмотрела на сестру печальными глазами умирающей газели:

– Пожалуйста, Лин.

«Кадиллак» был демонстрационной моделью, и Марк сам присмотрел за тем, чтобы два зулуса, работающие в «Наталь моторс», надраили его до блеска.

Он проехал до самого устья реки Умгени, а Марион, гордая и красивая, сидела рядом с ним.

Так хорошо Марк не чувствовал себя никогда в жизни: модно одетый, с золотом в кармане, в большом сверкающем автомобиле, рядом с красивой, восхищающейся им девушкой.

Восхищение – иначе отношение к нему Марион не опишешь. Она ни на мгновение не сводила с Марка глаз и вспыхивала всякий раз, как он смотрел на нее.

Она никогда и подумать не могла, что у нее будет такой красивый и умный кавалер. Даже в самых фантастических ее мечтах не было сверкающего «кадиллака» и романтического героя войны.

Когда машина остановилась у дороги и Марк отвел девушку по густо заросшим дюнам на речной берег, Марион хваталась за его руку, как утопающий моряк.

Река была полноводной от прошедших в ее верховьях дождей; шириной полмили, цвета кофе, она стремилась к зеленым водам моря, навстречу его пенным волнам, унося к ним следы наводнения и трупы животных.

Десяток больших черных акул входили в устье в поисках падали, их темные треугольные плавники кружили в воде.

Марк и Марион сидели бок о бок на дюне, выходящей на устье.

– О, – вздохнула Марион так, словно у нее разрывалось сердце, – мы будем вместе всего четыре дня…

– Четыре дня – это много, – рассмеялся Марк. – Не знаю, куда мы денем столько времени.

Они почти не разлучались. Дики Лэнком был очень снисходителен к своему лучшему продавцу.

– Просто появляйся здесь каждое утро на несколько минут, чтобы хозяин был доволен, а потом, пожалуйста, исчезай.

– А можно взять демонстрационную модель? – смело спросил Марк.

– Я скажу, что ты показываешь ее сахарному королю. Бери, старина, но ради Бога, не разбей ее о дерево.

– Не знаю, как отблагодарить тебя, Дики, правда, не знаю.

– Не волнуйся, старина, я что-нибудь придумаю.

– Прошу в первый и последний раз, просто эта девушка – особенная.

– Понимаю. – Дики по-отцовски потрепал его по плечу. – Это самое важное в жизни. Все равно что быть слегка под мухой. Мое сердце с тобой, старина. Буду прикрывать тебя во всем.

– Дело совсем не в этом, Дики, – Марк покраснел.

– Конечно, нет. Но все равно наслаждайся.

И Дики подмигнул.

* * *

Марк и Марион (она была права: звучало грандиозно) проводили дни, рука в руке бродя по городу. Она радовалась шуму и кипучей жизни большого города, восторгалась его сложностью, культурой, музеями и садами с тропическими растениями, набережной с мириадами огней, открытыми концертными эстрадами в садах старой крепости, большими магазинами на Вест-стрит, Статтфордс и Энтис, витринами, полными изысканных дорогих товаров, портом, где у пристани стояли большие торговые корабли, а над ними двигались паровые краны. Они смотрели, как рыбаки-индусы одолевают в своих лодках прибой и широкими полукругами забрасывают сети на глубину. Марион подбирала юбку, Марк закатывал брюки по колено, и они помогали полуголым рыбакам вытаскивать сети, так что в лодках оказывались груды серебрящейся на солнце, все еще трепыхающейся рыбы.

Они ели клубничное мороженое в твердых желтых вафельных стаканчиках и проехались по набережной на рикше; тележку тащил зулус в невероятном наряде из перьев, бус и рогов.

Однажды вечером они присоединились к Дики Лэнкому и ленивой сирене, за которой ухаживал Дики, и вчетвером ели раков и танцевали под джаз-бэнд в «Ойстер-Бокс отеле» у скал Умланги, а потом вернулись домой в ревущем «кадиллаке», слегка под мухой, счастливые и поющие, и Дики вел большую машину по пыльной неровной дороге, как Нуворелли, а Марк и Марион блаженно прижимались друг к другу на заднем сидении.

В вестибюле отеля под бдительным взглядом ночного портье, который готов был помешать Марку приблизиться к лифту, они шепотом попрощались.

– Я никогда в жизни не была такой счастливой, – просто сказала она, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

Дики Лэнком с «кадиллаком» и подружкой исчез, вероятно в направлении какой-нибудь темной стоянки у моря. Когда Марк один шел по пустынным ночным улицам, он думал о словах Марион и решил, что согласен с ними. Он не мог вспомнить, когда был так счастлив, но, печально улыбнулся он, в его жизни вообще было мало счастья. Для нищего и шиллинг – богатство.

* * *

Наступил их последний день вместе, и сознание этого отравляло им радость. Марк оставил «кадиллак» на узкой дороге в поле сахарного тростника, и они ушли на длинный изогнутый белоснежный пляж, с обоих концов закрытый скалами.

Море было такое чистое, что, сидя на высокой дюне, они видели рифы и песок глубоко на дне. Еще дальше вода становилась густо-синей и наконец встречалась с далеким горизонтом, где стояли кучевые облака, пурпурные, голубые и серебряные в свете солнца.

Они босиком шли по песку, неся корзину с едой для пикника, собранную для Марион в отеле, и потрепанное серое одеяло с постели Марка, и им казалось, будто они одни в целом свете.

Они переоделись в купальные костюмы, скромно укрывшись друг от друга за пышным кустом молочая, и со смехом побежали в теплую воду.

Тонкая черная влажная ткань купальника Марион липла к телу, так что девушка казалась обнаженной, хотя купальник закрывал ее от бедер до шеи, а когда она стянула красную купальную шапочку и распустила густые волосы, Марк впервые почувствовал физическое влечение.

До сих пор он получал удовольствие скорее от их дружбы. Терпеливое восхищение Марион заполняло какую-то пустоту в его душе, он относился к девушке покровительственно, испытывая к ней почти братскую нежность.

Она неведомым женским чутьем сразу уловила перемену в нем. Смех замер на ее губах, глаза стали серьезными, в них появилась тень страха или предчувствия, но она повернулась к нему, подняла лицо и, казалось, сознательно набралась сил и храбрости.

Они лежали рядом на одеяле в тени куста. Полдень был жаркий, гудели насекомые.

Влажные купальные костюмы прохладно касались их горячей кожи. Когда Марк осторожно стянул костюм с Марион, ее кожа под его пальцами была влажной; он удивился тому, как непохоже ее тело на тело Хелен. Кожа Марион, слегка припорошенная пляжным песком, была чистой, молочно-белой, чуть розоватой, пушок на ее теле мягким, как шелк, золотистым и легким, как дым. Все ее тело было мягким, пластичным, в отличие от мускулистого тела Хелен, и ощущение от него было совсем иным, оставляло впечатление неизведанной податливости, что заинтриговало и возбудило Марка.

И только когда она ахнула, прикусила губу и спрятала лицо, прижавшись к его шее, он неожиданно понял, что все то, чему научила его Хелен и что приводило ее в такое возбуждение, на Марион не действует. Тело ее оставалось скованным, лицо – бледным и застывшим.

– Марион, что с тобой?

– Все в порядке, Марк.

– Тебе не нравится?

– Со мной это впервые.

– Можно прекратить.

– Нет.

– Нам не обязательно это делать.

– Нет, Марк, продолжай. Ведь ты этого хочешь.

– А ты – нет.

– Я хочу того же, что ты, Марк. Продолжай. Это для тебя.

– Нет.

– Пожалуйста, Марк, пожалуйста, продолжай.

Ее губы дрожали.

– Прости, Марион.

Он отстранился от нее, увидев страх в ее глазах, но Марион тотчас придвинулась к нему, обняла за шею, почти легла на него.

– Марк, не извиняйся. Я хочу, чтоб тебе было хорошо.

– Мне не будет хорошо, если ты не хочешь.

– О Марк, не говори так. Пожалуйста, не говори. Я больше всего на свете хочу, чтобы ты был счастлив.

Она вела себя смело, терпеливо, крепко прижимала его к себе, обнимая обеими руками за шею. Ее тело оставалось напряженным, но она постаралась, чтобы ему было удобнее. Однако для Марка испытание оказалось почти таким же болезненным, как для нее. Он страдал вместе с ней, чувствуя, как Марион дрожит, слыша негромкие звуки боли и напряжения, которые она старалась сдержать.

К счастью для обоих, все быстро закончилось, но она продолжала прижиматься к нему.

– Тебе было хорошо, Марк, дорогой?

– О да, – воскликнул он. – Замечательно.

– Я так хочу быть для тебя хорошей во всем, милый. Во всем.

– Ничего лучше в моей жизни не было, – ответил он, и Марион посмотрела ему в глаза, ища подтверждения и находя, потому что ужасно этого хотела.

– Я так рада, дорогой, – прошептала она и прижала голову Марка к своей влажной теплой груди, мягкой, розовой, дарующей покой. И начала мягко баюкать, как мать качает дитя.

– Я рада, Марк, а потом будет все лучше. Я научусь, вот увидишь, я буду очень стараться ради тебя, дорогой, всегда буду.

Когда в сумерках они медленно возвращались в город, она гордо сидела рядом с ним на широком кожаном сиденье и в ней чувствовалось что-то новое, новая уверенность, как будто за несколько коротких часов она из ребенка превратилась во взрослую женщину.

Марк испытывал к ней глубокое чувство. Ему хотелось защищать ее, сберечь ее доброту и милоту, не допустить к ней несчастья и порчу. На миг он пожалел, что Марион не смогла утолить безумные желания его плоти, и что сам он не сумел провести ее сквозь бурю таким же темпом. Может, это еще придет, может, они и в этом найдут дорогу друг к другу, а если нет – пусть, не страшно. Важно другое – чувство ответственности за эту женщину: она отдала ему всю себя без остатка, и теперь его долг ответить ей той же мерой, защищать и беречь ее.

– Марион, ты выйдешь за меня? – негромко спросил он, и она тихо заплакала, неспособная говорить, только энергично кивая сквозь слезы.

Сестра Марион, Линетт, была замужем за молодым юристом из Ледибурга, и в тот вечер они засиделись допоздна, обсуждая предстоящее обручение.

– Папа не даст разрешения, пока тебе не исполнится двадцать один год. Ты ведь знаешь, сколько пришлось ждать нам с Питером.

Питер Боутс, серьезный молодой человек, с умным видом кивнул и осторожно сложил вместе кончики пальцев. У него редкие, рыжеватые волосы, и он положительный и уравновешенный, как судья в алой мантии.

– Несколько лет ожидания вам не повредят.

– Лет? – взвыла Марион.

– Тебе всего девятнадцать, – напомнил Питер. – Марку нужно заработать, чтобы взять на себя ответственность за семью.

– Я тоже могу работать, – горячо вмешалась Марион.

– Так все говорят, – со знанием дела покачал головой Питер. – Но не пройдет и двух месяцев, как начинают ждать ребенка.

– Питер! – вмешалась его жена, но он спокойно продолжал:

– А каковы твои перспективы, Марк? Отец Марион захочет это знать.

Марк не ожидал, что от него потребуют отчета о делах; в данный момент он даже не был уверен, сколько точно у него денег: сорок два фунта двенадцать шиллингов или семь шиллингов шесть пенсов.

На следующее утро он посадил друзей в Ледибургский поезд; они с Марион обнялись и обещали писать ежедневно; она сказала, что будет складывать его письма в нижний ящик своего шкафа и постарается перебороть предубеждение отца против ранних браков. Возвращаясь с вокзала, Марк почему-то вспомнил весеннее утро во Франции, когда с передовой отправлялся в резерв, и плечи его сами собой развернулись, шаг убыстрился и снова стал пружинистым и гибким. Он ушел с передовой и уцелел – вот все, о чем он мог думать в эту минуту.

Дики Лэнком сидел, взгромоздив небрежно скрещенные ноги в лакированных ботинках на стол. Он поднял голову от газеты; в другой руке он держал чашку с чаем, изящно отставив мизинец.

– Привет возвращающемуся герою; его оружие устало висит через плечо…

– Перестань, Дики!

– …колени ослабли, глаза налиты кровью, лоб нахмурен.

– Есть заказы? – серьезно спросил Марк.

– А, мозг гиганта обратился к хлебу насущному?

Марк быстро пролистал ожидавшую его стопку сообщений.

– Излишек любви, утомление страстью или просто половое похмелье.

– Что это? Не могу разобрать почерк.

Марк сосредоточился на чтении.

– Попомни мои слова, Марк: эта молодая женщина из тех, что стремятся высиживать яйца. Стоит тебе на десять минут отвернуться, и она уже совьет на ближайшем дереве гнездо.

– Брось, Дики.

– Вот именно: брось, старина, не то наплодишь щенят и заселишь ими все окрестности.

Дики преувеличенно содрогнулся.

– Никогда не езди в машине с закрытым кузовом, если можешь водить спортивную модель, старина. Кстати, это мне кое о чем напомнило. – Он бросил газету и достал из жилетного кармана часы. – У меня важный клиент. – Он взглянул на свои блестящие ботинки, провел по ним носовым платком, встал, надел шляпу и подмигнул Марку. – Ее муж на неделю уехал из города. Карауль крепость, старина, теперь моя очередь. – Он вышел из конторы в демонстрационный зал и тут же с выражением ужаса на лице появился снова. – Боже, клиенты! Займись ими, Марк, мальчик мой, а я выйду через черный ход.

И он исчез, оставив после себя только слабый запах бриллиантина.

У разбитого зеркала возле окна Марк проверил, хорошо ли повязан галстук, и, привычно улыбаясь, направился к двери, но на пороге остановился, словно наткнулся на натянутую цепь.

Застыв, он слушал: сосредоточенно, как дикая газель, слушал всеми фибрами души и каждым нервом, вслушивался в звуки такой пронзительной красоты, что, казалось, у него остановилось сердце. Это продолжалось всего несколько секунд, но еще много времени спу-

стя звук этот дрожал в воздухе, и только тогда сердце Марка снова забилось, сильно ударяясь о ребра.

Этим звуком был женский смех. Воздух вокруг Марка как будто сгустился, превратившись в мед, потому что Марк с трудом переставлял ноги, двигаясь вперед, и ему требовались физические усилия, чтобы набирать этот воздух в легкие.

От входа он осмотрел демонстрационный зал. В центре стояла последняя модель «кадиллака», рядом с ней – двое.

Мужчина взглянул на Марка и оставил только впечатление массивной, высокой фигуры, одетой в темный костюм. Девушка за ним была изящной, почти воздушной; казалось, она плывет, легкая и прекрасная, как колибри на невидимых крыльях.

Земля под ногами Марка качнулась, когда он взглянул на нее.

Девушка откинула голову, глядя на мужчину. На длинной гладкой шее изящно сидела маленькая головка с огромными темными глазами и смеющимся ртом, с мелкими, ровными белыми зубами за розовыми губами, с высоким открытым лбом, бледным и широким над запоминающимися глазами, и все это венчала невероятная шапка густых блестящих волос, таких темных, что их локоны казались вырезанными из эбенового дерева.

Она снова засмеялась – весело и звонко – и поднесла к лицу мужчины руку, узкую, с длинными заостренными пальцами, сильную и уверенную, и Марк понял, что его первое впечатление было ошибочно.

Девушка мала только по сравнению с мужчиной, и ее фигура усиливала эту иллюзию. Теперь Марк видел, что на самом деле она высокая, но грациозная, как стебель папируса на ветру, тонкая и стройная, с узкой талией и длинными ногами под легкой летящей тканью юбки.

Кончиками пальцев она провела по подбородку мужчины, наклонила голову на длинной лебединой шее, и ее красота стала почти непереносимой. В больших глазах светилась любовь, мягкие губы тоже были полны любви.

– О папа, ты такой старомодный… ворчливый старый медведь!

Она легко, как балерина, отвернулась от него, приняла преувеличенно драматичную позу около огромной сверкающей машины и заговорила с комичным французским акцентом:

– Regarde! Mon cher papa, c’est tres chic[11]…

Мужчина проворчал:

– Не доверяю я этим модным французским машинам. По мне лучше «роллсы».

– «Роллсы»? – воскликнула девушка, подчеркнуто надув губы. – Они такие медлительные, такие старомодные! Дорогой папочка, на дворе двадцатый век, не забывай! – И тут же поникла, как увядающая роза. – Как я буду смотреть в глаза подругам, если ты заставишь меня ездить в таком большом, мрачном гробу?

В это мгновение она увидела Марка в дверях зала; ее манеры сразу изменились, посадка головы и осанка, выражение рта и губ – вместо шута появилась леди.

– Папа, – сказала она негромким «воспитанным» голосом, холодно оглядывая Марка с головы до ног, – по-моему, появился продавец.

Она повернулась, и у Марка снова дрогнуло сердце от движения ее бедер под тканью юбки. Она быстро обошла «кадиллак», спокойно, отчужденно, больше не глядя на него, и он впервые увидел вызывающие движения ее маленьких круглых ягодиц.

Марк смотрел на нее как зачарованный. Он никогда не видел ничего прекраснее, ничего привлекательнее.

Мужчина повернулся и сердито посмотрел на него. Девушка дразнила его не зря: он казался библейским старцем. Худая высоченная фигура с широкими, как перекладина висе-

[11] Папочка, дорогой, посмотри! Такой шик!

лицы, плечами, с большой величественной головой, размер которой подчеркивали слегка кривой нос и густая борода с проседью.

– Я тебя знаю, черт побери!

Его лицо стало почти черным за двадцать тысяч дней под солнцем, но в углах глаз белели глубокие морщины, и кожа под густыми прядями серебряных волос была тоже белая, защищенная шляпой охотника или форменной шапкой.

Марк пришел в себя, оторвал взгляд от девушки и потрясенно узнал этого человека. В это мгновение ему пришло на ум только, что это какое-то чудовищное совпадение, но в последующие годы он начнет думать по-другому. Нити их жизни переплелись. Но в этот миг он, потрясенный, смог только хрипло ответить:

– Да, генерал Кортни, я…

– Молчать, черт побери! – перебил генерал голосом, подобным приглушенному выстрелу маузера, и Марк дрогнул, увидев грозное выражение его лица. – У меня хорошая память на имена! – сердито смотрел генерал на Марка. – И я никогда не забываю лица.

Огромная сила и властность этого человека грозили поглотить Марка.

– Это признак старости, отец, – холодно сказала девушка, равнодушно, без улыбки оглянувшись через плечо.

– Не смей так говорить, девочка, – загремел мужчина, как грохочет действующий вулкан. – Не смей! – Он угрожающе сделал шаг в сторону Марка, наморщив лоб и сведя брови, глядя ему в глаза своими, острыми, как нож хирурга. – Глаза! Я помню эти глаза!

Марк торопливо отступил перед этим грозным приближением, не вполне понимая, чего ожидать, но веря, что в любой миг Шон Кортни способен ударить его своей тростью, таким страшным казался его гнев.

– Да, генерал!

Шон Кортни щелкнул пальцами (словно треснула дубовая ветка), его лицо прояснилось, и голубые глаза улыбнулись так славно, с таким заразительным весельем, что Марк улыбнулся в ответ.

– Андерс, – сказал генерал. – Андерс и Макдональд. Мартин? Майкл? Нет, Марк Андерс! – И он кулаком ударил себя по ладони. – Старость, говоришь? Девочка, кто тут помянул старость?

– Отец, ты чудо.

Она закатила глаза, но Шон Кортни уже не слушал, он подошел к Марку, схватил его за руку и так сжал, что захрустели кости; Марк едва успел опомниться и ответить на пожатие.

– Эти глаза, – смеялся Шон. – Ты очень изменился с того дня, вернее, с той ночи…

Его смех замер, он вспомнил мальчика на носилках, бледного, умирающего, перемазанного грязью и кровью, услышал собственный голос: «Он умер». Он отогнал эту картину.

– Как ты теперь, мой мальчик?

– Все хорошо, сэр.

– Не думал, что ты выживешь. – Шон внимательно посмотрел на него. – Я полагал, ты с развернутыми знаменами идешь ко дну. Сколько получил?

– Две, сэр, в верхнюю часть спины.

– Почетные шрамы, мой мальчик, как-нибудь сравним свои отметины. – Потом Кортни опять грозно нахмурился. – Висюльку получил?

– Да, сэр.

– Хорошо, а то в этой армии ни в чем нельзя быть уверенным. Я в тот же вечер написал представление, но человек предполагает, а судьба располагает. Что тебе дали?

– Медаль «За заслуги», сэр. Мне ее вручили в госпитале в Англии.

– Отлично! Это хорошо, – кивнул он, выпустил руку Марка и снова повернулся к девушке. – Дорогая, этот джентльмен был со мной во Франции.

– Очень приятно. – Она, не глядя на них, коснулась пальцем фигурки на радиаторе. – Как ты думаешь, мы можем сейчас проехаться, папа?

Марк торопливо открыл заднюю дверцу.

– Я поведу, – сказала девушка и подождала, пока он откроет дверцу со стороны шофера.

– Кнопка стартера здесь, – объяснил Марк.

– Спасибо, я знаю. Садитесь назад, пожалуйста.

Машину она вела по-мужски, очень быстро, но искусно, лихо срезая углы и используя коробку скоростей для торможения, выключая педалью сцепление, уверенно работая переключателем. Генерал сидел рядом с ней, расправив плечи, как молодой человек.

– Не гони так, – ворчал он, но его свирепый тон полностью противоречил ласковой улыбке, с какой он смотрел на дочь.

– А ты не суетись так, папочка, – отвечала она со смехом; этот смех продолжал звучать в ушах Марка, когда она развернула мощную машину и вписала ее в следующий поворот.

– Мало я тебя бил в детстве.

– Ну, сейчас уже поздно.

Свободной рукой она коснулась его щеки.

– Не рассчитывайте на это, барышня, ох, не рассчитывайте.

С деланным отчаянием качая головой, но восхищенно глядя на дочь, генерал выбрался из машины и снова проницательно взглянул на Марка.

– Ты не приходишь на еженедельные встречи.

– Нет, сэр.

– Всего час, вечером по пятницам. Полчаса упражнений, потом лекция.

– Да, сэр.

– Прекрасное развлечение. Поддерживает дух, хотя нас объединили с другими частями.

– Да, сэр.

– Я там командую, – усмехнулся Шон. – От меня не так легко избавиться.

– Конечно, сэр.

– У нас ежемесячно проводятся стрельбы, с призами, а потом барбекю.

– Правда, сэр?

– В этом году мы посылаем команду стрелков на Кубок Африки, все расходы за наш счет. Отличная возможность для счастливчиков, которые попадут в команду.

– Не сомневаюсь, генерал.

Шон ждал продолжения, но Марк молчал. Он не мог встретиться со свирепым требовательным взглядом генерала и потому стал смотреть на лицо девушки в зеркале заднего обзора.

Она внимательно, с непроницаемым выражением, возможно, с презрением, а может быть забавляясь, или движимая другим, гораздо более интригующим и опасным чувством, наблюдала за ним. На краткий миг их взгляды встретились, и девушка тотчас повернула голову на изящной шее. Темные волосы откинуло с шеи; там, на границе со светлой кожей, они оказались мягкими и шелковистыми, крошечный их завиток за маленьким ухом напоминал вопросительный знак.

У Марка появилось безумное желание наклониться вперед и прижаться губами к этому месту. Эта мысль словно удар отозвалась в его промежности, и он почувствовал, как натянуты его нервы. И неожиданно понял, что влюблен.

– Я хочу выиграть этот кубок, – негромко сказал генерал, наблюдая за ним. – Наша бригада еще никогда его не выигрывала.

– С меня, пожалуй, хватит мундиров и войн, генерал. – Марк заставил себя оторвать взгляд от девушки и посмотреть на генерала. – Но желаю вам удачи.

Шофер держал открытой дверцу «роллса» «Серебряный призрак». Шон Кортни сел рядом с дочерью, поднял правую руку в коротком, почти военном приветствии молодому человеку на тротуаре, и машина плавно тронулась.

Едва они остались одни, дочь радостно, по-девичьи, запищала и обеими руками обняла отца за шею, взлохматив ему волосы и растопив сердце своими поцелуями.

– Папулечка, ты меня балуешь!

– Да, балую.

– Ирена позеленеет от зависти и свернется, как анчоус. Я люблю тебя, мой добрый, чудный папочка! Ирене отец никогда не покупал «кадиллак».

– Мне нравится этот парень, он умен.

– Продавец? Да я его почти не заметила.

Она разжала руки и откинулась на спинку сиденья.

– У него есть характер. – Шон помолчал, снова вспоминая, как во Франции на изрытый снарядами холм бесшумно падал снег. – Есть характер и ум – достаточно, чтобы заниматься чем-нибудь поважнее продажи машин. – Тут он озорно улыбнулся и так помолодел, что мог сойти за ее брата. – Мне приятно будет посмотреть в лицо Гамильтону, когда мы отберем у него Кубок Африки.

Буря Кортни, сидя рядом с отцом и по-прежнему держа его под руку, молчала и раздумывала о том, что встревожило ее в этом Марке Андерсе. Глаза, решила она, желтые глаза, спокойные, но внимательные, плывущие, как две золотые луны.

* * *

Перед белыми воротами Марк невольно остановил большую машину. Ворота на двух высоких колоннах, оштукатуренные, белые, чистые, и на каждом столбе зулусское название этого места – ЭМОЙЕНИ, отличное охотничье название, «место ветра», на холме над Дурбаном, где в жаркие летние месяцы с моря дуют прохладные ветра.

Металлические створки ворот сейчас были открыты. Марк миновал железную решетку, которая мешает копытным заходить на территорию или покидать ее, проехал по мягкому изгибу подъездной дороги из гладких, тщательно вымытых желтых камней, мимо больших клумб цветущих канн. На каждой клумбе были посажены цветки одного цвета, алые, желтые или белые, ослепительные на ярком солнце, а за ними расстилались роскошные газоны с тропической зеленью, подстриженные и гладкие, как ковер, с купами местных деревьев, которые, очевидно, пощадили за их размер, красоту или необычную форму.

Деревья были перевиты лианами; на глазах у Марка маленькая серо-голубая мартышка легко спустилась по одной из этих живых веревок и, по-кошачьи выгнув спину, высоко задрав длинный хвост, пробежала по открытой лужайке, добралась до следующей рощицы, взлетела на самые верхние ветки и оттуда закричала на медленно движущуюся машину.

Из своих изысканий Марк знал, что это всего лишь городской дом Кортни (главный семейный дом находился в Ледибурге), и не ожидал такого великолепия. А почему бы и нет, сухо улыбнулся он, у этого человека есть все, что душе угодно, и это – всего лишь пристанище.

Он оглянулся. Ворота уже скрылись из виду, а дома впереди по-прежнему не видно. Марка окружал фантастический ландшафт, одновременно дикий и тщательно ухоженный, и теперь Марк понял, зачем у главных ворот решетка.

Небольшие стада полудомашних животных щипали короткую траву лужаек или стояли и с легким любопытством смотрели на проезжающую машину. Марк видел грациозных коричневых антилоп импала с белоснежными животами и загнутыми назад витыми рогами;

у самца антилопы канны – свисающий подгрудок, толстые извилистые рога на короткой тяжелой голове и бочкообразное тело, как у породистого африкаандерского быка.

Марк проехал по мосту над узким заливом искусственного озера. Голубые лотосы высоко поднимали стебли, плоские листья растений плыли по поверхности. Аромат был легким, сладким и вызывал легкую печаль, напоминая о теплом воздухе лета. В чистой воде под листьями лотоса висели темные торпедообразные тела окуней.

На краю озера черно-белый гусь расправил крылья (их размах не уступал размаху рук человека), выгнул змеиную шею, нацелил вперед голову с бородкой, угрожая взлететь и наброситься на нарушителя покоя; потом передумал, свернул большие крылья, опустил хвост и удовольствовался резким протестующим криком в адрес проезжающей машины.

За деревьями впереди показалась крыша из розовой черепицы, с башенками, ребрами и балюстрадой, как в испанском замке. Последний поворот дороги позволил Марку увидеть весь дом.

Перед домом большой участок занимали цветущие клумбы, такие насыщенно-яркие, что больно глазу; буйство красок смягчали только высокие страусовые перья фонтанов, установленных в центре четырех круглых бассейнов, окруженных каменными парапетами. Ветерок относил облака брызг, словно дым, к клумбам, увлажняя цветки и усиливая их ослепительный цвет.

Дом двухэтажный, с разбросанными в беспорядке башенками, разнообразящими фасад; колонны, витые, как лакричные палочки, украшают вход и поддерживают подоконники; дом выкрашен белой краской и блестит на солнце, как глыба льда.

Дом должен был бы создавать впечатление солидных размеров и пышности, но построен так изобретательно, что кажется воздушным, как бизе, веселый и счастливый дом, созданный для счастливой жизни и, возможно, для любви. Подарок богатого мужчины любимой женщине, потому что во всем видна женская рука, и море цветов, фонтаны, павлины, мраморные статуи – все это кажется подходящим обрамлением для него.

Медленно, смущенный и очарованный, Марк провел «кадиллак» по последнему повороту дороги, и его внимание привлекли легкие женские возгласы.

Лужайки упирались в теннисный корт, там играли женщины. Их белые костюмы сверкали на солнце, мелькали руки и ноги, когда женщины бежали, разворачивались и били по мячу. Их голоса и смех мелодично звучали в теплой тишине позднего тропического утра.

Марк вылез из машины и по газону пошел к корту. Здесь были и другие женщины, тоже в белом; они сидели в шезлонгах в тени баньяна, смотрели на игру и лениво переговаривались, отпивая из длинных, покрытых изморозью бокалов, ожидая своей очереди выйти на корт.

Никто не замечал Марка, пока он не оказался рядом.

– Ого, девицы! – Одна из них быстро повернулась в кресле и оценивающе взглянула на Марка; из ее глаз исчезла скука, они были голубые и жадные. – Мужчина! Нам везет.

Мгновенно изменились и три остальные, каждая по-своему: одна добавила равнодушия и надменности, другая одной рукой коснулась юбки, другой поправила прическу, улыбаясь и втягивая животик.

Все они были молодые, холеные, как кошки, и светились молодостью и здоровьем, окруженные неуловимым, но несомненным ореолом богатства и хорошего происхождения.

– Что вам угодно, сэр? – спросила голубоглазая, самая красивая из четырех, с венцом светло-золотистых волос на маленькой аккуратной головке и с хорошими белыми зубами, которые показывала в улыбке.

Под их взглядами Марк почувствовал себя неловко, особенно когда говорившая еще больше повернулась в кресле, скрестила и выпрямила ноги, умудрившись на мгновение показать Марку белые шелковые трусики под юбкой.

– Я ищу мисс Бурю Кортни.

– Боже, – сказала блондинка с улыбкой. – Им всем нужна Буря, почему никто не ищет меня? Буря! – крикнула она в сторону корта.

Буря Кортни как раз собралась подавать, но крик отвлек ее. Она оглянулась и увидела Марка. Выражение ее лица не изменилось; она вернулась к игре. Высоко подбросила мяч над головой и ударила, точно и быстро. Резко загремела ракетка, и в прыжке высоко взвилась юбка. У Бури оказались великолепные ноги с тонкими лодыжками, мягко изогнутыми икрами, с симметричными ямками на коленях.

Она легко повернулась, поймала возвращающийся мяч, взмахнула длинной, с легким загаром рукой, и мяч вихрем отлетел от ее ракетки; ее юбка снова взвилась, и Марк переступил с ноги на ногу, потому что земля под ними накренилась.

Буря, коротко и аккуратно ступая длинными ногами, вернулась к задней линии, откинув голову, чтобы следить за мячом, взмывающим в голубое небо по высокой параболе. Она оценивала свой удар, а темные волосы металлически блестели, как перья «птицы солнца». Потом все ее тело, от красивых длинных ног и напряженных круглых ягодиц под легкой шелковой юбкой через узкую талию вдоль твердых мышц спины и до вытянутой правой руки, вложилось в ответный удар.

Мяч запел, как стрела, пролетел над самой сеткой и поднял белый пыльный вихрь вплотную к задней линии.

– Перестаралась! – отчаянно выкрикнула противница. Буря рассмеялась с веселым торжеством и подошла к сетчатой ограде, чтобы взять из канавки запасной мяч.

– Буря, здесь тебя ждет джентльмен, – снова крикнула блондинка, и Буря ракеткой подбросила мяч в воздух; он ударился о поверхность корта у ее ног, и она поймала его свободной рукой.

– Да, Ирена, – небрежно ответила она, – знаю. Это всего лишь продавец. Попроси его подождать у машины.

Не взглянув на Марка, она отвернулась.

– Сорок, дорогая, – весело крикнула она и отбежала к задней линии. Ее голос звучал мелодично, но это не смягчило внезапной вспышки гнева, заставившей Марка угрюмо стиснуть зубы.

– Если вы продавец, – промурлыкала Ирена, – как-нибудь в другое время продайте мне что-нибудь. А сейчас, дорогой, советую вам послушаться Бурю, не то нам всем достанется на орехи.

Когда Буря подошла туда, где ждал Марк, остальные девушки окружали ее (как фрейлины принцессу, подумал он, чувствуя, как рассеивается его негодование). Такую величественную, милую и прекрасную девушку можно простить, ей можно простить все.

Он почтительно стоял, поджидая. Какая она высокая! Ее макушка почти доставала ему до подбородка.

– Доброе утро, мисс Кортни. Я привел ваш новый «кадиллак». «Наталь моторс» желает вам радости и веселья.

Обычно эту маленькую речь он произносил, доставляя покупку, и произносил ее с теплотой, очарованием и искренностью – именно эти качества за несколько месяцев сделали его лучшим продавцом «Наталь моторс».

– Где ключи? – спросила Буря Кортни и впервые посмотрела на него прямо. Марк увидел, что у нее глаза отца, такие же темные, почти синие.

Невозможно было усомниться в том, чья она дочь. Она раскрыла глаза чуть шире, и в солнечном свете они стали цвета шлифованных сапфиров, или голубого Мозамбикского течения, или глубокой воды в полдень.

– В машине, – ответил он; собственный голос показался ему странным, словно доносился издалека.

– Несите сюда, – велела она, и ему захотелось побежать, выполнить ее желание. Но тут чувство опасности, которое так развилось у него во Франции, предупредило его.

Ее лицо оставалось безучастным, незаинтересованным; словно она считала разговор с ним напрасной тратой времени и сил, одним из скучных моментов в потоке жизни. Но предостережение ясно звучало в его голове, как церковный колокол, и только тут он увидел в ее глазах что-то опасное и возбуждающее, точно силуэт леопарда, охотящегося в тени.

Вызов. Он подумал, что дочь Шона Кортни не может быть воспитана в таком естественном высокомерии, в такой грубости. Очевидно, такое ее отношение продиктовано какой-то причиной, каким-то замыслом.

Он почувствовал легкость, то особое безумие, которое прогоняет страх в моменты опасности или риска, и улыбнулся. Ему не пришлось заставлять себя – улыбка вышла естественной, озорной, вызывающей.

– Конечно, мисс Кортни. Конечно, я принесу ключи. Как только вы скажете «пожалуйста».

Окружающие Бурю девушки громко ахнули и застыли от неожиданности и восторга; их взгляды переходили с лица Бури на лицо Марка.

– Скажи молодому человеку «пожалуйста», Буря, – покровительственно, как говорят с малышами, велела Ирена, и все радостно захихикали.

На мгновение в синих глазах девушки что-то вспыхнуло, что-то свирепое, но не гнев. Марк сознавал важность этой вспышки; хотя ее истинного смысла он не понимал, но думал, что она может отразиться на нем. Однако непонятное выражение тут же исчезло и сменилось искренним, не надуманным гневом.

– Как вы смеете!

Голос Бури звучал низко и властно, но губы вдруг побелели, как будто вся кровь отхлынула от них. Гнев нахлынул слишком быстро, слишком сильный для такого повода, он не соответствовал простому обмену репликами, и Марк почувствовал безрассудное возбуждение оттого, что сумел так глубоко задеть ее. Он продолжал насмешливо, вызывающе улыбаться.

– Ударь его, дорогая, – насмешливо посоветовала Ирена, и Марку на мгновение показалось, что Буря послушается.

– Захлопни свой глупый рот, Ирена Личарс!

– О-ла-ла, – усмехнулась Ирена, – какой характер!

Марк небрежно повернулся и открыл дверцу машины.

– Куда вы?

– Возвращаюсь в город.

Он включил двигатель и посмотрел в окно. Нет никаких сомнений, более красивого существа он не видел. От гнева ее щеки раскраснелись, темные волосы на висках были еще влажными после игры на корте. Они маленькими завитками липли к коже.

– Это моя машина!

– Ее приведет вам кто-нибудь другой. Я привык иметь дело с леди.

Снова удивленное аханье и восторженные смешки.

– Какой он милый! – захлопала в ладоши Ирена, но Буря не обратила на нее внимания.

– Мой отец вас уволит.

– Да, вероятно, – согласился Марк. Он еще немного подумал и выжал сцепление. На первом повороте подъездной дороги он посмотрел в зеркало заднего обзора – девушки по-прежнему стояли и смотрели ему вслед, похожие в своих белых платьях на скульптурную

группу. «Нимфы, напуганные сатиром», вот подходящее название, подумал он и рассмеялся. Его безрассудное возбуждение еще не прошло.

* * *

– Боже! – прошептал Дики Лэнком, в ужасе наморщив лоб. – Что ты наделал?!

Он медленно, удивленно покачал головой.

– Она была очень груба.

Дики опустил руки и с ужасом посмотрел на него.

– Она была груба с тобой? Господи, сил моих нет! Разве ты не понимаешь, что, даже если она была груба с тобой, ты все равно должен быть ей благодарен? Разве ты не знаешь, что тысячи таких, как мы, проживут всю жизнь и их ни разу не оскорбит мисс Буря Кортни?

– Я не намерен терпеть это, – рассудительно объяснил Марк, но Дики не дал ему договорить.

– Послушай, старина, я научил тебя всему, что знаю сам. Но ты по-прежнему ничего не понимаешь. Ты не только не должен оскорбляться, но, если мисс Кортни выразит желание пнуть тебя в зад, правильный ответ таков: «Конечно, мэм, но позвольте сначала спустить штаны, чтобы вы не испачкали вашу красивую ножку!»

Марк рассмеялся; его безрассудное настроение быстро рассеивалось, а лицо Дики все больше мрачнело.

– Правильно, смейся. Знаешь, что произошло? – Марк не успел ответить, потому что он продолжил: – Вызов с самого верха, от председателя совета директоров. Мы с боссом несемся через весь город, волнуемся, робеем, осторожно надеемся на лучшее: нас уволят, повысят, поздравят с высокими месячными продажами? А тут совет, весь совет, заметь; и вид у всех как у могильщиков, которым только что сообщили об изобретении вакцины Пастера. – Дики умолк, воспоминания были еще слишком болезненными. – А ты действительно попросил ее сказать «пожалуйста»?

Марк кивнул.

– И действительно сказал, что она не леди?

– Не впрямую, – возразил Марк. – Но имел в виду это.

Дики Лэнком начал вытирать ладонью лицо от линии волос до подбородка.

– Ты ведь понимаешь, что мне придется тебя уволить?

Марк снова кивнул.

– Послушай, – сказал Дики. – Я старался, Марк, правда, старался. Я показал им данные продаж, сказал, что ты молод, порывист, я произнес целую речь.

– Спасибо, Дики.

– К концу этой речи едва не уволили и меня.

– Не надо было ради меня подставлять шею.

– Любого другого, старина! Ты мог выбрать любого другого, ты мог пнуть мэра, написать оскорбительное письмо королю, но почему из всех ты выбрал именно Кортни?

– Знаешь что, Дики?

Настала очередь Дики отрицательно покачать головой.

– Мне это понравилось. Понравилось каждое мгновение.

Дики громко застонал, достал из серебряного портсигара сигарету и протянул Марку. Оба закурили и какое-то время молчали.

– Значит, я уволен? – спросил наконец Марк.

– Это я и пытаюсь тебе сказать последние десять минут, – подтвердил Дики.

Марк начал очищать ящики своего стола, потом остановился и вдруг спросил:

– Мою голову потребовал генерал, генерал Кортни?

– Понятия не имею, старина, но уверен, что он.

Марку не хотелось верить, что это генерал.

Слишком низкий поступок для такого большого человека. Он представил себе, как генерал врывается в смотровой зал, размахивая хлыстом.

Человек, способный на такую мелкую месть, способен и на другое, например убить старика из-за земли.

От этой мысли Марку стало тошно, и он постарался отогнать ее.

– Что ж, пожалуй, я пойду.

– Мне жаль, старина. – Дики встал, протянул руку, потом посмотрел смущенно. – Как у тебя с деньгами? Я мог бы дать тебе десятку на первое время.

– Спасибо, Дики, но у меня все в порядке.

– Послушай, – внезапно выпалил Дики, – пройдет месяц-другой, пыль осядет, и тогда, если ничего подходящего не найдешь, загляни ко мне. Я попытаюсь снова впустить тебя через заднюю дверь, даже если придется записывать тебя в платежную ведомость под чужим именем.

– До свидания, Дики, и спасибо за все.

– Я говорю серьезно. Мне тебя будет не хватать, старина. На будущее: не высовывай головы из-за бруствера.

* * *

Ломбард был на Солдатской улице, почти напротив вокзала. Небольшое помещение было завалено ценными, полуценными и никому не нужными вещами, накопившимся за долгие годы.

Меланхолично висели ряды пожелтевших подвенечных платьев; в пыльных витринах лежали стеклянные коробочки со старыми обручальными кольцами, часами с гравировкой, портсигарами и серебряными фляжками – все это когда-то дарилось с любовью и уважением, у каждого предмета была своя печальная история.

– Два фунта, – сказал оценщик, бросив всего один взгляд на костюм.

– Ему только три месяца, – тихо сказал Марк. – И заплатил я за него пятнадцать.

Оценщик пожал плечами, и его очки в стальной оправе съехали на нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.